ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

6

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

И

ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Документы

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛИТВЕ И БЕЛОРУССИИ

(1918 — 1920 гг.)

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Публикуемые материалы относятся к событиям периода иностранной военной интервенции и гражданской войны, происходившим на территории двух советских республик — Литвы и Белоруссии. На протяжении почти всего указанного периода существовала единая Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии, материалы центральных органов которой и составили основу настоящей публикации.

Ход исторического развития Литвы и Белоруссии в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции имел очень много общих моментов. В годы гражданской войны белорусский и литовский народы объединяла совместная борьба против одних и тех же иностранных интервентов. В 1919 г. даже было осуществлено государственное объединение советских республик Литвы и Белоруссии (Литбел), просуществовавшее, правда, очень недолго.

Однако в ходе гражданской войны события в Литве и Белоруссии развивались по-разному. Если борьба белорусского народа завершилась в 1920 г., после окончания советско-польской войны, утверждением и укреплением Советской власти на большей части территории Белоруссии (за исключением ее западных областей), то в Литве Советская власть была задушена иностранными империалистами, и литовскому народу был навязан капиталистический строй, просуществовавший в стране вплоть до 1940 г.

Публикуемые документы говорят о руководящей роли Коммунистической партии в борьбе литовского и белорусского народов за Советскую власть, за вечный и нерушимый союз Литвы и Белоруссии с Советской Россией, против иностранных империалистов и их лакеев — буржуазных националистов. Они показывают вместе с тем становление и укрепление коммунистических организаций Литвы и Белоруссии, их рост и расширение связей с массами.

К октябрю 1917 г. положение в Литве и Белоруссии было различным. Советская власть, победившая в Петрограде, Москве и других важнейших центрах страны, одержала одновременно победу и в Белоруссии. В тече-

ние первой половины ноября 1917 г. вся власть на территории Белоруссии (за исключением районов, оккупированных немцами) перешла в руки Советов.

В то же время в Литве, вся территория которой находилась под властью немецких оккупантов, царил режим жесточайшего угнетения трудящихся и национального гнета. Рабочий класс Литвы еще не имел в 1917 г. своей единой коммунистической партии; существовали лишь отдельные, разрозненные подпольные коммунистические организации.

После того как немецкие империалисты, сорвав мирные переговоры в Брест-Литовске, начали в феврале 1918 г. наступление против молодой Советской республики, почти вся территория Белоруссии вместе с ее центром — Минском также оказалась оккупированной. К периоду немецкой оккупации, продолжавшейся до ноября 1918 г., относятся документы №№ 1—4, характеризующие, главным образом, руководство работой подпольных коммунистических организаций на территории Литвы и Западной Белоруссии.

Еще в октябре 1917 г. было создано временное Центральное бюро литовских секций при ЦК РСДРП(б) во главе с В. С. Мицкевичем-Капсукасом. На первой конференции литовцев-большевиков в Петрограде 5—8 января 1918 г. вместо временного бюро было избрано Центральное бюро литовских секций при ЦК РСДРП(б), которое развернуло работу по установлению связей с партийными организациями на оккупированной территории Литвы, по отправке туда литературы и работников. Центральное бюро литовских секций работало в тесном контакте с литовским комиссариатом Наркомнаца, руководителем которого также являлся В. С. Мицкевич-Капсукас.

Помощь, оказываемая из Москвы подпольным организациям Литвы и Западной Белоруссии, работавшим в районах, оккупированных немцами до февраля 1918 г., была весьма плодотворной. Летом 1918 г. группа левых социал-демократов в г. Вильно порвала с соглашательской Социал-демократической партией Литвы и создала Социал-демократическую партию Литвы и Белоруссии, которая с августа 1918 г. стала называться Коммунистической партией Литвы и Белоруссии. 1—3 октября 1918 г. в Вильно состоялся I съезд этой партии. Подпольные организации в районах так называемой «первой оккупации» насчитывали к этому времени около 800 членов. ЦК Компартии Литвы и Белоруссии установил связь с ЦК РКП(б) и под его руководством развернул работу по подготовке к освобождению края от немецких оккупантов. В это же время большая партийная работа велась в тех районах Белоруссии, которые были оккупированы Германией после февраля 1918 г. Руководящим центром здесь был областной партийный комитет Западной области.

В сентябре 1918 г. по инициативе ряда организаций развернулась работа по созданию координирующего центра, который смог бы руководить деятельностью всех подпольных организаций на территориях, оккупированных Германией (см. док. № 2). В октябре 1918 г. в Москве состоялось совещание коммунистических организаций оккупированных областей, избравшее свое Центральное бюро, работа которого имела особенно большое значение во время краха немецкой оккупации и развернувшегося затем освобождения западных областей.

В конце 1918 — начале 1919 г. Белоруссия и бо́льшая часть Литвы были освобождены от немецких оккупантов. На помощь литовскому и белорусскому народам, поднявшимся за свое освобождение, пришли войска советской армии, радостно встреченные населением (см. док. № 5).

Освобождение Литвы и Белоруссии открыло перед литовским и белорусским народами пути к созданию своей, советской государственности

16 декабря 1918 г. был издан Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Литвы, провозгласивший установление Советской власти в Литве и создание независимой Литовской Советской республики. Через несколько дней VI Северо-Западная конференция РКП(б), состоявшаяся 30—31 декабря 1918 г., объявила себя первым съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, а 1 января 1919 г. Манифест Временного рабоче-крестьянского Советского правительства Белоруссии провозгласил создание Белорусской Советской Социалистической Республики.

Борьба с иностранными империалистами требовала объединения сил молодых советских республик. Состоявшиеся в Литве и Белоруссии съезды Советов поставили вопрос о слиянии этих республик в единое государство, что и было вскоре осуществлено. 3—8 марта 1919 г. состоялось объединение и коммунистических партий и был избран единый ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии.

Бо́льшая часть публикуемых документов (№№ 8—32) относится к периоду борьбы молодой Литовско-Белорусской советской республики против наступления войск буржуазно-помещичьей Польши, начавшегося весной 1919 г. Многие документы рассказывают о руководстве ЦК КПЛиБ работой подпольных коммунистических организаций на оккупированной Польшей территории.

В конце апреля 1919 г. польские войска захватили Вильно и развернули наступление на важнейшие центры Литовско-Белорусской республики. Совет Обороны Литбел, руководимый В. С. Мицкевичем-Капсукасом, проделал большую работу по мобилизации сил и средств на борьбу с врагом. Особенно напряженной была его деятельность летом 1919 г., когда создалась непосредственная угроза Минску. Строительство оборонительных сооружений, налаживание производства на военных заводах и фабриках, агитационные мероприятия,— все это входило в сферу деятельности Совета Обороны Литбел (см. док. №№ 8, 9).

Директива В. И. Ленина и Центрального Комитета РКП(б) о создании военного союза Советских республик для борьбы с международным империализмом нашла горячий отклик у руководства Литовско-Белорусской республики. Об этом свидетельствует включенное в настоящую публикацию письмо Совета Обороны Литбел в ЦК РКП(б) (см. док. № 10), которое предшествовало изданию известного декрета ВЦИК от 1 июня 1919 г. «Об объединении Советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом».

Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии проводила большую политическую работу среди трудящихся. За четыре месяца 1919 г. только на литовском языке было выпущено 232 тыс. экз. листовок и воззваний. Представление о работе, проделанной Компартией Литвы и Белоруссии в этом направлении, дают приводимые ниже листовки и воззвания (см. док. №№ 11, 12, 24).

О том, какое большое значение Центральный Комитет РКП(б) придавал Литовско-Белорусской республике, свидетельствует следующий факт. Прибывший на Западный фронт летом 1919 г. И. В. Сталин в письме на имя В. И. Ленина и ЦК РКП(б) поставил вопрос о необходимости самороспуска Минского Совета Обороны и правительства Литбел, ввиду их якобы полной ненужности и в целях укрепления аппарата армий Западного фронта (см. док. № 15). Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев предложение И. В. Сталина, сочло несвоевременным ликвидацию правительства Литбел и признало желательным ограничиться лишь ликвидацией Совета Обороны и правительственного аппарата [1]. Совет Обороны был распущен

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 167.

и значительное число его работников было влито в состав руководящих органов Западного фронта.

Уже с первых месяцев войны с буржуазно-помещичьей Польшей на оккупированной польскими войсками территории начали работать коммунистические подпольные организации. Для руководства подпольной работой Центральным Комитетом КПЛиБ в ноябре 1919 г. был создан специальный орган — Бюро нелегальной работы (БНР). Работу подпольных организаций и руководство ими со стороны БНР характеризуют документы №№ 19—28 и др.

Окончание советско-польской войны, подписание мирных договоров с Литвой и Польшей поставило вопрос о разделении коммунистических партий Литвы и Белоруссии, так как условия их работы коренным образом менялись.

Настоящая публикация не претендует на сколько-нибудь полное освещение всей работы Компартии Литвы и Белоруссии в 1918—1920 гг. Цель ее — дать некоторые новые документы исследователю этой важной и интересной темы.

Публикуемые документы хранятся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, за исключением №№ 29, 31 и 32, хранящихся в Архиве Института истории партии ЦК КП Литвы.

Публикация подготовлена А. И. Булатовым, К. Н. Залуниной и Н. В. Леок.

А. Э. Экштейн

№ 1

Письмо Центрального бюро литовских секций РКП(б) в ЦК РКП(б) о мобилизации литовских коммунистов для работы в Литве

30 июля 1918 г.

Препровождая при сем копии новых двух писем из Литвы (Вильна), Центральное бюро литовских секций РКП(б) [1] считает нужным сообщить, что ему при содействии Комиссариата по литовским делам при народном комиссаре по делам национальностей уже удалось установить постоянные связи с Литвой, организовать отправку туда коммунистической литературы на разных языках и людей. К сожалению, до сих пор Центральное бюро литовских секций могло отправить туда лишь одного ответственного партийного работника, между тем как товарищи в Литве крайне в них нуждаются. Особенно необходимы старые, опытные партийные работники, знакомые с местными условиями. Таких товарищей мы имеем в российской работе, и о командировании одного из них (т. Ядвиги Нетупской из Петрограда) уже просило наше Центральное бюро; к сожалению, до сих пор мы не получили ответа. Ввиду этого вторично настоятельно об этом просим.

Во-вторых, Центральное бюро просит освободить от занимаемой должности председателя Западной областной коллегии по делам военнопленных и беженцев в гор. Смоленске тов. Рафаила Расикаса. Он тоже старый партийный работник, изъявил желание перейти на работу в оккупированных областях, но без резолюции ЦК его не освобождают.

ЦБ надеется, что, ввиду первостепенной важности в настоящее время работы в оккупированных областях и ввиду особенной важности этой работы в оккупированной в 1915 году Литве и Белоруссии, где только сейчас начался полный разрыв большевиков с меньшевиками, куда мень-

шевики посылают своих работников, ЦК не откажется немедленно отпустить указанных товарищей от занимаемых ими должностей и командирует их в Литву. Работа в Литве тем большее значение в настоящий момент имеет ввиду того, что через нее непосредственно соприкасаемся с Германией.

Наконец, ЦБ обращает внимание ЦК на указание, сделанное в письме наших товарищей из Вильна, якобы там каким-то путем получают поддержку из средств ЦК нашей партии или каких-нибудь других советских средств наши враги — меньшевики. Это необходимо сейчас же самым тщательным образом исследовать и впредь без ведома ЦБ литовских секций, непосредственно связанного с коммунистической работой в Литве, никаких средств для работы в Литве и Белоруссии (первой оккупации) не отпускать.

При сем присовокупляем, что прилагаемые письма о партийной работе в Литве и Белоруссии не подлежат оглашению. Что же касается письма о положении дел в Германии, то об оглашении такового или нет — решит ЦК.

Резолюцию просим немедленно сообщить ЦБ литовских секций РКП(б).

С товарищеским приветом

Член бюро В. Мицкевич-Капсукас [2)]

За секретаря — [*подпись*] [1]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 89, л. 1.— Подлинник.

№ 2

Заявление представителей национальных коммунистических секций РКП(б) в ЦК РКП(б) о координации партийной работы в оккупированных районах

1 сентября 1918 г.

Собрание, состоящее из представителей партий: 1) ЦК Социал-демократии Латвии, 2) Центрального бюро литовских коммунистических секций России, 3) ЦК эстонских коммунистических секций России, 4) представителя еврейских коммунистических секций, 5) представителя Народного комиссариата по делам национальностей, пришло к следующему заключению:

Для координации и правильной постановки коммунистической работы в оккупированных местностях необходимо создать при ЦК партии коммунистов специальный совещательный орган, состоящий из представителей соответствующих национальных коммунистических организаций, который: 1) информировал бы ЦК о всех нуждах, потребностях коммунистического движения за рубежом, 2) сосредоточил бы в своих руках оказание помощи этому движению, 3) служил бы информационным органом для этого движения, 4) являлся бы органом, объединяющим и координирующим это движение во всех оккупированных областях.

Настоятельная необходимость немедленного создания такого органа диктуется, между прочим, еще и тем, что, по нашим сведениям, помощь, оказываемая советскими и партийными организациями движению в ок-

---

[1] Подпись неразборчива.

купированных областях, часто благодаря неорганизованности этого дела достается заведомым врагам коммунистического движения.

От ЦК СД Латвии [*подпись*][1]
От ЦБ литовских коммунистических секций В. Мицкевич-Капсукас
От ЦК эстонских коммунистических секций Г. Пегельман
От еврейских коммунистических секций С. Диманштейн
За наркома по делам национальностей С. С. Пестковский
Заведующий украинским отделом при наркоме по делам национальностей И. Кулик

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 100, л. 2.— Копия.

№ 3

Письмо В. С. Мицкевича-Капсукаса из Вильно Я. М. Свердлову о работе Коммунистической партии Литвы и Белоруссии среди населения и вражеской армии на оккупированной территории

Вильно, 2 ноября 1918 г.

Тов. Свердлову

Уважаемый товарищ! По понятным причинам я пишу Вам лишь несколько слов. Товарищ, которого посылаем в Москву, расскажет подробнее.

Я пишу от имени ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии (первой оккупации) [3)].

Работа здесь развертывается. Рабочие массы на нашей стороне. Начинается лихорадочная подготовительная работа в ожидании крупных событий. Уже имеем связи с солдатами. Надеемся, что в ближайшем будущем значительная их часть (больше 1000 человек со всеми родами орудий) будет в полном нашем распоряжении.

При их содействии мы приступаем к организации «милиции», т. е. нашей Красной гвардии. Этих солдат, которые находятся под руководством спартаковцев [4)], необходимо будет нам содержать, ибо в противном случае они, очутившись без средств, могут разбрестись. Поэтому мы посылаем в Москву товарища с поручением привезти оттуда до 15 миллионов денег.

Что касается похода Красной Армии, направленного в Литву, нужно об этом заранее условиться с нашими товарищами в Литве.

В Ковенской губернии наша победа обеспечена, и там во многих пунктах у нас могут быть вспомогательные отряды. В Вильно сейчас центр польских легионеров-белогвардейцев, но мы их скоро разоружим при помощи немецких солдат.

Литовская Тариба [5)] уже обратилась к союзникам с просьбой о присылке войск, но, вероятно, ее уже не будет, когда эти войска придут.

Рабочие Советы создаются, хотя приходится нам еще нелегально работать.

Собрания не разрешаются, легальных наших газет нет, но скоро будут.

С товарищеским приветом

В. Мицкевич

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 100, л. 15.— Автограф.

---

[1] Подпись неразборчива.

№ 4

Письмо В. С. Мицкевича-Капсукаса в ЦК РКП(б) о положении в Литве и налаживании транспорта литературы на оккупированную территорию

Невель, 20 ноября 1918 г.

Уезжая в Литву для партийной работы, я нахожу необходимым указать, что в настоящий ответственный момент нашей работы в оккупированных областях особенно чувствуется необходимость наиболее близкого общения с ЦК РКП(б), его инструкции, указания, решения, снабжение необходимой литературой (на русском языке и др.), деньгами и пр. Необходим также наибольший контакт с другими оккупированными областями, что непосредственно из Литвы едва ли мы будем иметь.

Ввиду этого не только мне, но и всему нашему Центральному бюро [литовских секций РКП(б)] представляется необходимым сохранить и впредь ЦБ коммунистических организаций оккупированных областей при ЦК РКП (б) [6]; вместо выбывшего т. Расикаса поручить секретарство т. Пестковскому; привлечь его главным образом к партийной работе (при ЦК), связанной с работой в оккупированных областях; лучше наладить транспорт литературы, и впредь нам очень нужна будет литература на русском языке, кроме того, на немецком, в близком будущем, вероятно, и на английском языке, на еврейском и пр. Если удастся привлечь еще хотя несколько подходящих товарищей для этой работы, пожалуй, удастся лучше поставить транспорт, чем до сих пор был поставлен. Наконец, необходимо посылать к нам побольше агитаторов и организаторов.

ЦБ коммунистических организаций оккупированных областей при ЦК РКП(б), по моему мнению, мог бы лучше всего это сделать. Прошу обратить на это особенное внимание.

С товарищеским приветом

В. Мицкевич-Капсукас

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 100, л. 16.— Автограф.

№ 5

Телеграмма Куценко из Бобруйска о налаживании работы революционных комитетов на освобожденной территории Белоруссии

29 ноября 1918 г.

Москва, наркомпути Невскому,
председателю ЧК, ЦК партии коммунистов

Во всех освобождаемых от немецкой оккупации местах население встречает восторженно представителей Советской власти. Для закрепления Советской власти необходимо воспользоваться настроением масс и в срочном порядке командировать опытных работников и агитаторов, [так] как все организованные нами на местах ревкомы за отсутствием опытных товарищей неумело берутся за дело, чем наносят Советской республике непоправимый вред. № 172.

Затеком[1] Куценко

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 19, л. 4.— Телеграфный бланк.

[1] Не расшифровано.

№ 6

Телеграмма И. В. Сталина в Двинск С. С. Пестковскому об образовании Белорусской Советской Социалистической Республики

20 декабря 1918 г.

Манифест [7] уже разослан по радио во все государства. Признание Совнаркомом состоится в субботу. Военком Кожура замещается Расикасом, и вообще приняты меры в духе вашего предложения. Посылаем вам специального информатора Гопнера, которого просим принять и через которого просим сообщать обо всем, так как вы сами очень заняты. Жму руку, желаю успехов.

Ваш Сталин

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 490.— Автограф.

№ 7

Телеграмма члена Центральной комиссии Берзина из Молодечно в ЦК РКП(б) о присылке партийных работников на освобожденную территорию

25 декабря 1918 г.

В связи с очищением немцами Западной области необходимо выслать агитаторов и партийных работников для агитации и объявления крестьянам о положении и нуждах Советской республики.

В деревнях имеется громадное народное и военное имущество, часть захвачена крестьянами при отступлении немцев. Необходимо разъяснить крестьянам, что скрытие винтовок и других припасов тяжело тормозит действия Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Отсутствие агитаторов крайне затрудняет работу по учету и сбору имущества среди неорганизованных крестьян.

Берзин

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 19, л. 12.— Телеграфный бланк.

№ 8

Телеграмма Совета Обороны Литвы и Белоруссии В. И. Ленину об обороне Минска

20 мая 1919 г.

Москва, Кремль, В. И. Ленину

Копия в ЦК РКП(б)

Смоленск телеграфирует, что Минск не представляет стратегического интереса и защищаться не будет. Принимая во внимание, как это отзовется на населении, учитывая политическое значение Минска, находим недопустимым оставление города без защиты и принимаем меры к защите. Совнарком переводим в Бобруйск, Совет Обороны [8] остается в Минске. Идет правильная эвакуация. № 10.

Председатель Совета Обороны Литбел Мицкевич

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 17, л. 31.— Телеграфная лента.

№ 9

Телеграмма Совета Обороны Литвы и Белоруссии в ЦК РКП(б) с просьбой об отмене приказа окружного военного комиссариата Западного фронта о дислокации воинских частей

Минск, 21 мая 1919 г.

Москва, Центральный Комитет РКП(б), Оргбюро

Согласно решению ЦК, Реввоенсоветом республики и Начвсероссглавштабом был отдан приказ о включении частей Минской, Виленской, Ковенской губерний в Западной округ. Ныне Окрвоенкомзап распорядился подчинить Виленскую и Ковенскую губернии витебскому губвоенкому с переводом в Витебск всего штата. Не говоря о том, что постановление ЦК, говорившее только о включении губерний в округ, но не о подчинении одной губернии другой, таким образом явно искажается, это недопустимо потому, что оставшиеся уезды Виленской губернии являются театром наступления белых вдоль линии узкоколейки, где единственное сопротивление оказывают отряды, организованные и руководимые виленским губвоенкомом, и что еще до включения в Западный округ последним по приказанию Наркомвоен Литбела начата проводимая и сейчас мобилизация. Переезд всего аппарата в Витебск лишит непосредственного руководства как отряды, так и дело мобилизации. В момент серьезной опасности перед превосходящими силами белых такие, создающие хаос эксперименты абсолютно недопустимы. Настоятельно просим распорядиться об отмене приказа Окрвоенкомзапа. НР 805.

Совет Обороны Литбел

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 17, лл. 32—33.— Телеграфная лента.

№ 10

Обращение Совета Обороны Литвы и Белоруссии в ЦК РКП(б) об установлении военного союза между советскими республиками

Минск, 31 мая 1919 г.

В Центральный Комитет РКП(б)

Совет Обороны Литвы и Белоруссии как высший орган власти, получивший свои полномочия от ЦИК Советов Литвы и Белоруссии, предлагает установить всем советским республикам тесный военный союз с единым военным командованием и делением всех объединенных военных сил на армии по оперативным заданиям, а не по национально-государственному принципу. Совет Обороны, считаясь с необходимостью срочного проведения этого принципа во имя более успешной борьбы с международным империализмом, просит в срочном порядке обсудить данное предложение в ЦИК и решение нам сообщить.

Совет Обороны: Мицкевич, Циховский
Уншлихт, Калманович,
Кнорин

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 17, л. 35.— Копия.

№ 11

Листовка ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии к крестьянам с призывом к бойкоту оккупационных властей

Не позднее 10 июля 1919 г.

КРЕСТЬЯНЕ!

Для вас настал тяжелый час.

Ваши села и деревни захвачены польскими легионерами, этими сынками помещиков, купцов и фабрикантов.

Это те самые легионеры, которые полтора года тому назад под командой генерала Довбор-Мусницкого грабили крестьян Игуменского, Слуцкого и Бобруйского уездов.

Это те же самые легионеры, которые полтора года тому назад отнимали у вас все, что вы имели.

Вы, крестьяне, еще помните плеть польского и немецкого офицера, еще раны от нее не зажили на вашей спине.

Эта плеть отныне вновь будет гулять по вашей спине.

Опять в имения будут водворены помещики.

Опять они будут распоряжаться вами, и по их указке будут арестовываться и расстреливаться те, которые окажут малейший признак сопротивления.

Крестьяне, тяжелый час испытания настал для вас!

Ваша Советская власть, которую вы полгода тому назад сами устанавливали в этом крае [9)], теперь заменяется властью помещиков.

Вы были часто недовольны Советской властью.

Вы имели много нареканий на Советскую власть. Но это был спор в своей семье, потому что власть была крестьянская и рабочая.

Если Советская власть поступала иногда слишком круто с крестьянами, которые не давали хлеба, то только потому, что этот хлеб был нужен городским рабочим.

Без хлеба рабочие умрут с голоду.

Если Советская власть заставляла ваших братьев и сыновей идти в Красную Армию, то только для того, чтобы защищать свою землю, свою свободу, свою деревню от разбойников — помещичьих сынков.

И вы, товарищи крестьяне, ныне, когда паны и офицеры опять властвуют над вами, должны сказать: «Да, Советская власть правильно делала».

Но теперь, товарищи, когда Советская власть из многих уездов нашей Минской губернии ушла, когда бóльшая половина нашей страны опять в руках власти помещиков, вы, товарищи крестьяне, должны делать все, чтобы Красная Армия могла вернуть ваши села и деревни и восстанавливать в них Советскую власть.

Все, кто может нести оружие, в Красную Армию!

Только одна Красная Армия — защитница бедняков.

Все, кто остается в деревне, знайте!

Для честного крестьянина есть одно правило: ни одного гарнца овса, ни одного пуда ржи врагам рабочих и крестьян. Ваши рожь и овес понадобятся вашим братьям рабочим и крестьянам, которые голодают в Петербурге, Москве и Минске.

Всякого легионера и посланника врагов крестьян и рабочих, кто придет к вам за хлебом, гоните в шею,— довольно помещичьи сынки питались от ваших мозолистых рук!

Для честного крестьянина есть другое правило: никакого приюта ни на один час кому бы то ни было из наймитов помещиков. В вашу хату не должна вступить нога их легионера. За ваш порог не должен переступить ни один наемный разбойник, убивающий ваших сыновей и братьев и позорящий ваших сестер.

Для честного крестьянина есть третье правило: все для восстановления Советской власти, каждый крестьянин в своей деревне знает одну мысль: каждый его шаг — для пользы революции, все, что крестьянин может сообщить Красной Армии, он сообщает ей.

Ныне каждый крестьянин должен быть большевиком.

Только большевики избавят крестьян от гнета помещиков и легионеров.

Потому — стройте по деревням и селам ячейки нашей большевистской коммунистической партии, объединяйте эти ячейки для борьбы с насильниками.

Коммунистическая — большевистская партия по-прежнему остается с вами. Она так же, как до сих пор, будет руководить вами. Так прислушивайтесь же к голосу вашей партии.

Трудные дни настали для большевиков.

Но скоро все изменится.

Скоро мы вернем потерянное.

Так за работу!

Готовьте восстания, собирайте оружие, ударяйте в спину врагу!

Долой помещиков и капиталистов!

Долой насильников легионеров!

Да здравствует восстание крестьян по всей Белоруссии против гнета легионеров и помещиков!

Да здравствует Советская власть — власть рабочих и крестьян!

Да здравствует большевистская коммунистическая партия!

Центральный Комитет Коммунистической
партии (большевиков) Литвы и Белоруссии

Минск, июль 1919 г.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 161.— Текст типографский.

№ 12

Листовка ЦК Компартии Литвы и Белоруссии к солдатам польской армии с призывом прекратить братоубийственную войну

Не позднее 10 июля 1919 г.

СОЛДАТЫ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ!

Когда же, наконец, вы прекратите братоубийственную войну!

Когда же, наконец, вы дадите возможность нам, крестьянам и рабочим многострадальной Белоруссии, вернуться к работе на своих полях и фабриках?

Зачем вы пришли сюда в чужой для вас край, чего вы от нас хотите?

Мы уже полгода как прогнали своих помещиков и фабрикантов и сами решили строить свое государство трудящихся.

И помещики, и спекулянты, и капиталисты, они, подобно пиявке, сосали в течение многих сотен годов нашу кровь.

Они на наших мучениях, бесконечных страданиях, на нашем голоде строили свое благополучие, свою сытую жизнь.

Наши старшие братья, русские рабочие и крестьяне, сбросили иго помещиков и капиталистов уже два года тому назад и создали Советскую республику, в которой нет ни бедных, ни богатых, ни лентяев, ни тунеядцев, в которой все трудятся, как равноправные члены одной общей семьи.

Мы пошли по их пути.

Но могли мы это сделать только шесть месяцев тому назад. До этого времени наш край был оккупирован немцами, которые покровительствовали нашим панам. И только после ухода немцев, после того, как нам удалось освободиться от гнета своих панов, облегченно и радостно вздохнул белорусский трудящийся люд. Свободной волей всех трудящихся в феврале месяце 1919 г. на Всебелорусском съезде в Минске единогласно было постановлено объявить Белоруссию Социалистической Советской Республикой.

После этого мы хотели приняться за мирное строительство нашего рабоче-крестьянского государства.

Вся земля была передана в руки государства, все банки, заводы, фабрики объявлены были народным достоянием всех трудящихся.

Все школы мы сделали бесплатными и доступными для всех.

Мы уничтожили всякие чины и все сословные привилегии.

Громаднейшая работа предстояла еще нам.

Но нам не дали возможности приняться за свою мирную работу.

Все изгнанные из наших земель польские помещики и капиталисты настояли перед своим правительством на походе против рабоче-крестьянской Белоруссии, и польские войска без объявления нам войны начали на нас наступать.

Для чего они это сделали?

Только для того, чтобы вернуть свои земли, свои капиталы и свои дома обратно.

Конечно, они сами не пошли войной против нас. Они послали воевать с нами вас, таких же рабочих и крестьян, как и мы.

Они вас обманывали и обманывают на каждом шагу и до сих пор. Они говорят вам о том, что мы хотим завоевать Польшу, что большевики преследуют ксендзов и римско-католическую церковь, а также и граждан Польской республики.

Все это — гнусная и возмутительная ложь!

Никакой войны ни с кем мы не хотели и не хотим вести.

За винтовки мы взялись только потому, что нас хотят уничтожить, задавить нашу свободу и наши права.

Мы вынуждены обороняться, потому что вы на нас нападаете.

Мы вашему правительству три месяца тому назад предлагали заключить мир, даже согласны были пойти на целый ряд уступок, лишь бы прекратить войну и вернуться к своей мирной работе.

Но в ответ на наше мирное предложение польское правительство начало на нас наступать.

Все, что говорят вам о том, что якобы большевики преследуют религию и церковь,— все это ложь.

У нас все веры — все религии — свободны и равноправны. И никакого надругания над религиозными чувствами граждан мы не допускаем.

Никаких преследований вообще против поляков мы не ведем,— для нас все одинаковы.

Мы преследуем спекулянтов и контрреволюционеров без различия веры и языка.

В нашем государстве поляки пользуются теми же правами, как белорусы, русские, литовцы, евреи и другие национальности.

Посмотрите на ваших офицеров. Посмотрите на ваш командный состав.

Кто они?

Все — помещики, сынки богачей и дворян.

Они вас и ведут против рабоче-крестьянской Белоруссии. Они вам сознательно лгут о всех наших делах, для того чтобы вы могли быть слепым орудием в их руках.

Они ненавидят Советскую власть, власть всех трудящихся, и всякими правдами и неправдами пытаются ее задавить поскорее, боясь, чтобы у себя в Польше рабочие и крестьяне не создали такой же Советской республики.

Неужели вы будете палачами белорусских рабочих и крестьян?

Неужели вы хотите того, чтобы к нам вернулись наши старые поработители — паны и фабриканты?

Бросьте войну!

Довольно крови рабочих и крестьян. Вернитесь к своим хижинам, к своим семьям, к мирным очагам своего труда.

Мы хотим мира и братства всех трудящихся.

Мы хотим, чтобы все были равны и свободны.

Да здравствуют единение и солидарность всех трудящихся народов, на каком бы языке они ни говорили и какую бы веру они не исповедовали!

Да здравствует Советская власть, единственная защитница трудящихся!

Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии

Минск, июль 1919 г.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 161.— Текст типографский.

№ 13

Телеграмма Совета Обороны Литвы и Белоруссии в ЦК РКП(б) и В. И. Ленину об эвакуации Минска

Минск, 10 июля 1919 г.

ЦК РКП б), копия В. И. Ленину

Наступление противника приостановлено. Он находится на расстоянии 30 верст от Минска. Эвакуация Минска закончена. Подкрепление и винтовки прибывают слабо. Крайняя нужда в обуви. Настроение красноармейцев среднее. Крестьянство на нашей стороне. 3105.

Председатель Совета Обороны Литвы и Белоруссии Мицкевич

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 17, л. 56.— Телеграфная лента.

№ 14

Письмо В. С. Мицкевича-Капсукаса в ЦК РКП(б) об обороне Минска и о вновь вышедшем журнале «Коммунист»[1]

Минск, 10 июля 1919 г.

Уважаемые товарищи! Посылаю № 1 «Коммуниста» [10)], издаваемого для Литвы и Белоруссии, занятой белыми.

Вышел уже № 1 «Komunisty» и на польском языке — популярный для широких масс. Если найдете свободную минуту, прочтите статьи: «Причины потери Вильна» и «Наши очередные задачи». Когда-нибудь скажете свое мнение.

Мы держимся в Минске. Враг находится на расстоянии 30 верст. Надеемся отбросить его, если только не возьмут от нас имеющиеся части.

На заседание ЦК ввиду остроты момента не могу приехать.

С товарищиским приветом

В. Мицкевич-Капсукас

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 169.— Автограф.

№ 15

Телеграмма И. В. Сталина в ЦК РКП(б) и В. И. Ленину о необходимости самороспуска Минского Совета Обороны и правительства Литвы и Белоруссии

13 июля 1919 г.

Москва, Кремль, Ленину, ЦК РКП(б)

Сегодня имел совещание с членами Литбел правительства в Минске. Констатирую полную ненужность правительства и Минского Совета Обороны, необходимость их самораспущения и вхождения их членов в органы фронта. Члены Литбел правительства выразили полное согласие, требуется лишь согласие ЦК партии. Прошу не медлить с согласием, это облегчит дело строительства фронта, значительно укрепит фронт, сократит спрос на работников из центра. Сообщите получение моего письма № 1. Положение фронта сообщу письмом. 130.

Сталин

13/7. 24 ч.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 658.— Телеграфная лента.

№ 16

Запрос по прямому проводу членов ЦК Компартии Литвы и Белоруссии в ЦК РКП(б) о роспуске правительства Литовско-Белорусской республики

13 июля 1919 г.[2]

У аппарата Мицкевич и Долецкий. К нам прибыл товарищ Сталин и предложил нам сегодня же временно ликвидировать республику Литвы и

[1] Ответ ЦК РКП(б) см. док. № 17.

[2] Дата установлена на основании док. № 15.

Белоруссии, полностью распустив наш ЦИК и Совнарком и передав власть гражданскую — губисполкому, а защиту — РСФСР. Кроме того, Сталин намерен назначить здесь коменданта с широкими полномочиями и ввести осадное положение.

Наш Цека, обсудив это предложение, пришел к выводу, что, действительно, общее положение требует реорганизации нашей работы и решил распустить Совет Обороны, также поручить ведение советской работы губисполкому, работающему в контакте с военными, все же освободившиеся силы отдать работе в Красной Армии или партийной в тылу у неприятеля.

Мы отнюдь не возражаем против осадного положения, но по вопросу о ликвидации республики мы высказываемся за ее формальное существование по следующим соображениям: по-первых, [это может] повлечь за собой дезориентацию в среде партийных товарищей и рабочих кругах главным образом по ту сторону фронта; [во-вторых], затруднит работу наших товарищей за демаркационной линией; в-третьих, даст возможность польской или литовской буржуазным партиям обвинять Советскую Россию в аннексионизме; в-четвертых, будет невыгодно Советской России [в случае] возможных переговоров с Польшей.

Ввиду этого нам необходимо определенно знать мнение ЦК РКП по этому вопросу. Если предложение Сталина есть решение Цека, то, конечно, мы сделаем все соответствующие выводы, если же нет, то сообщите мнение ЦК РКП относительно нашего решения и возможности утверждения его Цека. Напоминаю, что создание республики вопреки нашему мнению было восстановлено ЦК РКП, и без его определенного постановления мы не решаемся в таком быстром темпе ее ликвидировать, тем более, что польские контрреволюционеры теперь носятся с созданием Белорусской республики и уже приступили к организации белорусского войска, якобы независимая буржуазная Литва с собственным войском уже существует.

Товарищ Сталин настаивает, чтобы мы сегодня же произвели самоликвидацию, поэтому необходимо нам сейчас же получить ответ. Повторяем, если Цека того же мнения, что нам сегодня же нужно ликвидировать себя, то мы, безусловно, это сделаем. Мы ждем у аппарата ответа.

Немедленно сообщите т. Чичерину, что Куявскому до сих пор не удалось поехать по ту сторону фронта. Наши парламентеры вернулись, с той стороны парламентера не было и до сих пор нет. Куявский продолжает ожидать на границе.

Мицкевич, Долецкий[11)]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 166.— Текст машинописный.

№ 17

Письмо Е. Д. Стасовой в ЦК Компартии Литвы и Белоруссии о журнале «Коммунист» и о работе в центре и на местах

17 июля 1919 г.

№ 4322

Дорогие товарищи!

Спасибо вам за присланный № «Коммуниста» [1], который я просмотрела с удовольствием и остановилась и на указанных вами статьях. Что касается причины падения Вильны, то думается, что, кроме приведенных вами, следует поставить и недостаточно революционный темп работы, проявлен-

[1] См. док. № 14.

ный вами. Несомненно, что мы все весьма часто забываем о том, что живем в революционное время и работаем по-мирному, а не по-военному. Относительно второй статьи ничего указать не могу, так как, по-видимому, в этом направлении мы мыслим с вами совершенно одинаково.

Хотелось бы указать на необходимость иметь больше сведений о работе на местах, так как все приезжающие товарищи жалуются, что в ваших пределах работа ведется слишком слабо на местах и что центр и его работу нельзя отождествлять с работою на местах, в уездах и волостях.

Пользуясь случаем, чтобы обратить ваше внимание на то, что за последнее время целый ряд товарищей указывает на ненормальное соотношение сил в штабе XVI армии в смысле коммунистов и беспартийных и на то, что слишком велик бюрократизм ваших центральных органов. В личной беседе я указывала, что жалобы на отдельных лиц и учреждения должны делаться не нам, а ЦК Литбел, так как только он в состоянии решить вопрос, будучи тесно связан со всеми сторонами работы. В письме же считаю необходимым обратить внимание на соотношение.

С коммунистическим приветом

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 168.— Отпуск, автограф Е. Д. Стасовой.

№ 18

Письмо ЦК Компартии Литвы и Белоруссии в ЦК РКП(б) о мобилизации работников Литовско-Белорусской республики в распоряжение Реввоенсовета XVI армии

Минск, 23 июля 1919 г.

№ 1789

В Центральный Комитет РКП(б)

В ответ на ваши указания в письме вашем от 17 июля за № 4322[1] на ненормальное соотношение сил в штабе XVI армии в смысле коммунистов и беспартийных Центральный Комитет КП Литвы и Белоруссии уведомляет вас, что в последние дни им переданы в распоряжение Реввоенсовета XVI армии следующие ответственные работники: народный комиссар по военным делам, член ЦК тов. Уншлихт, народный комиссар по продовольствию и член ЦК тов. Калманович, народный комиссар здравоохранения тов. Ленский, народный комиссар юстиции и член ЦК тов. Гетнер, зам. председателя Высшего Совета народного хозяйства тов. Подвойский, зам. народного комиссара финансов тов. Агол, зам. народного комиссара просвещения тов. Савватиев, зав. инструкторско-информационным отделом Народного комиссариата внутренних дел тов. Расикас, член ЦИК тов. Шимановский, член ЦИК тов. Ахманов, член ЦИК тов. Завьялов, член ЦИК тов. Муклевич, управляющий делами Совета Обороны тов. Эстрин, зам. народного контролера тов. Краснов и особоуполномоченный тов. Арбузов.

Все указанные товарищи отправились в распоряжение Реввоенсовета XVI армии.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК В. Кнорин

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 170.— Подлинник.

[1] См. док. № 17.

№ 19

Из протокола заседания ЦК Компартии Литвы и Белоруссии (п. 1) о нелегальной работе

3 сентября 1919 г.

I. О нелегальной работе.

Принимаются следующие тезисы:

1. ЦК всю тяжесть работы переносит по ту сторону фронта посылкой руководителей организаций на территорию оккупации.

2. Политическое руководство остается в руках ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии, который дает оккупации помощь организационную, издательскую, денежную и всякую другую.

3. Всю оккупацию разделить: на Тарибовскую (Ковенская и Сувалкская губ.), Западную (Виленская и Гродненская губ.), Восточную (Минская, Могилевская и Витебская губернии).

4. a) В Восточной оккупации работа носит характер широкого революционного движения;

b) Западная часть оккупации должна носить характер главным образом политической организационной партийной работы;

c) Тарибовская оккупация то же, что и Западная;

d) Краевая организация КП Литвы и Белоруссии входит в организационную связь с Краевой Коммунистической партией Польши.

5. В состав Бюро нелегальной работы избираются тт. Мицкевич, Кнорин, Богуцкий.

Секретарь В. Богуцкий

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 69, л. 1.— Подлинник.

№ 20

Листовка Ковенского комитета Компартии Литвы и Белоруссии с призывом встать на защиту Советской республики

26 октября 1919 г.

Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты!

Всеобщая забастовка, объявленная 16 сентября, кончена. «Наше» жалкое правительство струсило перед революционным народом рабочих и обещало исполнить все требования как экономические, так и политические.

Но что же мы видим? Черносотенец городской комендант производит кавалерийские наезды на фабрики и заводы, избивает и арестовывает рабочих. Безответственно хозяйничая в своей «вотчине», он пошел еще дальше: ворвался в помещение Центрального бюро профессиональных союзов с целой бандой опричников и, стуча нагайкой по столу и угрожая расстрелять, требовал к себе председателя и секретаря.

Словом, взбесившаяся военная клика учиняет произвол и беззакония при соучастии правительства, в коем в виде лакеев сидят господа, почему-то именующие себя «социалистами».

Чего же они хотят? Задушить рабочее движение, заставить рабочую массу и народ плясать под указку кучки безответственных интеллигентов из правительства. Для этого у вас руки коротки, господа белые офицеры и господа правительственные жонглеры!

Рабочее движение пойдет своими верными путями к заветной цели и,

будучи авангардом революции, искрошит и уничтожит все препятствия и преграды. Истекшая всеобщая забастовка показала, что ковенские рабочие уже проснулись после долгой спячки и гордо и смело вступили в бой за свои человеческие права.

В добрый час, товарищи! Продолжайте неуклонно вашу творческую работу по части мобилизации и организации рабочих революционных сил. И вы, товарищи, внимательно прислушивайтесь к зову и указаниям той политической партии, которая ведет революционный пролетариат всех стран и народов по трудному, но единственно верному пути к полному окончательному освобождению, к творчеству социализма,— к зову коммунистической партии, доносящемуся к вам из подполья.

В этот час она говорит вам, рабочие, крестьяне и солдаты Литвы, *ваше единственное спасение в Советской власти.*

Такая власть, своя рабочая власть Советов рабочих депутатов, вот уже два года существует в Российской Советской Социалистической Республике. Против нее ополчилась буржуазия всех стран, в том числе и наша литовская. Стремясь к социалистическому строительству и к спокойствию и не желая войны, Советская Россия предложила всем воюющим с нею правительствам мир, но на мирное предложение литовская буржуазия ответила отказом.

Пусть же громко и смело раздается наш пролетарский ответ:

ДОЛОЙ ВОЙНУ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ!

Да здравствует экономический и военный союз с нею против надвигающихся на нас польских шляхтичей и варшавских политических аферистов и «союзнических» лакеев.

Да здравствует Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Ковенский комитет Коммунистической партии
Литвы и Белоруссии

26 октября 1919 г.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 6, ед. хр. 18, л. 203.— Текст машинописный.

№ 21

Письмо Литовско-Белорусского отдела агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) губернским партийным комитетам о мобилизации коммунистов для работы на оккупированной территории Литвы и Белоруссии

Октябрь 1919 г.

Уважаемые товарищи!

По военным и другим, от них не зависящим обстоятельствам многим партийным, советским и военным работникам, уроженцам Литвы и Белоруссии, пришлось уехать в различные места Советской России, оставив там, на местах, в Литве и Белоруссии, партийную работу или в полном развале или же, в лучшем случае, в полуразрушенном, разбитом виде от ударов контрреволюции и реакции, последовавшей после неудач на Западном фронте.

Несмотря на все усилия и старания, проявляемые Коммунистической партией Литвы и Белоруссии по восстановлению старых разгромленных

организаций и созданию новых, крайне необходимых, сама работа подвигается очень и очень туго вперед, а во многих местах из-за недостатка старых, опытных, испытанных в нелегальных условиях работников работа совсем прекратилась и не может быть возобновлена, чем нанесен ущерб нашему общему делу, делу мировой революции.

Кроме того, свирепствуя в Литве и Белоруссии, как в странах, тесно прилегающих к фронту и в своем большинстве являющихся фактически фронтовой полосой, белогвардейская военщина вырывает с каждым днем все новых и новых литбеловских партийных работников, а часто и совсем разрушает вновь налаженную нашими товарищами работу, проводимую ими в столь неимоверно трудных условиях, какой является сама уже по себе нелегальная работа.

Нужны, крайне нужны новые силы, силы испытанные, умеющие применяться к месту и времени, а самое главное — не проваленные и не известные белогвардейскому нюху и глазу. Более всего нужны товарищи, знающие языки польский, литовский и еврейский. В ваших рядах таковые имеются. Необходимо только ваше содействие. В целях скорейшей победы на Западном фронте и переброски искр революции и коммунизма подальше на запад, надеемся, что вы, товарищи, не оставите без должного внимания нашего обращения и посодействуете нам в выяснении пригодности того или другого товарища из ваших рядов для вышеуказанных целей. Литбеловские [секции] РКП будут не только резервом, пополняющим наши общие ряды, но они дадут на будущее кадры новых испытанных и закаленных в горниле Российской революции борцов, крайне нужных для Литвы и Белоруссии.

Надеемся, товарищи, что вы нас во всем поддержите и поможете нам теснее связаться с уже существующими литбеловскими секциями, с ними сплотиться и повести усиленную агитационно-организационную и культурно-просветительную работу среди литовско-белорусских колоний в РСФСР.

Литовско-Белорусский отдел агитации и пропаганды
при ЦК РКП [12)]

« » октября 1919 г., г. Москва.

Сведения просим присылать и за справками обращаться по следующему адресу: Москва, М. Палашевский пер., 7—10. Литовско-Белорусский отдел агитации и пропаганды при ЦК РКП.

Адрес газет, издаваемых Компартией Литвы и Белоруссии: «Звезда» (на русском языке) [13)], «Коммунист» (на литовском языке), «Млот» (на польском языке) [14)] — Смоленск, Никольская, 6. Там же можно получить брошюры на литовском и польском языках или по указанному адресу в Москве.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 47, л. 9.— Копия.

№ 22

Резолюция ЦК Компартии Литвы и Белоруссии о подпольной работе на оккупированной территории

11 ноября 1919 г.

1. Выслушав доклад о подпольной работе в Литве и Белоруссии, пленум ЦК Литбел выражает полное доверие товарищам, которые ее ведут. но, со своей стороны, отмечает, что необходима более тесная связь между этими товарищами и ЦК, по крайней мере в лице Бюро ЦК. Последнему

товарищи, работающие в Бюро по нелегальной работе, обязаны давать по крайней мере один раз в месяц отчет о своей работе.

2. Руководство работой как в Тарибовской Литве, так и в колчаковской [15)] и польской оккупациях должно находиться в руках ЦК Литбел, ответственного перед ЦК РКП, ибо ЦК Литбел является единственным правомочным органом, избранным на съезде коммунистов Литвы и Белоруссии и связанным крепкими узами с пролетариатом Литвы и Белоруссии. Но так как польская оккупация поставила значительную часть Литвы и Белоруссии в тесную связь с Польшей и так как в этой части Литвы и Белоруссии особенное внимание надо обратить на работу среди польских солдат и на борьбу против польской контрреволюции,— для более успешной революционной работы необходимо установить наиболее тесную связь между Коммунистической партией Литвы и Белоруссии и Коммунистической рабочей партией Польши. С другой стороны, ввиду сближения буржуазии Тарибовской Литвы, Латвии и Эстонии, Центральное бюро Тарибовской Литвы должно установить тесную связь с коммунистическими партиями Латвии и Эстонии.

3. Ввиду того что деление на литовскую, колчаковскую и польскую оккупации — это лишь временное деление, определяемое интересами и силою оружия различных групп мировой контрреволюции, и не соответствует ни экономическим, ни историческим, ни этнографическим условиям развития Литвы и Белоруссии и Коммунистической партии Литвы и Белоруссии, ввиду того, что это деление скоро будет разбито созревающей коммунистической революцией, как были разбиты деления германской оккупации, ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии не может разбивать коммунистические партии Литвы и Белоруссии, сообразуясь с этими временными делениями Литвы и Белоруссии, а должен работать во всех оккупациях для торжества коммунистической революции, которая снесет какие бы то ни было деления белогвардейских правительств. Причем для более успешной работы ЦК должен приложить все усилия к тому, чтобы руководящий центр КП Литвы и Белоруссии возможно скорее был создан в оккупации и фактически стал бы руководить всей работой. В различных оккупациях для производства [1] работой в местных условиях организуются ЦБ, руководимые общим центром Литвы и Белоруссии.

4. До создания в Литве и Белоруссии руководящего центра ЦК Литбел считает крайне нецелесообразным перенесение центра подпольной работы из Смоленска в Москву, ибо в таком случае этот центр оторвался бы от живой связи с оккупацией и от тех находящихся в Смоленске органов, которые имеют живую связь с оккупацией и фронтом. Это крайне затруднило бы нашу работу и сделало бы Бюро по нелегальной работе мертвым органом. Поэтому пленум ЦК Литбел высказывается за оставление Бюро по нелегальной работе в Смоленске.

Принято единогласно при одном воздержавшемся.

Секретарь ЦК Литбел [*подпись*] [2]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 69, л. 12.— Подлинник.

---

[1] Так в тексте.
[2] Подпись неразборчива.

№ 23

Из протокола заседания ЦК Компартии Литвы и Белоруссии (пп. 1, 2 и 3) об организации Бюро по нелегальной работе, о выборах Бюро ЦК и издательствах

13 ноября 1919 г.

1. Организация Бюро по нелегальной работе и постановка работы. Заслушивается доклад тов. Долецкого и прения.

1. a) Бюро по нелегальной работе состоит из трех членов и образуется ЦК Компартии Литвы и Белоруссии по соглашению [с] Центральным исполнительным бюро Компартии Польши в России [16)] и утверждается ЦК РКП;

b) Бюро дает отчет о своей деятельности перед ЦК РКП, пленумом ЦК Компартии Литвы и Белоруссии и Центральным бюро Польши;

c) Бюро должно разработать и дать на утверждение инструкции своей работы и [о] взаимоотношениях между собою ЦК Литбел, ЦБ Польши и ЦК РКП;

d) Бюро нелегальной работы является органом помощи и содействия краевым организациям в их политической и организационной работе. ЦК рекомендует БНР быть очень осмотрительным в директивах и распоряжениях, даваемых нелегальными организациями, и считаться с тем, что при недостатке точных сведений слишком энергичное использование права руководства может повлечь за собой ошибки и отрицательные результаты для развития партийных организаций за демаркационной линией;

e) ЦК предлагает Президиуму ассигновать на ремонт помещения ЦК 50 000 рублей и ассигновать по своему усмотрению соответствующую сумму на улучшение технических и материальных условий работы;

f) ЦК поручает Президиуму ЦК снестись с ЦИК польских коммунистов относительно кандидатов в БНР и представить их на утверждение Пленума;

g) ЦК поручает тт. Долецкому и Мицкевичу представить в ЦК РКП проект реорганизации Бюро.

2. Выборы Бюро ЦК.

2. a) Постановлено Бюро ЦК переименовать в Президиум;

b) Президиум состоит из трех членов;

c) в Президиум избираются: тт. Мицкевич-Капсукас, Циховский и Кнорин и кандидатом т. Ангаретис;

d) пленарные заседания ЦК происходят один раз в месяц.

3. Издательства.

3. a) «Звезда» должна издаваться только для оккупированных местностей: обратить более серьезное внимание на деревню, подобрав соответствующие материалы для «Звезды», и издавать листовки на русском языке по вопросам момента. Далее, в «Звезде» освещать положение в Советской России, вопросы аграрной политики и вызывать в массах стремление к ниспровержению буржуазного строя;

b) издавать «Млот» как агитационную газету, предназначенную главным образом для фронта и легионеров. Издавать воззвания и летучки. С улучшением транспорта за фронт приступить к изданию органа для местностей, занятых белыми. Издавать агитационные брошюры, печатая их в Смоленске или Москве;

c) на литовском языке издавать «Коммунистас», воззвания, брошюры.

Секретарь ЦК Литбел З. Алекса Ангаретис

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 69, л. 13.— Подлинник.

№ 24

Листовка ЦК Компартии Литвы и Белоруссии к польским оккупационным войскам с призывом к борьбе совместно с рабочими и крестьянами Литвы и Белоруссии

Ноябрь 1919 г.

ПОЛЬСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ ИСТЯЗАЕТ ЗАЩИТНИКОВ ТРУДЯЩИХСЯ — ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ПОЛЬСКИЙ СОЛДАТ ДОЛЖЕН ПОЛОЖИТЬ ЭТОМУ КОНЕЦ

В руки польских палачей, в руки жандармов Пилсудского попало большое количество рабочих, красноармейцев и общественных деятелей Литвы и Белоруссии.

Жандармерия, сыщики и гнусные предатели арестовывают направо и налево, подозревая каждого рабочего в большевизме.

Значительная часть арестованных содержится в тюрьмах только за то, что они являются рабочими, за то, что осмелились признать и сочувствовать Советской власти, за то, что осмелились мечтать об освобождении из-под ярма неволи и гнета буржуазии и помещиков.

За это гниют в тюрьмах и концентрационных лагерях сотни и тысячи лучших сынов трудящихся.

Переполнены тюрьмы в Минске, Вильно, Гродно, Белостоке, Бресте.

Однако вырождающаяся буржуазия и ее лакеи не удовлетворяются только тюрьмами.

Из-за тюремных стен и решеток слышатся стоны истязаемых и подвергаемых пыткам борцов за идеи освобождения пролетариата. Пытки становятся постоянным явлением в польских тюрьмах.

Для получения показаний от людей, которые отказываются их дать, палачи польской буржуазии не гнушаются никакими средствами.

Измор голодом заключенных, избиения и пытки, вбивание гвоздей в живое человеческое тело,— все это становится распространенным явлением.

Перед этими фактами бледнеют воспоминания о зверских расправах царских сатрапов в застенках русских тюрем, Варшавской цитадели, Мокотова.

Стоны и вопли наших истязаемых братьев взывают о помощи и мести.

Эту помощь и месть за причиненные обиды должен оказать им прежде всего польский солдат, который своей кровью завоевывал эту землю для того, чтобы жандармерия Пилсудского чинила дикие расправы над его братьями — рабочими Литвы и Белоруссии так же, как она расправляется уже более года с рабочим классом Польши.

Польский рабочий и крестьянин, одетый в солдатский мундир, должны сбросить виновников этих пыток и погромов, сбросить жандармов, офицеров, буржуев-помещиков, ради которых совершаются эти преступления, покрывающие вечным позором имя польского солдата.

ДОВОЛЬНО ЖЕСТОКОСТИ И ПРОИЗВОЛА ЖАНДАРМОВ И ПАНОВ!

ДОВОЛЬНО ГОСПОДСТВА ПОДЛОЙ БУРЖУАЗНОЙ СВОРЫ!

В ЗАЩИТУ СВОЕЙ РАБОЧЕЙ ЧЕСТИ БЕРИСЬ ЗА ОРУЖИЕ, ПОЛЬСКИЙ СОЛДАТ!

СТАНЬ В РЯД С РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНИНОМ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ, КОТОРЫХ ТЕРЗАЮТ И ЭКСПЛУАТИРУЮТ ТЕ ЖЕ ПАЛАЧИ, ЧТО И ТЕБЯ ВЕДУТ НА БОЙНЮ.

Центральный Комитет Коммунистической партии Литвы и Белоруссии

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 163.— Типографский текст, на польском языке.

№ 25

Доклад ЦК Компартии Литвы и Белоруссии о нелегальной работе (с сентября по декабрь 1919 г.)

6 декабря 1919 г.

В настоящее время все усилие ЦК Литбел направлено на объединение всей нелегальной работы в Литве и Белоруссии вокруг одного центра — в Вильно, куда уже направлены товарищи для руководства этой работой. Принимаются также меры к перенесению Секретариата ЦК на территорию оккупации и организации там издательств и транспорта литературы. Частичная централизация уже достигнута. На состоявшейся в Ковно 15 августа конференции было избрано Центральное бюро для Тарибовской Литвы. На остальной территории Литвы и Белоруссии связь со всеми организациями уже восстановлена. Трудность всей работы заключается в том, что многие товарищи не так легко усваивают задачу нелегальной работы, а потому, попав именно в эти нелегальные условия, не могут сжиться, что вызывает частые аресты не только отдельных членов организации, а даже нередко всей организации. Трудности преодолеваются, и работа уже дает хорошие результаты.

В местностях, где велась широкая революционная работа оставшимися товарищами, вылилась[1] в организованные партизанские отряды. Всех товарищей, работающих в этой области, пришлось передать в распоряжение Реввоенсовета XVI армии.

Необходимо указать и на то, что с наступлением холодов курьеры с той стороны стали приходить реже. Мы также в настоящий момент высылаем курьеров с большими трудностями, так как сильно чувствуется недостаток в теплых вещах.

В предыдущем докладе о работе в Тарибовской Литве указывалось на невероятно ужасные препятствия, встречаемые нашими организациями со стороны царящей там реакции. В настоящее же время, несмотря на все эти препятствия, нам удалось наладить работу наших организаций. Уже на территории Тарибовской оккупации выделено Центральное бюро, которое руководит всей работой в Тарибовской Литве. Бюро издает нелегальную газету на литовском языке «Tiesa» («Правда»).

Тарибовская Литва

15 августа с. г. в Ковно состоялась конференция в составе следующих представителей: от Сувалкского комитета — 3 товарища; Шавельского комитета — 1 товарищ; Тельшевского комитета — 1 товарищ; Ковенского комитета — 3 товарища; кроме того,— двух кандидатов.

Из докладов выяснилось, что партийные организации существуют в районах: Сувалкском, Шавельском, Тельшевском, Поневежском и Ковенском.

С у в а л к с к и й р а й о н насчитывает 6 подрайонов, объединяющих в себе 32 кружка. Организация состоит преимущественно из батраков. Организацией велась только кружковая работа, в профсоюзах она не принимала участия. ЦБ обязал организацию приступить к работе в профсоюзах, и теперь работа там началась. 25 октября при участии нашей организации была объявлена забастовка сельскохозяйственных рабочих, которая длилась около недели (требования помещены в органе профсоюзов «Жизнь рабочих» 17) № 4). Рабочие согласились на компромиссное предло-

[1] Так в тексте.

жение, была создана комиссия из представителей рабочих и предпринимателей, результаты этих соглашений еще не известны. Но, как видно, рабочие будут обмануты. Председателем комиссии состоит помещик Галлер, брат знаменитого польского контрреволюционера Галлера. Во время забастовки арестован секретарь профсоюзов коммунист и председатель не коммунист, но проводивший всегда нашу линию.

Сувалкским комитетом издается нелегальная газета под названием «Партийные известия» (на литовском языке) [18], где печатаются постановления съездов и конференций, районных комитетов и ЦБ. Печатается она на шапирографе и распространяется только среди членов партии. 25 октября была издана комитетом прокламация.

Во всех подрайонах состоялись конференции. Избраны районные комитеты. Во всех районах ведется культурно-просветительная работа. В кружках читаются рефераты. Были организованы несколько раз ночью митинги. В армии (среди войск) были организованы партийные ячейки, но так как армия передвигается, то работа в ней осложняется.

Шавельский район насчитывает пять подрайонов, объединяющих 16 кружков. До прихода Колчака организация принимала деятельное участие в работе профсоюзов. В настоящее время нет возможности существования профсоюзов.

Комитетом ведется агитационная работа среди колчаковской армии. Была издана к солдатам прокламация. В подрайонах происходили конференции. Избраны подрайонные комитеты.

Тельшевский район насчитывает пять подрайонов, объединяющих 30 кружков. Работа партийной организацией в профсоюзах до сих пор не велась, так как самих профсоюзов не существовало. В настоящее время профсоюзы начинают организовываться. Во всем районе работать очень трудно, так как неистовствует комендант Плехович, который арестовал нескольких наших товарищей, и вообще арестовывают все левые элементы.

Поневежский район объединяет шесть подрайонов, в состав которых входит 18 кружков. Это один из наиболее подвергшихся репрессиям район. 20 октября была созвана конференция, на которой избран районный комитет, в состав которого вошли 5 товарищей. Комитет находится в Биржах.

После конференции приступили к организации профсоюзов сельскохозяйственных рабочих. В этом районе была нелегальная типография, которая по требованию ЦБ переведена в центр, т. е. в Ковно.

Ковенский район имеет три подрайона: Россиенский, Вилкомирский и Ковенский.

Россиенский подрайон насчитывает 4 кружка. Один — в Россиенах и 3 — в окрестностях. Каждый из кружков насчитывает в среднем от 7 до 15 человек. В этом районе сосредоточена вся издательская работа. Выходит нелегальный орган на литовском языке «Тиеса», была издана листовка на русском языке для Шавельского района к колчаковской армии.

Вилкомирский подрайон насчитывает три кружка: в Вилкомире, Оникштах и Коварске. Организация состоит преимущественно из евреев. Приступлено к организации профсоюзов и рабочего кооператива, который будет использован для правильной постановки связи с другими организациями. Принимаются меры к восстановлению связи с Россией и организации транспорта литературы через Уцяны — Новоалександровск.

Ковенский подрайон имеет организации в следующих пунктах: в Годлеве — более 15 человек, в Вендзегле, а также налажена связь с Бобтом и Вилькией.

Ковно. В состав Ковенского комитета входят четыре товарища. Он временно объединяет весь Ковенский район. В этом районе имеются типографии, шрифт, приобретенный через сочувствующих нам товарищей печатников. Имеется паспортное бюро. Имеются печати пока Кошедарского района, приобретаются другие. В профсоюзах нами ведется работа. Организуется рабочий клуб, которому хотели дать название «Интернационал», но правительство не разрешило. Издаются на разных языках листки.

Центральное бюро нашей организации имеет связь с перечисленными районами и руководит их работой. Кроме того, имеет связь с Вильно и Латвией, а также постоянную живую связь с Германией. В Ковно выходит орган профсоюзов «Рабочая жизнь» на трех языках, поддерживаемая нашей организацией.

Примечание: 6 декабря прибыл курьер из Поневежа, привез с собой сведения и резолюции о состоявшейся там конференции, которые представим в следующем докладе.

Польская оккупация

Минск. За последние два месяца в Минске был произведен ряд арестов. Произошло это отчасти в связи с провокацией, в большинстве же случаев влияло то, что после нашего ухода из Минска минский пролетариат остался революционно настроенным и товарищам, оставшимся для нелегальной работы, пришлось войти в среду рабочих и вести полулегально партийную работу. В бюро профсоюзов в президиуме коммунисты были в большинстве, бундовцы и поалейционисты потерпели поражение на выборах. Происходили частые собрания рабочих. Был организован Союз молодежи.

Видя такое настроение и интенсивность коммунистической работы, польские жандармы прибегли к массовым арестам и начали громить и грабить профессиональные организации и рабочие кооперативы. Была раскрыта наша явочно-конспиративная квартира (по Крещенской улице), которая разгромлена. Несмотря на все репрессии, Минской организацией за это время была исполнена громадная партийная работа. После нашего ухода ей пришлось связать[1] и передавать всем организациям Белоруссии и Литвы инструкции, полученные от ЦК.

В настоящее время эта руководящая роль переходит к Виленской организации, где сосредоточены наши ответственные партийные силы. В письме от 23 октября из Минска сообщают, что там строятся военные организации. Почва для этой работы благоприятная. Жалуются на недостаток инструкторов и просят связать их со штабами Красной Армии. За это время было арестовано пять ответственных работников: тт. Волов, Горелик, Кондратович, Кулешинский и Петя, которому удалось бежать из жандармерии. Кроме того, арестовано еще несколько ответственных товарищей, фамилии которых еще нам не представлены. При арестах конфискованы деньги, сумма которых еще не выяснена.

Собрания комитета за все это время происходили почти ежедневно.

Бобруйск. Работа в Бобруйске развивается в уезде, в котором сорганизовано 6 коммунистических ячеек. Часть оставленных нами товарищей принуждена была покинуть Бобруйск, переехать в деревню, где была благоприятная почва для партизанских действий, благодаря реквизициям и грабежам, какие производили легионеры у крестьян. Наши товарищи стали во главе партизанских отрядов с ответственным членом Бобруйского партийного комитета тов. Левковым, которые нами были переданы

---

[1] Так в тексте.

в распоряжение Реввоенсовета XVI армии. Бобруйск снабжает нас газетами и доставляет сведения о расположении неприятельских войск. Работа в профсоюзах не ведется ввиду близости фронта. Работает Коммунистический союз молодежи, которым принимаются меры к открытию школы.

Слуцк. Получены сведения, что поддерживается связь с Минском и Мозырем. Приступили к организации боевых единиц. Двое товарищей, командированных к нам Слуцкой организацией,— тт. Пикус и Соснович — польской жандармерией арестованы.

Вильно. В самом Вильно партийная работа до настоящего времени велась слабо ввиду строгих репрессий по отношению к нашим организациям, и товарищам приходилось проводить там строгую конспирацию. Получены сведения, что все направленные туда для работы товарищи прибыли. В ноябре была назначена конференция, но не состоялась по неизвестным нам причинам. Вильно поддерживает тесную связь с Варшавой, откуда получает литературу. Поддерживает также связь с ЦБ нашей организации в Тарибовской Литве. Налаживается работа в профсоюзах. С прибытием туда новых товарищей надеемся работа примет более интенсивный характер.

Более тесной связи с Варшавой пока установить не удалось.

Смоленск, 6 декабря 1919 г.

Член ЦК Литбел В. Богуцкий

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, лл. 39—41.— Подлинник.

№ 26

Письмо Литовско-Белорусского отдела пропаганды и агитации при ЦК РКП(б) уроженцам Литвы и Белоруссии с призывом вступать в ряды Красной Армии

Начало 1920 г.

Товарищи, очередь за нами!

Уж более двух лет прошло, как мы, коммунисты, уроженцы Литвы и Белоруссии, члены РКП, боремся в рядах славной нашей партии, в авангарде русского и всемирного пролетариата против общего нашего врага — всероссийской контрреволюции и мирового империализма.

Мы успели за это время многому научиться, набрать необходимого опыта, и многие из нас вышли славными, закаленными, испытанными борцами.

Мы видим: смертельные враги пролетариата — Колчак, Юденич уничтожены, Деникин разбит, красные полки у порога охваченного революционным пламенем Кавказа. На всех фронтах победоносно движутся вперед красные воины. Один только фронт, последний наш фронт, напоминает нам: не все еще сделано. Враг наш еще силен. Он может в любой момент ударить в наши сердца — сердца мировой революции — на Питер и Москву.

Западный фронт остается угрожающим. Мировой империализм одной рукой снял блокаду с Советской России под ударами красных войск, но другой, толкая польские легионы, литовско-латышские полки вперед, нащупывает уязвимые места русской революции, дабы нанести ей смертоносный удар.

Контрреволюция Запада не дремлет. Она мобилизуется. Она еще и еще попытается удушить очаг мировой революции — Советскую Россию. Наступят дни решительной схватки, решительной борьбы старого и нового строя.

Мы знаем, красные войска сумеют отбить и бить врага, они не раз доказали на Дону, Украине и в Сибири, но врага необходимо окончательно везде и всюду разбить и добить.

Нужен могучий кулак. Нужен сокрушительный удар, чтобы раз навсегда отучить антантовских лакеев — хвастливого шляхтича-легионера, надменного латышского «серого барона» и жадного литовского кулака не лезть в чужие пролетарские огороды.

Наряду с Красной Армией необходимы силы — силы, знающие хорошо западные земли — Литву, Белоруссию и другие края, их народы, язык, обычаи, нужду и горе широких трудящихся масс. Нужны им близкие, знакомые вожди-товарищи. Необходимы там закаленные, испытанные борцы, как на Дону червонные казаки, в Украине красные партизаны, в Сибири вольнолюбивые сибиряки.

Товарищи литбеловцы, уроженцы Литвы и Белоруссии, очередь за нами. Да приступим повсюду к мобилизации наших сил!

Еще раз докажем свой революционный закал, боевой опыт.

Встанем, товарищи, в ногу! Сомкнем ряды! Подсчитаем их и двинемся на Западный фронт!

Вперед, к великой схватке двух миров: старого и нового!

Победа за нами!

Литовско-Белорусский отдел пропаганды и агитации
при ЦК РКП

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 47, лл. 40—41.— Текст машинописный.

№ 27

Отчет о деятельности Центрального Комитета и Центрального бюро Компартии Литвы и Белоруссии за 1919 г.

Начало 1920 г.

В истекший год с VIII съезда партии ЦК Литбел существовал как объединенный орган, ибо объединение произошло в феврале 1919 г. До мая ЦК Литбел не имел Организационного и Политического бюро, а с мая выделил из своего состава то и другое.

Политические задачи, которые ставил себе ЦК Литбел, помимо тех, которые диктовались общим положением, вытекали из особых условий его существования: на территории Литбела мелкая буржуазия — главным образом еврейская, а поэтому борьба с нею носит специфический характер и выражалась в тех взаимоотношениях, которые пришлось устанавливать с различными еврейскими партиями, а именно: с Поалей-ционом, Бундом и Еврейской социалистической партией.

В начале своей деятельности ЦК Литбел пришлось много сил употребить на создание ЧК в деле борьбы с контрреволюцией.

Вследствие существования в крае крупных землевладений, которые представляли огромную культурную ценность как образцовые центры сельского хозяйства, то ЦК пришлось весьма много внимания уделить вопросам сельскохозяйственного строительства и работе среди крестьян-

ства. ЦК были выработаны тезисы о привлечении крестьянства к борьбе за социализм. Было также обращено серьезное внимание на привлечение крестьян в кооперацию.

Работа ЦК после падения Вильно [19] и переезда сначала в Минск, а потом в Смоленск была направлена за демаркационную линию, причем работа эта велась как в Тарибовской Литве, где состоялась в августе партийная конференция, так и в польской оккупации. В Вильно издается нелегально «Tiesa» («Правда»).

ЦК издавал семь газет: две на русском, одну на польском, одну на литовском, одну на белорусском и одну на еврейском языке. На литовском языке издана 21 листовка в количестве 232 000 экземпляров, целый ряд брошюр.

Во время минского пребывания ЦК Литбел была проведена партийная мобилизация.

Много внимания уделялось ЦК работе среди молодежи и в профсоюзах.

В пределах РСФСР работу среди Литбел ведет Центральное бюро, организовавшееся в октябре 1919 г. и утвержденное ЦК РКП, в составе трех товарищей: тт. Расикаса, Сташелиса и Ходоша.

Бюро организовало в Москве несколько митингов, издало несколько воззваний к литбелцам, посылало инструкторов для объединения работы в пределах РСФСР и работников за демаркационную линию.

Последнее время бюро много сил употребило по созыву партийной конференции, а также уделяло много внимания культурной работе среди литбелцев и в первую голову борьбе с безграмотностью.

Сейчас бюро проводит учет всех литбелцев и устанавливает связь со всей Россией.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 81, лл. 129—130.— Подлинник.

№ 28

Выписка из протокола заседания ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии

18 января 1920 г.

Слушали:

1. Доклад тов. Мицкевича-Капсукаса о работе Бюро нелегальной работы и Президиума ЦК.

Постановили:

1. а) Принять доклад БНР и Президиума к сведению;

б) учесть работников, направленных в военные организации, и извлечь их оттуда для нелегальной работы;

в) устраивать собрания коммунистов, уроженцев Литвы и Белоруссии, для информации о положении в этом крае.

Слушали:

2. Организационный вопрос и работа в прифронтовой полосе.

Постановили:

2. а) По организационному вопросу принимаются в основу предложения тов. Мицкевича, которые гласят следующее:

1. Бюро нелегальной работы при ЦК Литбел

а) является органом помощи и содействия краевым организациям Литбел в их политической и организационной работе;

б) является техническим аппаратом содействия Центральному испол-

нительному бюро Польши в его сношениях с Польшей, посылке людей, транспорте литературы и пр.

2. Бюро нелегальной работы состоит из трех членов и образуется ЦК Литбел по соглашению с ЦИБП и утверждается ЦК РКП.

3. БНР в своей работе в Литбеле руководствуется директивами ЦК РКП и ЦК Литбел, в своих сношениях с Польшей директивами ЦИБП.

4. БНР дает отчет о своей деятельности перед ЦК РКП и ЦК Литбел, перед ЦИБП в технической работе по поддержке связей с Польшей и пр.

5. Общую политическую линию работы в Литбел направляет ЦК Компартии Литвы и Белоруссии или его Президиум, покамест не будет образован соответствующий руководящий центр в местах, занятых белогвардейцами.

6. Президиум ЦК состоит из 5 членов и является руководящим политическим органом Литвы и Белоруссии.

7. В Президиум избираются тт. Долецкий, Циховский, Алекса, Мицкевич-Капсукас и Кнорин.

8. Секретарь ЦК и БНР есть одно и то же лицо.

Секретарь В. Кнорин

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 69, л. 25.— Подлинник.

№ 29

Письмо Бюро нелегальной работы при ЦК Компартии Литвы и Белоруссии в Секретариат Коммунистического Интернационала о созыве конференции прибалтийских коммунистических организаций

6 марта 1920 г.

Уважаемый товарищ, в начале февраля нам было сообщено о предполагаемой конференции прибалтийских коммунистических организаций (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии и Польши) для обсуждения некоторых очень важных для всех упомянутых организаций организационных и других вопросов. Созыв такой конференции, в которой принимали бы участие и представители краевых организаций, в высшей степени важен ввиду того, что эти страны находятся приблизительно в одинаковых условиях и буржуазные их правительства и социал-патриотические партии заключают между собой союз, вырабатывают общий план действий и поддерживают друг друга (на 15 марта, между прочим, созывается в Варшаве конференция всех упомянутых социал-предательских партий).

Однако прошло уже больше месяца, и о созыве конференции прибалтийских коммунистических организаций ничего не слышно; так как инициативу созыва конференции предполагал взять Секретариат III Интернационала, просим сообщить, в каком положении находится этот вопрос.

Бюро подпольной работы ЦК Литбел, со своей стороны, полагает, что необходимо было бы возможно скорее приступить к организации созыва конференции, и наиболее подходящим местом для ее осуществления находит Москву.

Член Бюро нелегальной работы при ЦК Литбел
[*подпись*] [1]

Смоленск, 6 марта 1920 г.

Архив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 3, д. 2.— Копия.

[1] Подпись неразборчива.

№ 30

Листовка командования Западного фронта к польским летчикам с призывом переходить на сторону Красной Армии

5 мая 1920 г.

В Польский авиационный отряд, ст. Жодино

КОЛЛЕГИ-ЛЕТЧИКИ!

Наши блестящие победы на внутренних и внешних фронтах — Восточном, Северном, Туркестанском, Кавказском и Южном — обеспечивали планомерное внутреннее строительство России и намечали мирную ликвидацию Западного фронта. Но польская группа англо-французских прислужников, зарвавшись, отвергла наши мирные предложения, бросила нам вызов. Уже без того обескровленная, разоренная трудовая Польша вновь по вине пилсудских ставит свой жребий на новые тяжкие испытания.

Красная Армия и ее авиация вынуждены подтвердить свои революционно-боевые успехи и на Западном фронте.

Ужасы гражданской войны, видимо, еще не кончились, и зарево беспощадных пожарищ готово с новой силой вспыхнуть на польском фронте.

Мы, красные летчики, в этой борьбе за жизнь Советской республики — в защиту мирного культурного развития и хозяйственного строительства всех дружественных республик — смело принимаем любой боевой вызов и беззаветно верим в нашу ближайшую победу над всеми трусливыми наймитами червонного золота Антанты. Мы готовы парировать всякий вероломный удар в спину молодой рабоче-крестьянской Республики.

История за нас! Судьба Петлюры, Юденича, Деникина, Колчака и других авантюристов будет порукой тому, что ваше нападение скоро превратится в безнадежное сопротивление с кошмарной тратой ценных сил.

Мы знаем, что многие из вас сражаются по принуждению и под дурманом глупых сказочных наговоров против Советской России и ее активных сил. Многие из вас знакомы нам как братья по оружию минувшей австро-германской войны. И тот, кто хочет скорей покончить эту последнюю войну, кто хочет участвовать в настоящем мирном строительстве, тот пусть не медлит с выбором. Каждый из вас будет радушно принят в нашей летной семье.

Прочь всякий антантовский обман, который позорно погубил колчаковскую авиацию. Знайте, что неприятельские летчики у нас не расстреливаются и вам Советская республика гарантирует жизнь, а лойяльным из вас — равное место среди нас. Опустившиеся из вас по вынужденной посадке, будут в полной безопасности.

От деникинской и колчаковской авиации к нам перешла и осталась в плену большая группа боевых летчиков-истребителей. Многие из этих испытанных бойцов уже здесь, в рядах эскадрильи — на Красном фронте.

Наши ряды растут и крепнут. Они растут и в вашем тылу.

Мы вас ждем на земле и в воздухе для смерти или для жизни.

Сообщите о судьбе летчика П. А. Абакановича, имевшего полет 1 мая с. г.

На все запросы с вашей стороны о ваших невернувшихся летчиках мы будем своевременно давать сведения.

Начальник воздушной эскадрильи кавалер ордена Красного Знамени

Красный военный летчик Ширинкин

Военный комиссар Красного воздушного флота республики

Кузнецов

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 53, л. 25.— Копия.

№ 31

Телеграмма Ф. Э. Дзержинского и В. С. Мицкевича-Капсукаса в ЦК РКП(б) с просьбой ускорить мобилизацию литовских коммунистов

29 июля 1920 г.

Москва, ЦК РКП

Ввиду создавшегося положения просим ускорить мобилизацию литовских коммунистов и немедленно командировать для работы в Литве литовцев-коммунистов из Академии Генерального штаба и красных курсантов. № 169 29/7.

Дзержинский
Мицкевич

Архив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 3, д. 2, л. 11.— Копия.

№ 32

Из протокола заседания Центрального Комитета Компартии Литвы и Белоруссии (п. 3) о создании отдельных партийных центров для Литвы и Белоруссии

Ранее 13 сентября 1920 г.

3. Ликвидация ЦК Компартии Литвы и Белоруссии и создание отдельных партийных центров для Литвы и Белоруссии.

3. а. Организации Компартии Литвы и Белоруссии, находящиеся в пределах Литвы, отделяются от организаций, находящихся в пределах Белоруссии, и образуют Коммунистическую партию Литвы. Организации, находящиеся в пределах Белоруссии, образуют Коммунистическую партию Белоруссии.

б. До ближайшего съезда (или конференции) Белоруссии всей работой в Белоруссии, партийной, руководит Центральное бюро Компартии Белоруссии, которое пользуется всеми правами ЦК.

в. До ближайшего съезда (или конференции) в Литве всей партийной работой в Литве руководит Центральное бюро Литвы, пополненное бывшими членами ЦК Компартии Литвы и Белоруссии тт. Мицкевичем и Алекса, оставшимися работать при Компартии Литвы, и пользующееся всеми правами ЦК.

г. При Центральном бюро Литвы организуется Заграничное бюро как орган вспомогательный, в состав которого входят тт. Богуцкий, Муклевич, Алекса, Опанский и Якщевич.

д. ЦБ Белоруссии и ЦБ Литвы утверждаются ЦК РКП. Заграничное бюро может пополняться посредством кооптации, но вновь кооптированные члены его должны утверждаться ЦБ Литвы.

е. ЦБ Литвы и ЦБ Белоруссии до ближайшей конференции (или съезда) может быть пополнено кооптацией. Кооптированные члены идут на утверждение ЦК РКП.

ж. ЦК КП Литвы и Белоруссии распускается.

з. Впредь до решения вопроса о заграничном издательстве ЦБ Литвы все заграничные издания издаются отделением Заграничного бюро.

Архив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 3, д. 2.— Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Центральное Бюро литовских секций при ЦК РКП(б) было создано на первой конференции литовцев-большевиков, происходившей 5—8 января 1918 г. в Петрограде, вместо временного Центрального бюро литовских секций.— 6.

2) Мицкевич-Капсукас В. С. (1880—1935) — один из организаторов Коммунистической партии Литвы, член Литовской социал-демократической партии с 1903 г., член РСДРП(б) с 1917 г. В 1917 г. редактировал первую литовскую большевистскую газету «Tiesa» («Правда»). В конце 1918 г. возглавлял первое Советское правительство Литвы.— 7.

3) Центральный Комитет Коммунистической партии Литвы и Белоруссии был создан на I съезде коммунистических организаций Литвы и Западной Белоруссии 1—3 октября 1918 г. в г. Вильно. Ликвидирован в сентябре 1920 г. в связи с созданием отдельных партийных центров для Литвы и Белоруссии. Под первой оккупацией подразумевается немецкая оккупация территории Литвы и Западной Белоруссии в период первой мировой войны.— 8.

4) Речь идет, по-видимому, о немецких коммунистах — солдатах, членах союза «Спартак», организованного в 1916 г. Р. Люксембург, К. Либкнехтом, К. Цеткин, Ф. Мерингом и др.— 8.

5) Литовская Тариба — буржуазный национальный Совет Литвы, созданный в сентябре 1917 г. германскими оккупационными властями. При поддержке немецких штыков Тариба жестоко расправлялась с прогрессивными силами литовского народа.— 8.

6) Центральное Бюро коммунистических организаций оккупированных областей было избрано на I конференции коммунистических организаций оккупированных немцами областей Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии, Польши, Эстонии и Финляндии, проходившей под руководством Я. М. Свердлова в Москве 19—24 октября 1918 г.— 9.

7) Речь идет о манифесте Временного Рабоче-Крестьянского правительства Литвы от 16 декабря 1918 г., провозгласившем установление Советской власти в Литве и создание независимой Литовской Советской республики.— 10.

8) Совет Обороны Литвы и Белоруссии был создан на чрезвычайном заседании ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии 19 апреля 1919 г. в связи с наступлением белополяков на г. Вильно. Председателем Совета Обороны Литбел был назначен В. С. Мицкевич-Капсукас.— 10.

9) Имеется в виду Советская власть на территории Белоруссии, установленная в конце декабря 1918 г.— январе 1919 г.— 12.

10) «Коммунист» («Komunisty») — журнал, издававшийся Центральным Комитетом Коммунистической партии Литвы и Белоруссии для оккупированной немцами территории на русском, литовском, белорусском и польском языках.— 16.

11) В ответ на этот запрос ЦК РКП(б) послал письмо, в котором говорилось о целесообразности ликвидации Минского Совета Обороны и правительственного аппарата Литвы и Белоруссии, но в то же время признавалась несвоевременной ликвидация самого правительства Литвы и Белоруссии.— 17.

12) Литовско-Белорусский отдел агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) возник в результате реорганизации Центрального бюро литовско-белорусских секций РКП(б) в России, организованного в сентябре 1919 г.— 21.

13) «Звезда» — газета, Центральный орган ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии.— 21.

14) «Mlot» («Молот») — Центральный орган ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии и ЦИК Коммунистической партии Польши в России; газета издавалась с февраля 1919 г. на польском языке, распространялась главным образом на фронте и среди польских легионеров.— 21.

15) Имеется в виду оккупация северной части Литвы колчаковской армией.— 22.

16) Центральный исполнительный комитет Коммунистической партии Польши в России был создан в декабре 1918 г. в связи с объединением Социал-демократии Польши и Литвы с ППС-левицей. 2 июля 1919 г. ЦИК КПП в России самоликвидировался, передав свои функции Польбюро при ЦК РКП(б).— 23.

17) «Жизнь рабочих» — орган Центрального бюро профсоюзов Литвы; газета выходила в Каунасе в 1919—1920 гг.— 25.

18) «Партийные известия» — газета, издававшаяся Сувалкским комитетом Коммунистической партии Литвы и Белоруссии на литовском языке.— 26.

19) Гор. Вильно был сдан 21 апреля 1919 г. после упорного сопротивления.— 30.

О ПОЛОЖЕНИИ АРМИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

(Донесения комиссаров Временного правительства и командиров воинских частей Действующей армии)

В период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции одной из основных задач, стоявших перед большевистской партией, являлось привлечение на свою сторону армии, от позиции которой во многом зависела победа революции. В процессе подготовки Октябрьской революции большевистская партия проделала огромную и напряженную работу по борьбе за солдатские массы и армия пошла за большевиками.

Данная публикация, состоящая из донесений комиссаров Временного правительства и командиров воинских частей, представляет значительный интерес прежде всего тем, что отражает не только позицию командиров частей и ставленников Временного правительства, но и положение самой армии накануне Октября.

По своему характеру публикуемые документы не могут претендовать на объективное и полное освещение происходивших в стране событий, тем не менее они представляют известный интерес для изучения истории Октябрьской революции.

Разгром контрреволюционного корниловского мятежа, явившийся поворотным моментом в развитии революции, сыграл огромную роль в переходе армии на сторону пролетариата и крестьянства, так как окончательно подорвал доверие широких солдатских масс к командному составу. Классовая борьба в армии приобрела небывалую остроту. «Восстание Корнилова,— писал В. И. Ленин 3 сентября 1917 г.,— вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия *ненавидит ставку*... Ненависть армии к ставке не ослабеет, а усилится после того, как правительство Керенского ограничилось заменой Корнилова Алексеевым, оставив на месте Клембовского и других корниловских генералов, не делая ровно ничего серьезного для демократизации армии и удаления контрреволюционного командного состава» [1].

В публикуемых документах, несмотря на их тенденциозность, можно проследить характерные стороны жизни армии: усталость от войны, нежелание продолжать ее, недоверие к командному составу, рост дезертирства.

Только за период с 1 по 15 октября 1917 г. было зарегистрировано около 170 случаев отказа от выполнения приказов командования, от работ и занятий, 93 случая насильственных мер против командного состава и эсеро-меньшевистских армейских комитетов, 1390 случаев дезертир-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 291.

ства, массу требований улучшения снабжения армий и т. д. (см. док. № 20).

Почти все донесения говорят о единодушном требовании мира. Усиливается организованное братание с солдатами противника. Неудачи на фронте воспринимаются солдатами как обстоятельства, могущие приблизить желанный мир.

Комиссары Временного правительства и командиры воинских частей в сентябре — октябре 1917 г. вынуждены были признать, что они уже упустили армию из-под своего влияния, что армия переходит на сторону большевиков.

Не в силах противопоставить что-либо усиливающемуся влиянию партии большевиков представители буржуазии и их прислужники предлагали поставить большевистскую партию вне закона, арестовать ее членов, запретить все газеты, журналы и другие издания большевистского направления.

Но после корниловского мятежа солдатские массы поняли, что только большевики могут дать им мир и землю. Большевизация Советов, провозглашение лозунга о переходе всей власти в руки Советов нашло живой отклик в армии. Уже 15 сентября комиссар VIII армии поручик Долгополов доносил о том, что «большевистские течения крепнут», особенно в связи с резолюциями Петроградского и Московского Советов о передаче власти революционному пролетариату и крестьянству (док. № 2). К середине октября 1917 г. громадная масса солдат была на стороне большевиков. «Сообщения с фронта,— писал В. И. Ленин 17 октября 1917 г. в „Письме товарищам",— все чаще, все определеннее показывают, что *масса* солдат, вопреки злостным клеветам и нападкам эсеровско-меньшевистских вождей, офицеров, депутатов и проч., все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков» [1].

Публикуемые официальные донесения хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве.

Документы выявлены из фондов кабинета военного министра (№ 366), Ставки верховного главнокомандующего (№ 2003/с), штаба Северного фронта (№ 2031/с), штаба Юго-Западного фронта (№ 2067/с), штаба VIII армии (№ 2134/с) и штаба I армии (№ 2106/с).

Публикация подготовлена к печати совместно с Н. П. Жуковской.

М. Б. Кейрим-Маркус

№ 1

Комиссар Особой армии Анардович комиссару при Ставке Станкевичу[2]

8 сентября 1917 г.

При объезде частей VIII армии теперь и Особой [армии], из бесед с солдатами по поводу корниловской авантюры, мною замечается повышенный болезненный интерес к службе Корнилова и его участников. Настроение частей таково, что иначе наказание мятежникам, чем смертная казнь,

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 167.

[2] Копии отосланы: военному министру, Центральному Исполнительному Комитету Совета солдатских депутатов, Крестьянскому Совету, верховному главнокомандующему, комиссарам фронтов: Юго-Западного, Западного, Северного, Румынского, комиссарам армий: I, VII, XI.— *Примечание документа.*

может вызвать массовый вооруженный протест против введения репрессивных мер в армии. Со своей стороны нахожу, что простая справедливость требует самого беспощадного наказания за мятеж тем, которые так яро призывали к введению этих наказаний, и если Корнилов действительно, как он уверял, любит родину, то он сам должен требовать себе смертной казни, ибо смерть этого принесет больше пользы для спасения родины, чем жизнь.

№ 498.

Комиссар Особой армии Анардович

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 36, лл. 7—8.—Телеграфная лента.

№ 2

Комиссар V армии поручик Долгополов в Ставку[1]

15 сентября 1917 г.

Срочно. Вне очереди.

Первое[1)]. Настроение в войсках армии удовлетворительное, но неуверенное в связи [с] якобштадтскими событиями. Большевистские течения крепнут [в] связи с резолюциями Петроградского и Московского Советов. Армейском разослал [по] частям своих членов. Агитации контрреволюционной нет. Очень не надежны 11-й и 12-й полки Особой дивизии и 479-й полк 120-й дивизии.

Второе. Отношение [к] приказам о прекращении политической борьбы и прекращении деятельности организаций по борьбе с контрреволюцией отрицательное, [к] остальным спокойное. Даются на местах разъяснения.

Третье. Недостаток питания, обуви. Недовольство отступлением [в] якобштадтском районе.

Четвертое, пятое и шестое. Не было.

Седьмое. Сведений не поступало.

Восьмое. Не было.

Девятое. Предан подполковник Белов.

Десятое. Удовлетворительное. Значение их и уважение к ним крепнет.

Одиннадцатое. После корниловского мятежа и якобштадтского отступления ухудшилось. Особенно по отношению к штабам и высшему командному составу.

Двенадцатое. Удовлетворительное.

Тринадцатое. Занятия выполняются неохотно. Служба и работы удовлетворительно.

Четырнадцатое. Пополнения очень незначительные, мало обученные и совершенно недисциплинированы.

Общее состояние армии удовлетворительное. Настоятельно необходимо: скорейшее опубликование нового положения [о] комитетах, комиссариатах; усиление пополнений, определенное отношение правительства к разлагающему действию большевистского течения в армии; введение порядка в тылу с применением тех же мер, что и в армии.

№ 984.

За комиссара пять поручик Долгополов

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 36, лл. 60—61.— Телеграфная лента.

---

[1] Копии отосланы: комиссару Временного правительства при Ставке и комиссару Северного фронта.— *Примечание документа.*

№ 3

Временно исполняющий обязанности комиссара XI армии Цветков военному министру Верховскому[1]

16 сентября 1917 г.

Срочно. Секретно.

Своевременно точных и проверенных сведений о состоянии армии давать нет возможности. Отдельные части армии удалены от штаба на большие расстояния, масса времени тратится на процесс езды по корпусам. При армии сейчас один врид комиссара; комиссар выехал [в] Петроград, пом. комиссара Шейпер еще не приехал, составление отчетных сведений требует проверки сообщаемых данных, ежедневная консультация не дает возможности быть чаще в войсковых частях. Вот обстановка, при которой приходится работать. Сведения о состоянии армии могу давать только один раз в неделю. Давать непроверенные данные не считаю возможным. Сейчас сообщаю следующее:

Первое. Настроение войск ухудшается, воинский дух падает, мысли большинства солдат направлены к миру при каких угодно условиях, агитация пораженческого характера несомненно ведется, но в скрытом виде, потому бороться с нею трудно. События последних дней: правительственный кризис, корниловщина, резко усилившая недоверие к офицерству, поворот Совета рабочих депутатов резко влево, подняли в армии волну безответственного большевизма, выносятся резолюции и о немедленной отмене смертной казни, немедленного заключения мира и комиссару стоило больших трудов отговорить армейский комитет от опубликования уже принятой подобной резолюции.

Второе. Отношение к приказам о поддержании дисциплины становится отрицательным, наблюдается тенденция считать все строгие приказы корниловскими и потому неподлежащими исполнению. Комиссару постоянно приходится объяснять, что приказ [о] военно-революционных судах издан не Корниловым, что приказы Корнилова по двадцать шестое августа никем не отменены и должны исполняться беспрекословно.

Третье. Главные причины недовольства солдат — боязнь зимней кампании и недостатка продовольствия и обмундирования, каковой действительно наблюдается [в] отдельных случаях уже сейчас, еще отсутствие нормальной очереди отпусков.

Четвертое. Случаев братания не наблюдалось.

Пятое. Случаев обсуждения боевых приказов не было.

Шестое. Неисполнение отдельных приказов бывало, но обычно улаживалось мирным путем [с] помощью комитетов, комиссара и начальников.

Седьмое. Дезертиров за неделю, по данным штаба, шестьдесят пять, вернулось — двадцать четыре.

Восьмое. Крупных эксцессов не было; в связи [с] невыясненностью положения украинизации 6-го корпуса, разрешенной военмином, затем отмененной главковерхом, наблюдаются трения и осложнения между национальностями корпуса.

Девятое. Военно-революционному суду предан в 40-м Колыванском полку рядовой Стахорчук за попытку побега к неприятелю. 13 сентября присужден к смертной казни.

Десятое. В большинстве корпусов отношение командного состава к комитетам хорошее и трений не наблюдается, но невыясненность поло-

[1] Копии отосланы: верховному главнокомандующему, комиссару Юго-Западного фронта.— *Примечание документа.*

жения о комитетах создает большие затруднения [в] их работе, мешает произвести перевыборы, хотя сроки полномочий истекли.

Одиннадцатое. Отношение солдат к командному составу сильно ухудшилось, наблюдаются постоянные требования смены лиц командного состава, часто по голословным обвинениям в контрреволюционности, каждое неосторожное слово офицеров дает повод требовать арестов или предания суду.

Двенадцатое. Командный состав работает в полном контакте с комиссаром, потерявший доверие солдат стремится опереться на авторитет комиссаров в случаях необходимой защиты справедливых требований.

Тринадцатое. Занятия в большинстве полков исполняются вяло, были случаи мелких отказов от работ.

Четырнадцатое. Пополнения поступают очень медленно, на что жалуются боевые полки, стоящие на позиции очень в малом составе, иногда 30 человек в роте, что затрудняет необходимое к зиме глубокое окапывание. Надо обратить внимание на медленность движения маршевых рот, иногда до двух месяцев в пути, что вредно отражается на их настроении.

№ 672.

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 140, лл. 71—74.— Телеграфная лента.

№ 4

Комиссар Северного фронта Станкевич верховному главнокомандующему Керенскому и военному министру Верховскому

21 сентября 1917 г.

Секретно.
Срочно. Военная.

Комкор 6-го Сибирского сообщает, что 69-й Сибирский стрелковый полк, назначенный в составе дивизии для овладения позицией противника, отказался выполнить боевой приказ под предлогом, что солдат обманули, так как они думали, что их ведут для смены, а не для наступления. 70-й полк также отказался выступать. Комкор 6-го Сибирского приказал начдиву 18 объявить обоим полкам, что если через час они не выполнят приказа и не выдадут зачинщиков, то с ними будет поступлено как с изменниками и трусами. Одновременно сделаны распоряжения о сосредоточении надежных частей. Вслед за этим получено от комкора 6-го Сибирского сообщение, что 9-й Сибирский полк тоже отказался выполнить боевой приказ, причем приводились мотивы: 1) полное недоверие к командному составу, 2) в ротах мало людей, 3) авантюра генерала Корнилова совсем нас запутала и есть голоса среди солдат, что весь высший командный состав нужно поднять на штыки. Из 9-го полка 5-я и 7-я роты готовы идти в наступление. В 12.30 получено дополнительное сообщение, что значительное количество солдат 9-го полка покидают строй под видом болезни и вереницей движутся к околодку. Сегодня же получено сообщение о случаях неповиновения в 1-м и 3-м Латышских стрелковых полках под предлогом превосходства сил противника, отсутствия резервов и усталости. Командный состав, комиссары частей, комитеты и комиссариат принимают все меры. О дальнейшем ходе событий буду незамедлительно телеграфировать.

№ 123. Станкевич

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 36, лл. 83—85.— Телеграфная лента.

№ 5

Начальник штаба 16-го армейского корпуса полковник Энгель генерал-квартирмейстеру штаба VIII армии Лампе

22 сентября 1917 г.

За истекшую неделю перемен в настроении частей корпуса не замечено. Прибывающие пополнения мало обучены, недисциплинированны и заражены большевистскими идеями, которые вследствие событий в тылу находят благодарную почву среди солдат. Эти пополнения командиры частей в большинстве в роты не вливают, оставляя их для обучения в учебных командах. Солдаты постепенно как будто начинают мириться с возможностью зимней кампании, но в то же время растет уверенность в скорой смене всего корпуса и уходе в тыл на отдых. Работы по устройству позиции ведутся вяло: ссылаются на то, что после смены все равно не возвратятся на те же места. От занятий не отказываются, но ведутся они с большой неохотой. Указывают не только на бесполезность занятий, но и самой войны: мы, мол, воюем, а тыл воевать не хочет, пополнений не шлет, всюду беспорядки, недостаток, дороговизна. Мир — какой угодно ценой. К командному составу отношение прежнее — не доверяют. Число дезертиров несколько увеличилось, дезертируют преимущественно солдаты из вновь прибывших пополнений.

№ 3449.

Энгель

ЦГВИА, ф. 2134/с, оп. 1, д. 28, лл. 157—157а.— Телеграфная лента.

№ 6

Начальник 2-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Бирюков верховному главнокомандующему Керенскому и военному министру Верховскому[1]

22 сентября 1917 г.

21 сентября на смотру генерал-лейтенанта Ленчевича, поверявшего строевое обучение в 8-м Сибирском стрелковом полку, 1-я рота отказалась исполнить приказание генерала — показать, как люди умеют колоть чучело. Из строя раздались выкрики: «Мы голодны, дают мало хлеба. Мы кололи немцев, что нам чучело колоть. Мы должны исполнять приказания только комитетов». Когда генерал, потеряв терпение, выругался и плюнул в землю, из строя раздались: «А ну-ка плюнь еще раз». Генерал смотр прекратил и уехал, провожаемый свистками и гиканьем. Дознание производится.

№ 8522.

Начальник дивизии 2-й Сибирской генерал-майор Бирюков

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 13, л. 23.— Телеграфная лента.

---

[1] Копии отосланы: командующему X армии, главнокомандующему армиями Западного фронта, комиссару X армии, комиссару фронта, товарищу прокурора корпусного суда 1-го Сибирского корпуса.— *Примечание документа.*

№ 7

Командующий VIII армией генерал-лейтенант Соковнин помощнику главнокомандующего Румынского фронта генералу-от-инфантерии Щербачеву[1]

23 сентября 1917 г.

Секретно.

По донесениям комкоров, настроение частей следующее:

11-й корпус.— Среди солдат усилилась жажда мира во что бы то ни стало. Зимняя кампания признается ими невозможной из-за недостатка теплой одежды, фуража и продовольствия. Отношение солдат к командному составу по-прежнему недоверчивое и недружелюбное. В 125-м полку офицер, производивший дознание об отказе роты выйти на работы, был вынужден солдатами прекратить дознание. Дело передано в дивком и полком.

16-й корпус.— Настроение не изменилось. Прибывающие пополнения не обучены, недисциплинированны и заражены большевистскими идеями, в роты не вливаются, обучаются при учебных командах. Работы исполняются неохотно в ожидании скорого мира.

17-й корпус.— Стояние частей в резерве и соприкосновение с тылом оказывает на солдат дурное влияние. Жители деревень Барладяны и Румница агитировали среди солдат против местного помещика, попытка осмотра имения и удаления казаков была с трудом ликвидирована уговорами командира полка и полкового комитета. В 10-м полку солдаты не хотели очистить занятых помещений. Комитеты влияют на массы благотворно и оказывают большую помощь командному составу. Отношение солдат к офицерам подозрительное, попытки к сближению встречаются солдатами враждебно или равнодушно. В особенности тяжелое положение офицеров в 3-й артиллерийской бригаде. Во время переезда корпуса много солдат дезертировало в попутные свои деревни. Всего дезертировало 315, возвратилось 8.

23-й корпус.— Главная, почти единственная тема разговоров солдат — это толки о скорейшем заключении мира, причем условия его их не интересуют. Возможности зимней кампании они не допускают. Приказания, занятия и работы исполняются, но вяло и неохотно. Отказ идти на работы в 665-м полку был ликвидирован председателем полкома. В 316-м полку солдаты игнорируют офицеров как начальников. Настроение офицеров угнетенное.

33-й корпус.— Настроение большинства частей ухудшилось. 16 сентября в Проскуровском полку был арестован священник — проповедник 8-й армии. 18 сентября частями 2-й Заамурской дивизии был устроен митинг с участием некоторых полков и батарей 117-й дивизии, говорили о смене командного состава, отдельные голоса предлагали с музыкой идти в окопы противника и заключать мир. После уговоров помощника комиссара армии были выбраны делегаты в Петроградский Совет с ходатайством о заключении мира. Произносились угрозы по адресу офицеров. 19 сентября на митинге 468-го полка агитаторы побуждали солдат арестовать командира полка и офицеров. Вообще во многих частях наблюдается вредная деятельность неизвестных агитаторов, поиски которых со стороны комитетов пока безрезультатны. В 15-м полку, по-видимому, ведется агитация об уходе с позиции первого октября. Работы ввиду ожидания скорого мира исполняются небрежно и неохотно, некоторые части отказываются от

[1] Копия отослана комиссару Румынского фронта.— *Примечание документа.*

работ и занятий. Отношение к офицерам неприязненное. Дезертировало 16, возвратилось 9.

112-я пехотная дивизия.— С наступающими холодными ночами и с введением довольствия рыбой настроение солдат становится возбужденным. Занятия сокращены до минимума, но солдаты и от них уклоняются. Отношение к офицерам недоброжелательное.

2-й конный корпус.— Сведений не получено.

Из изложенных донесений комкоров видно, что главным мотивом в настроениях частей армии продолжает быть стремление к скорейшему заключению мира. Этим, главным образом, объясняется отрицательное отношение к занятиям и работам. Отрицательное отношение солдат к войне и ее продолжению создает почву для вредной агитации и эксцессов. Неудовлетворительное снабжение армии продовольствием и обмундированием, на что надо обратить особенное внимание, способствует этой агитации и уменьшает боеспособность. Ввиду настойчивой необходимости улучшения взаимоотношений солдат и офицеров, армии объявлены приказы номера 2954 и 2959 [2]. И, кроме того, комкорам даны указания.

№ 531.

Соковнин

ЦГВИА, ф. 2134/с, оп. 1, д. 28, л. 154 и об.— Копия.

№ 8

Помощник комиссара Северного фронта Савицкий военному министру Верховскому

25 сентября 1917 г.

Срочная. Секретно.

1. В связи с общим положением страны, усиленной агитацией большевизма и тяжелыми условиями фронта настроение войск все ухудшается. Особенно растет общее недовольство и недоверие в 27-м и 28-м корпусах. Слышны толки, что пока солдаты сами не уйдут, до тех пор их заставят воевать.

2. Спокойное или равнодушное, авторитет Временного правительства падает. (Донесение комиссарма 5).

3. Снова единодушное требование отмены отпусков по чрезвычайным причинам и замены нормальными пятипроцентными. Недостаток обмундирования, пищи.

4. Не было.

5. В 11-м Особом полку обсуждался приказ смены полка. Дело улажено. Было обсуждение также в 71-м Сибирском полку и 2-й Латышской бригаде.

6. В 71-м Сибирском полку не исполнен приказ о занятиях.

7. Число дезертиров увеличивается, точных цифр нет.

8. В 16-м Особом полку оказывают сопротивление выделению жандармов и полицейских в особые роты. В 15-м Особом полку вынесли резолюцию о снятии наименования полка «смерти». В 180-м артиллерийском дивизионе было недовольство из-за непредания суду следственной комиссией офицеров, обвиняемых в контрреволюционных выпадах; даны разъяснения; дело улажено. В 538-м полку недоразумение между ротой и командиром роты из-за неполучения шинелей. В 28-м корпусе замечается сильное ухудшение в настроении спокойных до сих пор артиллерийских частей.

9. Не было.

10. Местами комитеты теряют доверие. Отношение их к командному составу удовлетворительное.

11. Очень подозрительное. Общие единодушные отзывы, что недоверие усилилось, что является одной из главных причин неисполнения боевых приказов.

12. Нормальные.

13. Служба и работы более или менее удовлетворительно, занятия — вяло, от них уклоняются.

14. Мало обучены и недисциплинированны. В пятой армии исключительно большевистского направления. С прибыванием их всегда замечается увеличение трений и прилив большевистских прокламаций.

15. Общее положение ухудшается и заставляет опасаться за армию. Чувствуется сознание полной безнаказанности. Необходим твердый и определенный курс и скорейшее опубликование положения о комитетах.

№ 147.

Помощник комиссара Сев[ерного фронта] Савицкий

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 259, лл. 3—5.— Телеграфная лента.

№ 9

Комиссар XI армии Чекотило в Политическое управление Военного министерства[1]

28 сентября 1917 г.

Военная. Секретно.

Настроение армии с каждым днем ухудшается. Ее разложение идет полным ходом. Господствующая тема разговоров — «мир». Во многих частях не только массы, но и комитеты заявляют: «мир во что бы то ни стало, на каких бы то ни было условиях». Большевистская волна нарастает, питаясь разрухой в стране, отсутствием твердой власти, недочетами питания, обмундирования. Дисциплина упала, начинаются опять отказы от выполнения боевых приказов; многие части, считавшиеся крепкими, очень быстро разлагаются под влиянием развращенных, недисциплинированных пополнений. Деятельность командного состава, комиссариата, комитетов, направленная к поднятию дисциплины, встречает противодействие, злостную критику, оценивающую эту работу как возврат к старому режиму.

Гвардейский кавалерийский корпус выразил недоверие большей части своих офицеров, солдаты корпуса совершают правильно организованные вооруженные нападения на окрестные поместья с целью грабежа фуража, провианта, в которых ощущается недостаток. Борьба с этими явлениями невозможна вследствие пассивности масс и отсутствия той силы, при помощи которой возможно было бы водворить порядок.

В местечке Полонном батальон 259-го запасного полка, разграбив винные склады, аптеки, начал погром, прекращенный усилиями командира полка и солдат остальных батальонов. Деятельность судов парализуется враждебным к ним отношением со стороны широких масс, недостатком подготовленных юристов. Деятельность комитетов усилилась после корниловщины, но при отсутствии нового положения очень неровна, зачастую ненормальна.

[1] Копии отосланы: верховному главнокомандующему, комиссару Юго-Западного фронта, фронтовой комиссии Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.— *Примечание документа.*

Общие выводы: приближение зимней кампании сильно ускорило процесс разложения армии, усилив тяготение к миру. Необходимо принять все меры, чтобы обеспечить ее фуражом, продовольствием, обмундированием. Необходимо провести в экстренном порядке все мероприятия по сокращению численности армии. Необходимо возможно скорее произвести смену командного состава, не соответствующего требованиям момента, для чего надо предоставить комиссарам более широкие полномочия, нежели те, которые предоставлены приказом 30 августа, точное следование коему чрезвычайно затягивает всякую попытку широкой смены. Настоятельно необходимо упорядочить тыл, поднять дисциплину в запасных полках, иначе пополнения только деморализуют армию и верным путем разлагают ее. Необходима самая широкая поддержка военным министерством культурно-просветительной работы в армии. Необходимо установление непрерывной живой связи военного министерства с комиссарами, систематическая информация их, так как все распоряжения военного министерства становятся известными комиссарам лишь из газет.

№ 535.

Комиссар XI Чекотило
Помкомиссара М. Цветков

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 140, лл. 39—43.— Телеграфная лента.

№ 10

Помощник комиссара Северного фронта Савицкий военному министру Верховскому

29 сентября 1917 г.

В. срочно.
Вне очереди прямым проводом.
Секретно.

1. Общее настроение не улучшается. По словам комиссарма 5, большевистская пропаганда в связи с неосторожным опубликованием [в] печати всяких предложений по военному министерству действует на солдатские массы губительно. Начинают шататься лучшие полки. Толки о мире все настойчивее и им сочувствуют. Пропаганда о самовольном оставлении окопов. Называется даже определенное число — первое октября. Об этом уверенно говорят и пленные немцы.

2. Спокойно.

3. Требуют смены в глубокий резерв или замены тыловыми частями, улучшения пищи и обмундирования.

4. Не было.

5. Обсуждение приказов — общее явление. В 11-м, 12-м и 16-м Особых полках [с] большими трениями проходит вопрос сформирования отдельных рот из бывших полицейских и жандармов.

6. В 15-м Особом полку вторая и третья роты 22 сентября отказались идти на стрельбу.

7. Нет сведений.

8. Мелкие эксцессы не прекращаются. Штурмовая рота 730-го полка почти [в] полном составе при трех офицерах самовольно оставила свой участок и перешла в соседний корпус, в формируемый первый революционный батальон. В 120-й дивизии трения на почве увольнения солдат старших сроков.

9. Не было.

10. Отмечается агитация против комитетов, стоящих на законной почве.

11. Недоверчивое, и нельзя не признать одной из причин обсуждения и неисполнения приказов.
12. Хорошее.
13. Служба — удовлетворительно, хуже — занятия, а работы — вяло.
14. По-прежнему, весьма неудовлетворительные во всех отношениях.
15. Нельзя не приветствовать разрешение отпусков, что отчасти разрядит атмосферу. Как общий вывод — необходимость твердого курса правительства. Все меры поднятия боеспособности будут тщетны без приведения [в] порядок тыла. Реорганизацию армии, пишет комиссарм 5, необходимо проводить планомерно, без преждевременного опубликования, так как в массах создается большое раздражение и даже озлобление, с которым справляться все труднее и труднее.

№ 154.

Помощник комиссара Сев[ерного фронта] Савицкий

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 259, лл. 6—7.— Телеграфная лента.

№ 11

Исполняющий должность начальника штаба XI армии генерал-майор Кирпотенко начальнику штаба армий Юго-Западного фронта Стогову

30 сентября 1917 г.

17.00

По сведениям из 6-го корпуса, в 16-м пехотном полку, занимающем позицию юго-западнее Заоржа, началось братание, которое перекинулось в соседний 14-й полк. Немцы толпами ходят в наши окопы, артиллерия воспрепятствовать бессильна, так как артиллеристы на наблюдательных пунктах арестованы. Комиссару предложено немедленно выехать в шестой корпус.

№ 6561.

Кирпотенко

ЦГВИА, ф. 2067/с, оп. 1, д. 25, л. 326.— Копия.

№ 12

Командующий VIII армией генерал-лейтенант Соковнин помощнику главнокомандующего Румынского фронта генералу-от-инфантерии Щербачеву[1]

30 сентября 1917 г.

Секретно.

Настроение в частях, по донесениям комкоров, следующее:

11-й корпус.— Стихийное стремление к немедленному миру заполняет все помыслы солдат и вызывает собою ненависть ко всему, что по их мнению тормозит дело мира, и ко всем, кто пытается говорить о необходимости решительной обороны страны. Дисциплина и боеспособность падают. Отношение солдат к офицерам ухудшилось. Замечается, что, чем более офицеры прибегают к уговорам и убеждениям, тем более подрывается их престиж. Сравнительно спокойное настроение в полках 12-й дивизии, но работы ведутся неохотно. Ударный батальон дивизии вполне боеспособен.

[1] Копии отосланы: комиссару Румынского фронта, комиссару VIII армии.— *Примечание документа.*

В 125-м и 126-м полках 32-й дивизии и в 659-м полку 165-й дивизии были случаи отказа идти на работы. На заседании дивизионного и полковых комитетов 165-й дивизии 24 и 25 сентября вынесена резолюция, требующая немедленного прекращения войны. К этой резолюции единогласно присоединилось 26 сентября соединенное собрание комитетов 32-й дивизии и 27 сентября постановило выслать от каждого полка делегатов к комиссару армии и ко мне с категорическим требованием смены дивизии другими частями пехоты или кавалерии. Офицерство продолжает добросовестно исполнять свои служебные обязанности, к войне и политике относятся безразлично, заметно утомление и жажда мира.

16-й корпус.— Число солдат с большевистским направлением растет, особенно в 47-й дивизии, где солдаты 186-го полка потребовали от комитетов возбуждения вопроса о мире. В некоторых частях раздаются определенно угрозы покинуть окопы в случае продолжения войны. Противник пытался путем газет и плакатов возобновить братание, но солдаты отнеслись к этому отрицательно. Были случаи неисполнения приказаний. О всех случаях производится расследование. Отношения солдат к офицерам не улучшаются, несмотря на все попытки к сближению и устраиваемые офицерами лекции, чтения и беседы.

17-й корпус.— В связи с толками о мире возрастает нежелание переносить лишения и продолжать войну. Батальон 621-го полка в пути на станции Шепетовка отказался двинуться до удовлетворения требования выдачи сапог, каши и посылки делегатов в Центральную раду. После уговора командира полка и комитетов двинулся дальше. На станции Староконстантинов отказался выдать зачинщика-офицера, угрожая оружием. Офицер был арестован при содействии роты и пулеметов 227-го полка. Команда перевязочного отряда 35-й дивизии отказалась разместиться в селении Единцы и самовольно ушла и не выдала зачинщиков. Рота 9-го полка 3-й дивизии отказалась идти для показного учения повторительных офицерских курсов, не желая служить для упражнений офицеров. В 10-м полку самовольно сместили фельдфебеля, в 12-м полку прибывшие из Петрограда солдаты пополнения стояли в строю без поясов, курили и грубо отвечали начальнику команды. Были случаи отказов от занятий и работ. По поводу всех этих случаев производится расследование. В работе офицеров замечается инертность вследствие отсутствия веры в благоприятный конец войны. Во время переезда в 621-м полку дезертировало за неделю 232 и [в] остальных частях корпуса 102, возвратилось 189.

23-й корпус.— Желание окончить скорее войну усилилось. Работы и занятия исполняются вяло. Отношение солдат к офицерам не улучшилось. Офицеры не проявляют должной энергии к службе ввиду тяжелой моральной обстановки и недоверия к себе. Дезертировало трое.

33-й корпус.— В настроениях солдат отмечается твердое нежелание продолжать войну и жажда мира во что бы то ни стало. Ввиду ожидаемого заключения мира работы или не исполняются вовсе или исполняются коекак. Командный состав и комитеты почти бессильны оказать влияние. Их убеждения встречают ропот и озлобление. Отношения солдат к офицерам ухудшаются. В 13-м Заамурском полку солдат дерзко угрожал офицеру, в 468-м полку солдаты требовали удаления командира полка, его помощника и адъютанта, постройку блиндажей для офицеров производить отказываются. В 465-м полку поиск ротами ударного батальона не был допущен солдатами под угрозой применения оружия. Под влиянием угроз ударные батальоны расходятся по ротам, в 466-м полку в ударной роте осталось 24 солдата. Дезертировало 7, вернулось 4.

112-я дивизия.— Под влиянием толков о мире солдатские массы вышли из состояния индифферентности, и даже каждая мелочь обыденной жизни

вносит раздражение, усиливает[1] недоверие и вызывает враждебность к офицерам без всякого повода к этому с их стороны. Солдаты ненавидят офицеров именно за то, что они стоят за продолжение войны, за ведение работ и занятий. Попытки сблизиться путем чтения лекций, тактических занятий остаются пока без результатов.

2-й конный корпус.— Настроение бодрое, отношения нормальные, случаев неисполнения приказаний не было. В полках корпуса организованы эскадронные школы по обучению грамоте, арифметике, географии и истории и для бесед на современные темы. Занятия в полках ведутся офицерами и охотно посещаются солдатами.

Изложенные донесения комкоров рисуют настроение почти всех частей армии в тяжелом виде. Разлагающее влияние тыла, его стремление к миру, убеждение в бесцельности продолжения войны, проникающие в армию через прессу и путем агитации, а также крайне тяжелое положение армии вследствие неудовлетворительного снабжения продовольствием и обмундированием могут привести к тяжелым последствиям. При этих условиях трудно поднять боеспособность частей и удержать их от развала и массовых выступлений, которые при дальнейшем развитии создавшейся обстановки необходимо предвидеть. Лишь энергичное давление Временного правительства на направление прессы и недопущение в армию пропаганды мира во что бы то ни стало, а также скорейшая доставка на фронт теплой одежды, сапог и полной дачи продовольствия смогут предотвратить развал армии.

№ 597.

Соковнин

ЦГВИА, ф. 2134/с, оп. 1, д. 28, лл. 163—163а.— Подлинник.

№ 13

Комиссар III армии Постников военному министру Верховскому

1 октября 1917 г.

1. Настроение в войсках (агитация пораженческого и контрреволюционного характера).	Настроение в большей части нервное, выжидательное. Жажда мира. Называют даже сроком окончания войны первое октября. [В] одном полку появились плакаты «Долой войну, вся власть Советам».
2. Отношение войск к приказам Временного правительства о принятии крайних мер для поддержания порядка.	Без перемен.
3. Главная причина недовольства в солдатских массах и главные требования.	Недостаточное питание, в особенности малая дача хлеба, плохая обувь. Утомительность и нецелесообразность занятий.
4. Случаи братания.	Сейчас поступило донесение, что в 253-м полку была попытка возобновить братание, причем виновные объяснили это желанием получить табак.
5. Случаи обсуждения боевых приказов.	Не было.
6. Случаи открытого неисполнения боевых и других приказов.	Кроме невыхода на занятия, других случаев не было.
7. Количество дезертиров.	Дезертировало семь человек.
8. Эксцессы.	В 114-м полку был случай, когда рота в ответ на ругань ротного командира кричала: «На штыки его». На предложение офицера заколоть его, успокоилась.

[1] В тексте ошибочно «усиляет».

9. Случаи предания военно-революционному суду.	Был один случай, но вследствие неподсудности дело передано корпусному суду.
10. Положение армейских организаций и отношение к ним командного состава.	Отношение командного состава к комитетам все время улучшается. Значение комитетов растет, но ощущается недостаток работников.
11. Взаимоотношения солдат и командного состава.	» »
12. Взаимоотношение командного состава и комиссаров.	Без перемен.
13. Служба, занятия, работы.	Работы задерживаются недостатком материалов и перевозочных средств. Поступают заявления о несовершенности программы занятий.
14. Характеристика прибывших пополнений.	Отрицательная.
15. Общие выводы и пожелания.	Необходимо тепло, сытый желудок и просвещение.

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 197, л. 119.— Копия.

№ 14

Комиссар XI армии Чекотило в Ставку[1]

1 октября 1917 г.

Секретно.

11-й уланский Чугуевский полк, выступивший согласно приказу для подавления беспорядков, грабежей в районе Волковинцы, через несколько часов возвратился на свою стоянку. Солдаты, отойдя 15 верст, отказались дальше идти, причем уговоры и все принятые командиром полка меры не повлияли. Солдаты категорически отказались идти на усмирение. 11-й драгунский полк, долженствовавший выступить сегодня в 14 часов, до настоящего времени не выступил, посланы члены корпусного комитета для убеждения полков исполнить приказ. Результаты пока неизвестны.

№ 563.

Чекотило

Резолюция генерал-лейтенанта Духонина помощнику начальника штаба верховного главнокомандующего: «Запросить главнокомандующего Юго-З[ападным фронтом], какие приняты меры в отношении улан».

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 32, л. 36.— Телеграфная лента.

№ 15

Комиссар XI армии Чекотило Политическому управлению Военного министерства и военному министру Верховскому[2]

4 октября 1917 г.

Сообщаю подробности нападения на помощника Цветкова-Куликова. После полученных сведений, что в 4-й пехотной дивизии начались брата

[1] Копии отосланы: в Политическое управление Военного министерства, фронтовой комиссии Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, верховному главнокомандующему, главнокомандующему Юго-Западным фронтом, комиссару Юго-Западного фронта.— *Примечание документа.*

[2] Копии отосланы: фронтовой комиссии Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, верховному главнокомандующему, комиссару Временного правительства при Ставке, комиссару Юго-Западного фронта, исполнительному комитету Юго-Западного фронта, Центральной раде.— *Примечание документа.*

ния с немцами, туда выехал мой помощник Цветков-Куликов с целью ликвидировать его, что было осуществлено при помощи комитетов. Третьего октября Цветков отправился в 15-й Шлиссельбургский полк, где настроение было тревожное, хотя случаев братания не наблюдалось. На общем собрании второго батальона Цветков выяснил солдатам положение [о] невозможности немедленного заключения мира во что бы то ни стало. Эти разъяснения встречались враждебными возгласами и в конце концов Цветков уехал из полка, не закончив своих разъяснений. По дороге в штаб дивизии Цветков был встречен небольшой группой солдат Шлиссельбургского полка, остановивших его лошадь силой и потребовавших, чтобы Цветков слез на землю. Это требование Цветков не выполнил, несмотря на угрозы. Когда он стал отъезжать, в него понеслись камни, одним [из] которых Цветков ушиблен в бок. Теперь лежит в постели. Положение его не внушает опасений. Настроение в полках 4-й дивизии тяжелое, требование мира во что бы то ни стало; от устройства зимних жилищ и вообще [от] работ солдаты отказываются, мотивируя это тем, что если они будут работать и устраивать землянки, то мира не будет. Идет массовая продажа сапог, шинелей, белья, причем в основе лежит соображение, что без обмундирования воевать нельзя и этим путем солдаты ускорят мир. Сегодня выезжаю в 4-ю дивизию для производства расследования и принятия необходимых мер. Прошу Совет рабочих, солдатских депутатов и Центральную раду отозваться на мое сообщение. Для сведения сообщаю, что 4-я дивизия входит в состав украинизирующегося 6-го корпуса, почему голос Центральной рады будет особенно веским.

№ 582.

Комиссар XI Чекотило

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 140, лл. 47—49.— Телеграфная лента.

№ 16

Начальник 2-й Сибирской дивизии генерал-майор Бирюков верховному главнокомандующему Керенскому [1]

9 октября 1917 г.

7-й Сибирский стрелковый полк 9 октября в четвертый раз отказался исполнить боевой приказ: заступить на позицию для смены 5-го Сибирского полка. Уговоры комитета 5-го полка, членов комитета дивизии, командного состава не помогли. 5-й полк стоит на позиции двадцать третьи сутки.

№ 9645.

Начальник дивизии 2-й Сибирской
генерал-майор Бирюков

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 13, л. 117.— Телеграфная лента.

---

[1] Копии отосланы: в действующую армию, командующему 1-м Сибирским корпусом, командованию X армии, военному министру, комиссару Западного фронта, главнокомандующему Западным фронтом, товарищу прокурора полевого корпусного суда 1-го Сибирского корпуса, товарищу полевого прокурора X армии.— *Примечание документа.*

№ 17

Временно исполняющий должность генерал-квартирмейстера I армии подполковник Берендс генерал-квартирмейстеру штаба армий Северного фронта генерал-майору Лукирскому и комиссару Северного фронта Станкевичу[1]

10 октября 1917 г.

Срочное.

Настроение войск: Первое. Настроение частей, входящих в состав армии, в общем безусловно ухудшилось. Причиной такого явления служит новая неудача на Северном фронте, причем отмечается, что в связи с успехами немцев, как и после падения Риги и Якобштадта, автоматически подрывается и без того слабая надежда на свои силы и доверие к командному составу. Боеспособность сильно понижается, разговоры о мире во что бы то ни стало делаются настойчивыми и приемлются массой с особым удовлетворением, причем разлагающая пропаганда большевистских лозунгов, ничем не стесненная и основанная на этой почве, имеет несомненный успех. Весьма отрицательно на настроение влияют также тяжелые условия жизни в ненастное время года при недостаточном подвозе продовольствия и при неудовлетворительном снабжении, особенно сапогами, и, наконец, фактическая безнаказанность всех уклонившихся ранее от исполнения боевых приказов и извлеченных в свое время из полков. Частями, в которых подобное уклонение к худшему наименьше заметно, являются 4-я кавалерийская дивизия и 51-я пехотная дивизия. Без перемен плохое настроение в 81-й и 84-й пехотных дивизиях. В 44-й пехотной дивизии слухи о том, что дивизия идет в Финляндию, даже подняли настроение, так как с этим связывалось представление об отдыхе, и отправление дивизии произошло без осложнений, но за будущее ручаться трудно.

Второе. Наиболее устойчивыми частями, основываясь на донесениях их командиров, надо считать 2-ю кавалерийскую дивизию, за исключением стрелкового полка Псковского драгунского, в котором имеет успех агитация большевиков, и 4-й конной батареи, вторую бригаду 81-й пехотной дивизии и полки в 33-й дивизии — 131-й Тираспольский, в 60-й дивизии — 240-й Ваврский и в 185-й дивизии — 740-й Борзинский. Относительно благополучны 22-я и 51-я пехотные дивизии и 4-я кавалерийская. Наименее устойчивы 24-я и 184-я дивизии и полки 239-й Константиноградский и 323-й Юрьевецкий. Необходимо указать, что хотя мерами морального воздействия удалось заставить 93-й и 95-й полки 24-й дивизии выполнить боевой приказ, но во внутренней жизни этих полков происходят трения между выполняющими свой долг и отказавшимися сразу выполнить боевой приказ. Части 94-го Енисейского полка, не выполнившие боевого приказа, 7 октября перешли в район своего полка, но окончательно не присоединились, в свою очередь часть этого полка, исполнившая свой долг, отказывается соединиться с теми, которые сразу не перешли на позицию.

Третье. Приказы выполняются вообще вяло и неохотно и часто только после долгих уговоров. 7 октября 746-й Опатовский полк, бывший до сих пор лучшим по боеспособности полком 187-й дивизии, отказался выполнить боевой приказ и сменить на позиции части 4-й кавалерийской дивизии, ссылаясь на свое крайнее утомление, плохую обувь и недавнюю смену с позиции. Другие случаи неисполнения боевых приказов имели место в

[1] Копия отослана комиссару I армии.— *Примечание документа.*

323-м Юрьевецком полку и в одной роте 745-го Ново-Александровского полка. Отказы от работ были в 734-м Прекшанском стрелковом [полку] 2-й кавалерийской дивизии, 130-м Херсонском, 132-м Бендерском и в 85-м Выборгском полках. Полусотня 2-го Донского казачьего полка, вызванная для охраны штаба 184-й пехотной дивизии, отказалась от несения полицейской службы, мотивируя отказ постоянным привлечением казаков к жандармским обязанностям, что вызывает враждебное отношение к ним остальных частей.

Четвертое. Отмечается энергичная деятельность комитетов разных наименований при улаживании эксцессов и коллизий, но в то же время указывается, что комитеты не чувствуют под собой твердой почвы и не имеют в солдатской массе полного авторитета и доверия. С нетерпением ожидают выхода в свет нового положения о комитетах, долженствующего упрочить их положение. Отмечается дурное впечатление, произведенное на солдатскую массу поднятым представителями комитетов в 1-й Кавказской дивизии и 734-м полку вопросом о мире и отношении к войне.

Пятое. Прибывающие в войска пополнения обыкновенно усиливают падение дисциплины. В частности, пополнения, прибывшие из Финляндии в 747-й полк, действуют разлагающе, распуская нелепые слухи о том, что в Финляндии много войск и что смена с ними вполне возможна, стоит лишь послать делегатов в областной Финляндский комитет. Эти слухи, перекинувшись в 746-й Опатовский полк, повлияли на отказ последнего от выполнения боевого приказа. Последнее пополнение из украинцев, прибывшее в 739-й Каменец-Подольский полк, также способствовало упадку дисциплины.

Шестое. Результатов работы политических партий не видно, за исключением начинающей пользоваться самым серьезным успехом пропаганды большевистских и максималистских оттенков. Газеты, вроде «Солдата» и «Откликов правды», прежде часто уничтожавшиеся без прочтения, завоевывают все более и более широкий круг читающих и верящих.

Седьмое. В 323-м Юрьевецком полку солдаты избили комполка прикладами и ранили его в руку. Угрожающее положение солдатская масса по отношению к командному составу занимает в 93-м, 94-м и 95-м полках. В одной из батарей 1-й Кавказской артиллерийской бригады солдаты потребовали удаления командира; убеждения комитета не имели успеха; дело передано следователю.

Восьмое. Случаев применения силы не было.

Девятое. Дезертировало 104, возвратившихся 21.

Десятое. Занятия ведутся по мере возможности. Усиленной работой, благодаря дурной погоде, по устройству землянок и позиций, проведением дорог большая часть людей отвлекается от занятий.

№ 879/П.

Берендс

ЦГВИА, ф. 2031/с, оп. 1, д. 12, лл. 3—7.— Телеграфная лента.

№ 18

Исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба VIII армии полковник Базаревский начальнику штаба 33-го корпуса полковнику Малютину

11 октября 1917 г.

Наштакор 33. Офицер 47-й дивизии, состоящий для связи при 2-й Заамурской дивизии, доносит начальнику дивизии, что [в] 117-й дивизии начались братания, что солдаты этой дивизии предполагают пойти [к] авст-

рийцам [в] окопы с музыкой, что [в] полках, стоящих [в] резерве, ежедневно происходят митинги, где произносят речи [в] большевистском духе и высказывают полное недоверие офицерам, выносят требования [о] зачислении офицеров на солдатскую кухню и хотят отнять вестовых. На участке Туркестанского полка офицеры сами рыли землянки, так как солдаты отказались им рыть; что ни один митинг не происходит без вынесения резолюции о немедленном мире. Начальник штаба армии просит сообщить, известно ли вышеизложенное комкору и какие меры он предполагает предпринять против выступлений 117-й дивизии.

№ 754.

Базаревский

ЦГВИА, ф. 2134/с, оп. 1, д. 28, лл. 307—309.— Телеграфный бланк.

№ 19

Помощник комиссара Северного фронта Савицкий военному министру Верховскому [1]

15 октября 1917 г.

В. Срочно.

1. Настроение ухудшилось. Все донесения корпусов отмечают стремление [к] скорейшему миру. Так, в XII армии 14-й Сибирский полк вынес необычную для этой армии резолюцию с требованием немедленного мира, если нельзя международного, то хотя бы сепаратного. Пораженческая агитация усиленно ведется газетой «Отклики окопной правды». Подчеркивается повсеместный упадок духа, отсутствие веры [в] свои силы. Влияние большевизма усилилось.

2. Резко отрицательное к тем, которыми пытаются водворить дисциплину, а вообще равнодушное даже и к решительным приказам, так как крайние меры дальше угроз не идут.

3. Утомление войной, озлобление на тыловые части, лучше фронтовых снабженные всем необходимым и ничего не делающие, разруха внутри страны. Требуют улучшения снабжения пищей, одеждой. Многие части требуют отвода в резерв на продолжительный отдых. Требуют обученных пополнений.

4. Братание пока только единичное явление, но немцы прилагают все усилия его развить. Унтер-офицер Олейников 15-го Особого полка, вернувшись из немецких окопов, был арестован полковым комитетом.

5 и 6. Обсуждение и отказ от исполнения боевых приказов — нормальное явление. Особенно это относится к приказам выйти на работу. Большинство случаев ликвидируется при деятельной работе и уговорах членов комитета. 277-й и 278-й полки 70-й дивизии отказываются идти на позиции, требуя стоять [в] резерве три месяца (стоят в резерве уже полтора месяца). 477-й полк не сменяет батальон «смерти». Выборгская бригада, выведенная из Выборга и направленная в I армию, вместо выгрузки на станции Порхов, силой потребовала отправления обратно на Петроград

[1] Копия отослана комиссару Временного правительства при Ставке.— *Примечание документа.*

Главкосев хотел их пропустить и расформировать в Петрограде, но ввиду уже состоявшегося приказа командарма V и настояния комиссариата и фронтового комитета эшелоны были задержаны на станциях Пыталово, Брянчаниново, Остров и Псков. После переговоров комиссарсева здесь и моего личного выезда [в] Остров эшелоны отправлены обратно [в] действующую армию под условием их нерасформирования. Инцидент улажен.

7. Дезертировало за неделю около 350 человек, если не считать удравших при движении Выборгской бригады.

8. В ночь с 8 на 9 октября казаки 5-й Особой казачьей сотни, несмотря на увещания корпусного комитета, поделили между собой хозяйственные суммы. Был арестован командир 303-го полка, назначенный по выбору полка. По настоянию корпусного комиссара освобожден.

9. Солдат 10-го Сибирского полка за вооруженный грабеж овец у мирного жителя. Солдат 136-й инженерной роты за отказ находиться [в] строю, сдачу оружия и нежелание далее вести войну. Прапорщик Линден Городокского полка за растрату казенных 5 тысяч. Доброволец 719-го полка Виктор Стрейкайтис за попытку бежать к немцам приговорен [к] смертной казни. Приговор на конфирмацию еще не поступал.

10. Положение комитетов хотя и прочное, но работа значительно усложнена создавшейся обстановкой, шкурными требованиями, а главное отсутствием твердых основ деятельности — нового положения. С командным составом отношение хорошее, оказывается ему большая поддержка при проведении в жизнь приказов. Перевыборы происходят во многих частях и отмечается прохождение нежелательных элементов — крикунов. Организуется под руководством комиссарсева армиском I, а 15-го начинается армейский съезд V армии и выборы комитета.

11. Недоверчивое, склонное обостряться при возможных случаях. Слышатся обвинения в умышленной задержке войны.

12. Нормальные. Комкор 19 отмечает исключительно плодотворную и объединяющию работу бывшего комиссаркор 19 Засыпина.

13. Служба несется удовлетворительно, работы — вяло и малопродуктивно, занятия ведутся лишь в редких случаях.

14. Совершенно необучены, недисциплинированы, с разлагающими идеями. Как исключение, нельзя не указать на маршевую роту из Восточной Сибири, прибывшую в 109-ю дивизию.

15. Боеспособность падает в связи с ухудшением питания, обмундирования, а также ввиду малочисленности состава рот, требующих пополнения. Необходимы срочные меры, энергичное улучшение общего снабжения фронта за счет тыла. Отсрочка выхода положения о комитетах подрывает основы организаций.

№ 197.

Помощник комиссара Сев[ерного фронта] Савицкий

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 259, лл. 36—39.— Телеграфная лента.

№ 20

Таблица сведений о состоянии армий за время с 1 по 15 октября 1917 г.[1]

№№ п/п	Название эксцессов	Фронты	Северный				Западный			Ю.-Западный			Румынский				Кавказский	Двинский	Минский	Московский	Казанский	Туркестанский	Приамурский
		Армия	42[3])	XII	I	V	III	X	II	Ос.	XI	VII	VIII	IX	IV	VI	Арм.	В. О.	В. О.	В. О.	В. О.	В. окр.	В. окр.
		Количество																					
1	Братание		—	—	—	—	10	1	—	7	—	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Самовольное оставление позиций		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Самовольное оставление постов		—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
4	Отказ от выполнения боевых приказов		—	3	5	4	5	12	3	4	1	1	—	3	1	2	2	—	—	—	—	—	—
5	Выступление на позиции одних офицеров в частях, отказавшихся выступать		—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Отказ от работ		—	Случ. част.	4	9	7	2	6	7	6	3	2	5	3	6	5	—	—	—	—	—	—
7	Отказ от занятий		—	1	—	1	2	4	5	4	7	4	—	4	3	3	2	—	—	—	—	—	—
8	Отказ от выполнения небоевых приказов		—	—	—	6	6	7	4	—	1	1	—	—	—	—	1	—	2	—	1	—	—
9	Отказ от участия в репрессиях в отношении неповинующихся частей		—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Грабежи, погромы и бесчинства		—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	2	—	—	1	5	2	1	3	4	1	—
11	Насилия над лицами командного состава и офицерами		—	—	1	5	—	4	3	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	1	2	—	—
12	Убийства лиц командного состава и офицеров		—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—

Таблица (*продолжение*)

№№ п/п	Название эксцессов	Фронты	Северный				Западный			Ю.-Западный			Румынский				Кавказский	Двинский	Минский	Московский	Казанский	Туркестанский	Приамурский
		Армия	42[2])	XII	I	V	III	X	II	Ос.	XI	VII	VIII	IX	IV	VI	Арм.	В. О.	В. О.	В. О.	В. О.	В. окр.	В. окр.
		Количество																					
13	Оскорбление словами лиц командного состава и офицеров		—	1	3	4	3	2	—	—	2	—	3	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—
14	Насилия над комиссарами и членами комитетов		—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	Оскорбление словами комиссаров и членов комитета		—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	Требования удаления лиц командного состава		—	—	1	2	3	1	5	—	—	1	—	2	—	—	2	—	—	—	—	1	—
17	Выражения недоверия комитетам		—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	Сложение комитетами своих полномочий		—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	Вынесение комитетами резолюций с требованием заключения мира		—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Приветствование наших неудач как обстоятельства, приближающего мир		—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Призыв к избиению офицеров в целях скорейшего заключения мира		—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	Требование частей немедленного заключения мира		—	1	—	1	2	1	4	2	5	1	2	—	—	3	—	—	1	—	1	—	—
23	Требование улучшения пищи и обмундирования		—	—	—	1	3	—	2	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	1	—	1
24	Требования выдачи на руки артельных и хозяйственных сумм		—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1

Таблица (*продолжение*)

№№ п/п	Название эксцессов	Фронты	Северный				Западный			Ю.-Западный			Румынский				Кавказский	Двинский	Минский	Московский	Казанский	Туркестанский	Приамурский
		Армия	42[3])	XII	I	V	III	X	II	Ос.	XI	VII	VIII	IX	IV	VI	Арм.	В. О.	В. О.	В. О.	В. О.	В. окр.	В. окр.
		Количество																					
25	Предание военно-революционному суду		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	6	2	—	—	—	—	—	—
26	Расформирование неповинующих частей		—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	Привлечение вооруженной силы		—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
28	Применение вооруженной силы		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
29	Попытки прекратить боевые действия артиллерии и других частей		—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
30	Число дезертировавших в тыл		24	104	46	144	—	—	—	296	59	—	125	61	245	—	—	100	186	—	—	—	—
31	Число возвратившихся		22	21	14	41	—	—	—	64	2	—	12	3	67	—	—	12	34	—	—	—	—

Начальник военно-политического отдела Генерального штаба
подполковник Новиков
За начальника 1-го отделения подпоручик Белевский

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 31, л. 43.— Подлинник.

№ 21

Комиссар II армии Гродский в кабинет военного министра

18 октября 1917 г.

1. Настроение (агитация пораженческого и контрреволюционного характера).

Настроение чрезвычайно нервное, нарастает с каждым часом и близится к грозному отказу от выполнения приказаний. Прочие нарушения дисциплины захватывают новые части, где раньше порядок казался обеспеченным. Преобладает большевистская пропаганда самого худшего пошиба. Количество сторонников этой партии возрастает. Большевистская агитация перед выборами дает форму большевистско-анархическому настроению. В массах говорят, что, если мир не будет заключен в ближайшие дни, то мы уедем с фронта. Об уходе циркулируют самые упорные слухи. Отношение к войне выражается в отказах под всевозможными предлогами идти на позиции, в отказах от работ по оборудованию позиций и в ненависти к тем, кто будто бы затягивает войну. Здесь подразумевается офицерство и за последнее время комитеты. Малейшее требование дисциплины раздражает.

2. Случаи братания.

В районе 9-го армейского и гренадерского корпусов попытки братания со стороны немцев подавлены огнем артиллерии. 16 октября рядовой 299-го Дубненского полка Лобанов вышел на призывы немцев, взял предложенные газеты и папиросы и вернулся. Постановлением ротного комитета арестован.

По остальным пунктам без перемен.

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 197, л. 128.— Копия.

№ 22

Начальник штаба Юго-Западного фронта Стогов верховному главнокомандующему Керенскому[1]

18 октября 1917 г.

По приказанию главкоюз представляю следующие телеграммы командарма Особой и генкварма: «За истекшие сутки ко мне поступили донесения:

1. О самовольном уходе 686-го полка из резерва 194-й дивизии в тыл на присоединение к 125-й дивизии, куда он предназначен для влития после расформирования.

2. О приготовлениях 3-го Туркестанского полка к уходу в тыл после отказа уступить свою позицию 4-му Туркестанскому полку, собирающемуся его сменить.

3. Об отказе 330-го полка идти сменять левофланговый полк своей дивизии, предназначенный к расформированию.

4. Об отказе 1-й Кубанской казачьей дивизии идти на позицию.

5. О заявлении делегатов 2-й сводной казачьей дивизии, что Волгский и линейный полки не пойдут на участок, им назначенный, вследствие неисполнения предъявленных казачеством требований Временному правительству по выборам в Учредительное собрание.

---

[1] Копии отосланы: комиссару Юго-Западного фронта, исполнительному комитету Юго-Западного фронта, Правлению казаков [4]).— *Примечание документа.*

6. В Луцке собрались на этапе категористы [5)], заявившие, что в тыловые учреждения армии не пойдут, так как желают ехать в глубокий тыл. Меры к недопущению в Луцк частей, уходящих с фронта, приняты. Прочие части уговаривают начальники, комиссары и комитеты. № 012510. Стельницкий».

«К № 012510 доношу: 686-й полк удалось задержать на почлег [в] районе Торчина. Обе казачьи дивизии не выступили по назначению. № 012511 Менчугов».

№ 281576.

Стогов

ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 1, д. 32, лл. 79—81.— Телеграфная лента.

№ 23

Командующий Особой армией генерал Стельницкий и комиссар Анардович главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Володченко

21 октября 1917 г.

Спешно. Секретно.

Из последних донесений корпусов и освещения положения на местах усматривается значительное ухудшение настроения в частях армии. Мысль о необходимости немедленного заключения мира на каких угодно условиях, подобно спруту, захватывает и опутывает части, разрастаясь за последнее время с неимоверной быстротой. Бесспорными причинами этого явления нужно признать общую утомленность, отсутствие понимания задач и цели войны, небрежное отношение к понятиям блага родины и, главное, полнейшее отсутствие какого-либо авторитета власти, могущего дать надлежащее направление массам, потерявшим веру не только в командный состав, Временное правительство и свои выборные организации, но даже в свои собственные силы.

Озлобленное отношение к офицерству достигает в некоторых частях своего апогея. Работы по укреплению позиции или не производятся вовсе или ведутся вяло. Отказы от занятий по всевозможным причинам — как действительным, так и выдуманным — стали обычным явлением. Вновь вспыхивают случаи братания и угрозы оружием артиллерии, мешающей таковому. Неисполнение боевых приказов ставит в невозможность выполнять стратегические задачи, участились и сделались заурядным явлением за последнее время случаи отказа полками и даже целыми дивизиями от выполнения директив. Постоянный торг между массой и войсковыми организациями о порядке выполнения директив, уговоры, просьбы об отдыхе, его сроке и т. п.— создали атмосферу сознания возможности оттянуть исполнение, провести его вяло и с опозданием, при полной безнаказанности за это. Особенно выделяются своей мятежностью полки: 330-й — 83-й пехотной дивизии, 486-й — 122-й пехотной дивизии, вся 126-я пехотная дивизия (ее пехотные полки), почти все полки 57-й и 111-й пехотных дивизий, полки 1-й Туркестанской стрелковой дивизии, 615-й и 616-й полки 125-й пехотной дивизии и 685-й и 686-й полки, бывшие в прикомандировании к 53-й пехотной дивизии.

Все меры увещевания и воздействия использованы, но результатов не дают. Главным явлением этого обстоятельства нужно считать полную безнаказанность и отсутствие карающих мер. Борьба с разрастающимся злом, с его, так сказать, инфекционностью, крайне необходима и требует срочного введения в жизнь института штрафных полков, чины коих, получая сокращенное жалование, лишаются права на отпуск, прав выбор-

ных и т. п. Быть может, таким путем удастся пресечь дальнейшее растление армии и сохранить части, еще держащиеся достаточно стойко. В число таковых, выделяющихся честным исполнением долга, во вверенной мне армии могут быть включены полки 53-й и 194-й пехотных дивизий.

В противовес штрафным, желательно, чтобы о частях, оставшихся верными долгу, стало известно Временному правительству и созывающемуся Учредительному собранию.

О изложенном ходатайствую.

№ 1757.

Генерал-от-инфантерии Стельницкий
Комиссар Особой Анардович
Вр. и. д. начальника штаба Генерального штаба полковник Мельгунин

ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 2940, л. 1 и 1 об.— Копия.

№ 24

Комиссар II армии Гродский военному министру[1]

22 октября 1917 г.

Срочно. Секретно.

Ввиду выборов в Учредительное собрание в армии, по распоряжению свыше, последовало [разрешение] на съезды и собрания и открыт широкий простор всякой партийной агитации. В связи с этим большевики получили возможность свои губительные лозунги — призывы к братанию, немедленному заключению во что бы то ни стало мира, неисполнению приказов и смене начальников — открыто проводить в войска, где, начиная с июля месяца, строжайше запрещались и преследовались эти призывы, и не только не было открытой пропаганды большевизма, но в солдатской массе ясно сказывалось убеждение, что одна принадлежность к партии большевиков преступна и позорна, теперь же во взглядах на их деятельность происходит вполне естественная резкая перемена: большевизм считается солдатами отнюдь больше не преступным, а легализованным высшими властями и даже поощряемым ими. Преступные с точки зрения государственной, и особенно военной, лозунги все более охватывают широкие массы. Требования немедленного заключения мира на каких угодно условиях и призывы приступить к братанию и оставить фронт грозят перейти в стихийное движение. Случаи неисполнения приказов, даже боевых, возрастают с необычайной быстротой, которая не дает уже возможности высшему командному составу успешно на них реагировать, тем более, что почва постепенно уходит из-под ног: влияние на солдатские массы комитетов, если только они не большевистского направления, падает, реальная сила, [на] которую нужно было раньше опираться, теперь под влиянием агитации большевиков мало-помалу распыляется, остающиеся же здоровыми части слишком недостаточны ввиду крайнего обилия эксцессов, но если бы даже и можно было найти реальную опору для борьбы, ее трудно предпринять ввиду легализованного положения партии большевиков. Быстро создается угрожающая обстановка для предотвращения полной потери боеспособности армии и гибели России и признается совершенно необходимым. Первое — как минимум, срочно объявить партию

[1] Копии отосланы: верховному главнокомандующему, комиссару Временного правительства при Ставке, комиссару Западного фронта, фронтовой комиссии Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.— *Примечание документа.*

большевиков антигосударственной, содействующей своими призывами полному развалу армии и оставлению войсками фронта. Второе — всякие подобные призывы квалифицировать как государственную измену, и приказать в корне пресекать их арестом, запретив всякие газеты и листки большевистского направления. Третье — срочно издать декларацию по вопросу о мире и настойчивом до него продолжении войны, с указанием, что всякие попытки ликвидировать ее другими путями будут подавляться сурово и беспощадно. Командный состав считает, что только при этих условиях можно еще надеяться на успешность работы по поднятию боеспособности армии.

№ 1298.

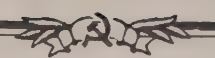
Гродский

ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 267, лл. 143—148.— Телеграфная лента.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Это донесение, как и некоторые другие (док. №№ 3, 8, 10, 13, 17, 19) составлялись в форме ответов по следующей схеме:
Форма донесений комиссаров частей о состоянии вверенных им частей:
1) Настроение в войсках (агитация пораженческого и контрреволюционного характера). 2) Отношение войск к приказам Временного правительства о принятии крайних мер для поддержания порядка. 3) Главная причина недовольства в солдатских частях и главные требования. 4) Случаи братания. 5) Случаи обсуждения боевых и других приказов. 6) Случаи открытого неисполнения приказов. 7) Количество дезертиров. 8) Эксцессы. 9) Случаи предания военно-революционному суду. 10) Положение армейских организаций и отношение к ним командного состава. 11) Взаимоотношения солдат и командного состава. 12) Взаимоотношения командного состава и комиссаров. 13) Служба, занятия и работы. 14) Характеристика прибывших пополнений. 15) Общие выводы и пожелания. (Сб. «Разложение армии в 1917 г.», М.— Л., 1925, стр. 139).— 37.
2) Имеются в виду: приказ командующего VIII армией генерал-лейтенанта Соковнина от 19 сентября 1917 г. о «неосновательности массового недоверия солдат к командному составу» и призыв к единению всех сил армии «для защиты равенства, братства, свободы», а также приказ от 21 сентября 1917 г. о введении обучения офицерами солдат грамоте, организации для них лекций, собеседований, читок, а в свободное время развлечений и игр (ЦГВИА, ф. 2134, оп. 2, д. 14, лл. 286, 290).— 42.
3) 42-й армейский корпус находился на правах армии.— 54.
4) Выборная организация казаков при штабе Юго-Западного фронта.— 57.
5) Ограниченно годные к службе.— 58.

ЗАБАСТОВКА РАБОЧИХ-КОЖЕВНИКОВ МОСКВЫ В АВГУСТЕ—ОКТЯБРЕ 1917 г.

Созревание объективных факторов социалистической революции в России, начавшееся в довоенное время, в годы первой мировой войны проходило с особой силой. Надвигался революционный кризис. Коммунистическая партия готовила силы для борьбы с буржуазией.

Усилению революционного подъема в значительной мере способствовала война, которая вконец разрушила народное хозяйство страны, привела к массовому разрушению материальных ценностей, ухудшила и без того тяжелое экономическое положение трудящихся. Авангардом надвигавшейся революции являлся рабочий класс. В 1914 г. в России было 68 забастовок, охвативших около 35 тысяч рабочих. А в 1916 г. уже было 1093 забастовки, в которых участвовало около миллиона промышленных рабочих. Начало 1917 г. ознаменовалось мощным забастовочным движением, охватившим всю страну.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции рабочие поднялись на борьбу против антинародной политики буржуазного Временного правительства, а также против меньшевиков и эсеров, поддерживавших эту политику.

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным решительно отказалась от какой-либо поддержки Временного правительства, выступив защитником и выразителем интересов большинства населения страны. Определив на VII (Апрельской) Всероссийской конференции свою стратегию и тактику в социалистической революции, Коммунистическая партия стала готовить рабочий класс к решительной схватке с буржуазией.

Ниже публикуются документы, характеризующие революционную активность одного из отрядов рабочего класса Москвы — кожевников в 1917 г. Они показывают организующую роль Коммунистической партии, революционный подъем, охвативший рабочих накануне Октябрьской революции, их отказ поддерживать мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров.

Забастовка рабочих кожевенной промышленности Москвы, поводом к которой явился отказ предпринимателей увольнять рабочих лишь с ведома заводских рабочих комитетов, началась 16 августа 1917 г. Ей предшествовала большая организационная работа профсоюза кожевников, предъявившего в конце июня требования к предпринимателям. Тот факт, что в забастовке участвовало 110 тыс. человек, сам по себе говорит о ее значимости и роли в деле революционизирования рабочего класса Москвы и других промышленных центров.

Наряду с основным требованием об участии заводских комитетов в найме и увольнении рабочих, бастующие требовали установления границ

минимума заработной платы для рабочих различных специальностей, введения ежегодных двухнедельных отпусков и др. Обращает внимание и тот факт, что забастовка началась 16 августа, т. е. через четыре дня после начала работ Московского государственного совещания, созванного Временным правительством с целью объединения сил контрреволюции для борьбы с революцией.

В знак протеста против этого совещания тысячи рабочих Москвы по призыву большевиков вышли 12 августа на демонстрацию протеста. Таким образом, забастовка кожевников совпала с общим революционным подъемом рабочих Москвы, которые уже в августе 1917 г. не доверяли меньшевистско-эсеровским лидерам, отказываясь выполнять их указания.

Министр труда Временного правительства меньшевик Скобелев, прибывший в Москву и обещавший национализировать фабрики, если требования рабочих не будут удовлетворены, на деле оказался игрушкой в руках капиталистов, которые отвергли его предложение быстрейшего мирного окончания забастовки, ввиду оборонного значения предприятий кожевенной промышленности (см. док. №№ 7, 8). Никаких мер для выполнения своих обещаний Скобелев не принял, предложив бастующим приступить к работе (см. док. № 11). Это еще раз убеждало рабочих в том, что политика Временного правительства и лидеров мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров направлена против интересов трудящихся, что только с переходом власти в руки рабочего класса, руководимого Коммунистической партией, они смогут добиться улучшения своего положения, стать хозяевами страны.

На основе решений VII Всероссийской конференции, большевики разъясняли трудящимся, что только захватив власть в свои руки рабочий класс добьется улучшения своего положения.

Эта основная идея революции — идея о завоевании политической власти рабочим классом — нашла единодушную поддержку на собрании рабочих трех районов Москвы, состоявшемся 26 августа (см. док. № 8). В докладе о текущем моменте рабочим на этом собрании разъяснялось, что пока «рабочий класс не имеет в своих руках власть, до тех пор придется ему испытать всякие бедствия».

В резолюции, принятой по этому докладу, рабочие подчеркивали, что их врагом является буржуазия и что они выступят в защиту революции. Такие резолюции были далеко не случайными.

Рассказывая трудящимся о сущности Московского государственного совещания, большевики правильно рассматривали его как заговор против революции и призывали встать на ее защиту.

На Московском государственном совещании произошла полная консолидация сил контрреволюции, ставивших своей целью разгром нарастающей революции. Центром контрреволюционных сил явилась Ставка армии, где генерал Корнилов готовился к уничтожению революционных организаций страны. 25 октября он двинул войска на революционный Петроград.

Документы весьма убедительно говорят о революционном подъеме, охватившем рабочий класс, об их отношении к политике мелкобуржуазных партий, приведших революцию к корниловщине. На собрании рабочих фабрики механической обуви были приняты практические меры для борьбы с буржуазией. Собрание решило провести запись рабочих в Красную гвардию и потребовать от Московского Совета вооружения всех рабочих (см. док. №№ 9 и 10).

Публикуемые документы наглядно свидетельствуют о солидарности рабочих других городов с рабочими Москвы. Петроградские рабочие обещали поддержать забастовку и оказать материальную помощь бастующим (см. док. № 11). Братскую солидарность с бастующими проявили и

рабочие Москвы (см. док. №№ 17—20). Всего в стачечный фонд со всех концов страны поступило около полумиллиона рублей. Московская областная конференция металлистов — этого наиболее революционного отряда рабочего класса приветствовала бастующих кожевников Москвы и требовала от органов революционной власти взять под свой контроль управление кожевенными заводами (см. док. № 22).

Публикуемые документы не освещают всех сторон забастовки, но в сочетании с другими опубликованными документами помогут более полно восстановить картину широкого размаха рабочего движения в Москве накануне Октября.

Все документы за исключением документа № 13, извлеченного из Государственного исторического архива Московской области, хранятся в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОРСС МО) и подготовлены к печати К. В. Крестовской и М. Я. Ржезниковой.

П. Н. Соболев

№ 1

Заявление Центрального стачечного комитета профсоюза рабочих, занятых по выделке кож и по производству кожаных изделий[1] *о начале забастовки рабочих-кожевников*

15 августа 1917 г.

Настоящим имеем честь сообщить, что 16 числа сего месяца в 11 часов дня начнется общая забастовка рабочих по выделке кож и производству кожаных изделий.

Председатель стачечного комитета Г. И. Либин
За секретаря стачечного комитета М. Г. Лапчиков

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 33, л. 8.— Подлинник.

№ 2

Протокол заседания стачечного комитета профсоюза кожевников Сущевско-Грузинского, Пресненского и Бутырско-Марьино-рощинского районов

15 августа 1917 г.

Присутствуют из Пресненского района: Щербаков, Павлова и Захарова; [из] Сущевско-Грузинского района: Абоянц, Яковлев, Макаров, Чанг-Оглы, Хесина; [из] Бутырско-Марьино-рощинского района: Терентьев, Володин, Прокофьев, Матвеевский, Сафронов, Веретин, Зайцев; кроме того, присутствуют из Центрального стачечного комитета Лобковский, Леонтьев и Григорьев.

---

[1] В дальнейшем «профсоюз кожевников».

Порядок дня:

1) Цели и задачи стачечного комитета.
2) Доклад от Центрального стачечного комитета.
3) Объявление забастовки и
4) текущие дела.

Председателем выбран Леонтьев, секретарь Хесина.

Тов. Лобковский осветил цель и задачи стачечного комитета:

1. Стачечный комитет должен быть в сношениях с заводскими комитетами и без стачечного комитета нигде не должно объявляться забастовки.

2. Центральному стачечному комитету предоставляются все права, а районный стачечный комитет должен получить все функции из Центрального стачечного комитета; самостоятельно районный стачечный комитет не имеет права действовать.

Во время стачки районный стачечный комитет должен с помощью заводских комитетов устроить внешнюю охрану фабрик и заводов, чтобы не допускать злоупотреблений со стороны фабрикантов. Районный стачечный комитет должен быть в сношениях с Центральным стачечным комитетом, для этого делегирован в Сущевско-Грузинский район тов. Лобковский.

Стачечные комитеты пользуются правом кооптации, и Бутырско-Марьино-рощинский районный стачечный комитет выбрал Леонтьева не как представителя из Центрального стачечного комитета, а потому Центральный стачечный комитет должен делегировать в Бутырско-Марьино-рощинский район еще одного члена.

На районном стачечном комитете лежит обязанность узнавать, как протекает забастовка.

В Центральном стачечном комитете создалась агитационная коллегия, которая должна присутствовать на общих собраниях в районах. Там, где требования еще не предъявлялись, делегаты должны взять в Центральном союзе требования, предъявить их и, в случае неудовлетворения, объявить забастовку. Если останется одна фабрика, которая не согласится удовлетворить требования, то ее объявят под бойкотом. Всякие переговоры с фабрикантами ведет Центральный стачечный комитет, который состоит из 15 человек.

Районный стачечный комитет должен выяснить, какие суммы денежные имеются в заводских комитетах, так как придется оказать бастующим материальную помощь.

Председатель[1]
Секретарь Хесина

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 16, л. 5.— Подлинник.

№ 3

Инструкция Центрального стачечного комитета профсоюза кожевников о порядке проведения стачки

Не позднее 16 августа 1917 г.[2]

1. Стачка должна протекать мирно, никакие эксцессы и насилия недопустимы.

2. Стачка начинается во всей отрасли кожевенного производства 16 августа, в 11 часов утра, в г. Москве и окрестностях.

[1] Подпись отсутствует.
[2] Датируется по содержанию документа.

3. Рабочие расходятся с фабрик, заводов и мастерских спокойно и без шума.

4. Рабочие по всем вопросам, касающимся забастовки, должны обращаться непосредственно к заводским комитетам, которые, в свою очередь, сносятся с районными стачечными комитетами, а последние с Центральным стачечным комитетом.

5. Все распоряжения Центрального стачечного комитета передаются через районные стачечные комитеты заводским комитетам для сообщения таковых распоряжений рабочим.

6. Через каждые два дня заводские комитеты должны созывать общие собрания рабочих данного предприятия.

7. Общие районные собрания созываются районным стачечным комитетом один раз в неделю.

8. Рабочие всех предприятий, в которых не имеется заводских комитетов, собираются по районам и избирают общие заводские комитеты по одному от 200 рабочих. Избранные таким путем комитеты созывают общие собрания через каждые два дня.

9. По объявлении забастовки фабрично-заводские комитеты устанавливают дежурство рабочих при предприятиях.

10. Устанавливаются дежурства членов районных стачечных комитетов.

11. Для предохранения товаров и материалов, подвергающихся порче, заводские комитеты могут допустить определенное количество рабочих для производства необходимых работ. Посторонние служащие к таковым не допускаются.

12. О каждом отдельном таком случае заводские комитеты должны сообщить районным стачечным комитетам, которые доводят об этом до сведения Центрального стачечного комитета.

13. В предприятиях, в которых требования рабочих были удовлетворены, работы не прекращаются.

14. Работы в предприятиях, в коих будут удовлетворены требования уже после объявления стачки, возобновляются немедленно по заключении договора с профессиональным союзом.

15. Во время стачки заводские комитеты заполняют на общих собраниях статистические анкетные листы, выработанные Центральным стачечным комитетом, по обсуждении на этих собраниях вопросов, в анкетах поставленных.

16. Центральный стачечный комитет публикует в рабочей печати все свои постановления к сведению рабочих.

Центральный стачечный комитет

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 33, лл. 9—10.— Копия.

№ 4

Протокол заседания стачечного комитета профсоюза кожевников Сущевско-Грузинского и Пресненского районов

17 августа 1917 г.

Присутствуют: Абоянц, Яковлев, Макаров, Щербаков, Павлова, Захарова, Хесина, Лобковский.

Председатель — Абоянц
Секретарь — Хесина

Порядок дня:

1. Доклад из Центрального стачечного комитета.
2. Заявления.

3. Об устройстве собраний на фабриках.
4. Текущие вопросы.

16 августа члены Центрального стачечного комитета разъезжали по фабрикам и заводам, снимали [с работы] рабочих. Там, где они не успевали этого сделать, заводские комитеты снимали, руководствуясь инструкциями Центрального стачечного комитета. Инструкции напечатаны во всех рабочих газетах. Решено выработать воззвание к рабочим и отдельное воззвание к рабочим Петрограда для оказания бастующим как материальной, так и моральной поддержки.

Решено также дать заявление в рабочие газеты, что рабочие не ответственны за забастовку, так как были приняты все меры к соглашению с фабрикантами. Там, где рабочие бросили [работать] посреди работы, не убрав на место таких товаров, которые могут испортиться, решено послать несколько рабочих для приведения в порядок таких товаров.

От некоторых фабрикантов уже поступали заявления о соглашении войти в переговоры. Материальную поддержку рабочим решено оказать по истечении недели после объявления забастовки. Фабрике же Кревицкого решено тотчас оказать помощь, так как она уже 2 недели бастует.

Рабочие, которым удовлетворили требования, должны отчислить 25% своего заработка в пользу бастующих товарищей.

На фабриках Циммермана, Волк, Демент и Щетинина служащие и мастера отказываются бастовать; решено, что они должны продолжать работать до после выдачи получки рабочим, а потом объявить забастовку, в случае отказа их от забастовки, объявить их в газетах штрейкбрехерами.

Тов. Князев заявил, что на фабрике Циммермана ведется неаккуратное дежурство и со стороны фабриканта допускаются злоупотребления. Решено это заявление внести на заседание Центрального стачечного комитета. Общие собрания обязательно должны созываться 1 раз в неделю и, кроме этого, частые собрания на заводах и фабриках.

18 августа в 10 часов утра общее собрание рабочих фабрик Кревицкого и Щербакова.

В состав стачечного комитета Сущевско-Грузинского и Пресненского районов кооптирован Князев.

Председатель [1]
Секретарь Хесина

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 16, л. 6 и об.— Подлинник.

№ 5

Протокол общего собрания членов профсоюза кожевников Сущевско-Грузинского и Пресненского районов

18 августа 1917 г.

Присутствует 150 человек.

Председателем выбран А. Князев
Секретарь — Хесина

Порядок дня:

1. Доклад Центрального стачечного комитета.
2. Заявления.

Тов. Брыков доложил о начале и течении забастовки. Целых три месяца прошло со дня предъявления фабрикантам коллективного требования,

[1] Подпись отсутствует.

а они все время откладывали удовлетворить их, оттягивая таким образом забастовку и набавляя на товары громадные проценты. Со стороны рабочих были приняты все меры к предотвращению забастовки, но фабриканты принудили рабочих своим бездействием пойти на последний шаг — объявить всеобщую забастовку и добиться удовлетворения всех коллективных требований. Эта забастовка должна решить судьбу всего российского пролетариата, и пусть рабочие служат примером организованности и солидарности.

Теперь в Москве бастуют более 100 000 рабочих, которые мало теряют от забастовки, имея возможность при работе только прокормиться на ежедневно заработанные деньги, в то время как фабриканты теряют миллионы.

От имени Центрального стачечного комитета тов. Брыков призывал к организованности и сплоченности и всеми силами добиться удовлетворения предъявленного.

Дальше прочли коллективные требования и пояснили все пункты; также прочли инструкцию, выработанную Центральным стачечным комитетом; после этого поступило заявление от заводского комитета фабрики Щербакова такого содержания: 18 августа принято на фабрику от интенданства 125 кусков подмоченного подкладочного товара и администрация просит его высушить и отправить обратно.

Предложение Абоянца: ввиду поступления товара на два дня [позднее] после объявления забастовки, никаких мер к предохранению от порчи не принимать.

Решено отдать заявление на рассмотрение Центрального стачечного комитета. Все поступающие заявления внести в районный стачечный комитет, а последний передаст Центральному стачечному комитету, который вынесет должную резолюцию.

Председатель [1]
Секретарь Хесина

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 16, л. 8 и об.— Подлинник.

№ 6

Протокол совещания районного стачечного комитета Сущевско-Грузинского и Пресненского районов

19 августа 1917 г.

Порядок дня:

1. Объявление фабрикантов и заводчиков.
2. Доклады с мест.
3. Доклад Центрального стачечного комитета.
4. Собрания на заводах и фабриках.
5. Текущие дела.

Председатель Абоянц
Секретарь Хесина

Фабриканты выработали с своей стороны объявление к рабочим [2], которое представили на собрании рабочих фабрики Циммермана, но рабочие вынесли протест против этого объявления и решили отстоять все требования до конца. На фабриках Щербакова и Циммермана были устроены собрания, где выяснилось, что забастовка протекает благополучно. Заявление с фабрики Антонова-Богданова, что рабочие хотят сдельной работы

[1] Подпись отсутствует.
[2] Объявление не обнаружено.

с повышенной платой, для чего и выставили расценки труда. Решено отдать это заявление на разрешение Центрального стачечного комитета и 21-го устроить собрание на фабрике.

От [фабрики] Кревицкого поступило заявление о выдаче пособия нуждающимся рабочим. По постановлению Центрального стачечного комитета пособия решено выдать по истечении недели после объявления забастовки, по ввиду того, что фабрика Кревицкого бастует две недели, им выдали 200 руб. для выдачи рабочим по усмотрению заводского комитета и в случае недостатка выдадут еще. Центральный стачечный комитет разрешает все вопросы и заявления, которые поступают от районных стачечных комитетов.

Устраивает собрания на заводах и фабриках. В понедельник 21-го решено устроить собрание на фабрике Щербакова совместно с Кревицким в 10 час. утра. В заводском комитете на фабрике Щербакова имеется 400 руб., о других пока неизвестно.

Председатель [1]
Секретарь Хесина

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 16, лл. 8 об.— 9.— Подлинник.

№ 7

Телеграмма объединенных секций кожевенной промышленности товарищу министра труда с предложением передать решение конфликта с рабочими в третейский суд

Не ранее 23 августа 1917 г. [2]

Объединенные секции кожевенной промышленности в полном согласии с Министерством труда настаивали и настаивают на немедленной ликвидации забастовки. В то же время секции не считают возможным принять положение об увольнении рабочих в редакции, предложенной Министерством труда и находящейся в прямом противоречии с законами о промышленном труде и вторым пунктом последнего разъяснения Министерства труда. Точка зрения секции изложена в докладной записке, поданной министру труда нашей делегацией 23 августа. Единственно возможным способом разрешения конфликта секции считают передачу всех без исключения спорных вопросов, неразрешенных в примирительной камере, на рассмотрение третейского суда, организованного на паритетных началах с супер-арбитром по выбору сторон. Выделение отдельных требований и решение их вне третейского суда недопустимо.

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 33, л. 33.— Копия.

№ 8

Протокол общего собрания членов профсоюза кожевников Сущевского, Грузинского и Пресненского районов

26 августа 1917 г.

В председатели выбран Абоянц, секретарем Хесина
Присутствует 300 человек.

Порядок дня:

1. Доклад Центрального стачечного комитета.
2. Текущий момент.
3. Цели и задачи профессионального союза.

[1] Подпись отсутствует.
[2] Датируется по содержанию документа.

4. Доклады с мест.

Тов. Лобковский сделал краткий доклад из Центрального стачечного комитета, где указал, что забастовка везде протекает очень организованно и рабочие после попыток фабрикантов и заводчиков оклеветать профессиональный союз еще сильнее сплачиваются и говорят, что проведут забастовку до победного конца. На прошлой неделе был здесь министр труда, который сделал предложение обеим сторонам. Делегатское собрание решило принять предложение министра, хотя пришлось несколько отступить от конкретных требований и ликвидировать забастовку, но фабриканты категорически отказались идти на предложенные министром условия и приходится забастовку продолжать. Некоторые фабриканты разрывают сношения с другими фабрикантами, удовлетворяют требования, и рабочие приступают к работе. Рабочие, которые продолжают бастовать, могут до 29 сего месяца уехать в деревню, только не могут уезжать те, кто состоит членом стачечного комитета и заводского комитета.

Если требования до 27 сего месяца не будут удовлетворены, петроградские рабочие этого же союза присоединятся к нашей забастовке. Министр труда Скобелев указал, что, если фабриканты отказываются удовлетворить требования, то фабрики переходят под ведение государства. Но с тех пор прошло более недели и никаких шагов к ликвидации забастовки со стороны министра не было принято. И единственное, что может ликвидировать забастовку, это организованность рабочих.

2. О текущем моменте Лобковский также сделал доклад. Пока рабочий класс не имеет в своих руках власть, до тех пор придется ему испытать всякие бедствия. До революции, когда у власти стояла во главе с Николаем кучка помещиков, которая защищала свои интересы и привела страну к такой ужасной разрухе, тогда ходила пословица «чем хуже — тем лучше», и действительно, под напором разрухи возникла революция, главными деятелями которой являются рабочие и солдаты. И тогда рабочий класс начал организовываться в союзы, в партии и образовал одно спаянное целое для борьбы за свои интересы.

Трудящиеся отказались на фронте от наступления, так как они знают, что война ведется только ради интересов капиталистов, с которыми рабочий ведет беспрестанную борьбу. Во время революции борьба еще более обостряется, а это невыгодно капиталистам, так как от этого уменьшается их прибыль, и они начинают также организовываться. В начале революции власть была в руках Советов, а это шло вразрез с интересами капиталистов, которые впоследствии образовали Временное правительство и урезывали в правах Советы. События 3—5 июля, травля большевиков, разгром профессиональных союзов — все было сделано контрреволюционной силой, против которой Временное правительство не принимало никаких шагов. Московское совещание было созвано контрреволюционной силой для сплочения их. Травля последнего времени против евреев также создана черносотенной агитацией, и рабочие во что бы то ни стало должны предупредить всякие антиеврейские выступления и при необходимости выйти с оружием в руках для защиты своих же братьев рабочих-евреев.

О профессиональном союзе, какие главные пункты организованные рабочие должны отстаивать:

1) минимум заработной платы, 2) 8-часовой рабочий день, 3) воспрещение детского труда, 4) защита труда женщин, 5) государственная медицинская помощь, 6) страхование от несчастных случаев, 7) страхование от старости, 8) создание бесплатных учебных заведений, 9) контроль над производством. Все должно быть создано на средства государства. Долг каждого рабочего записываться в союзы и таким образом достигнуть и провести в жизнь все вышеуказанные пункты.

Брыков с соглашения собрания докладывал о бывшем делегатском собрании, на котором решили уступить фабрикантам в двух пунктах и таким образом ликвидировать забастовку, но фабриканты отказались пойти и на условия, предложенные министром труда, и забастовка поэтому должна продолжаться, но теперь рабочие должны бороться до победного конца.

Собрание вынесло следующую резолюцию:

«Заслушав доклад о текущем моменте и о погромной агитации против евреев контрреволюционных сил, старающихся натравливать одну нацию на другую, [рабочие] заявляют, что у рабочего класса есть только один враг — контрреволюционная буржуазия.

Старый прием „разделяй и властвуй" теперь не удастся, рабочие, организованные вокруг профессионального союза, как один человек, выступят для подавления контрреволюции, в какой бы форме она ни вылилась. Активно выступят для подавления беспорядков в защиту завоевания революции».

Председатель [1]
Секретарь Хесина

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 34, лл. 1 об.— 3.— Подлинник.

№№ 9—11

Протоколы общих собраний рабочих фабрики механической обуви торгового дома «Наследники Е. Лобачева»

№ 9

28 августа 1917 г.

Протокол № 52

Порядок дня:

1. Текущий момент.
2. Доклад стачечного комитета.
3. Текущие дела.

1. Тов. Кожевников доложил, что в течение 6 месяцев со дня русской революции Советы рабочих депутатов из меньшевиков и эсеров не исполнили требований народа и не исправили ошибку по прорыву фронта на Стоходе, не исполняли требований рабочих 22 апреля, требовавших об удалении министров Милюкова, Гучкова и др., и голосовали за «Заем свободы», сделали наступление в Галиции, ввиду чего началось наступление на Юго-Западном фронте. Тов. Кожевников объяснил, что Советы рабочих и солдатских депутатов во время Московского совещания послали своих делегатов в меньшинстве, которые не могли ничего сказать, так как контрреволюционное совещание было вдвое больше, и они, выходя, не сказали рабочему пролетариату, который мог бы арестовать это совещание, но теперь фактически видно, что после этого совещания уже Рига отдана; как известно, и генерал Корнилов идет с 70-тысячной армией на разгромление Петрограда, чего Советы рабочих и солдатских депутатов не должны допустить, но только тогда, когда уйдут из Советов меньшевики и эсеры.

---

[1] Подпись отсутствует.

Тов. Юзеев объяснил то же самое и призывает быть готовым на всякий случай, чтобы выступить организованно.

2. Тов. Кожевников объяснил по поводу нашей общей стачки, что стачка наша протекает мирным путем, что председатель Центрального стачечного комитета вызван в Петроград на разрешение конфликтов и все будет известно в среду, на делегатском собрании.

Тов. Кожевников объяснил, что по поводу продовольственного кризиса вопрос только тогда может разрешиться, когда вся власть будет передана в руки всего революционного пролетариата.

3. Тов. Юзеев заявил, что [в] материальной помощи кто нуждается, должен заявить комитету.

Тов. Кожевников заявил, что материальная помощь будет выдана: одиноким 1 руб. 10 коп. и семейным 2 руб. 20 коп.

Тов. Старостин заявил, что записываться на материальную помощь только сознательно, и предлагает, чтобы выдачу денег доверить председателю, казначею и секретарю фабричного комитета.

Тов. Юзеев предлагает, чтобы доверить стачечному комитету и фабричный комитет выберет из среды себя временно ответственных лиц.

Тов. Старостин от продовольственной комиссии заявил, что как в других фабриках образовались продовольственные лавки, что использовала продовольственная комиссия о разработке лавки, получили сведения, что внести, переписать каждого рабочего и внести пай по 50 коп. и заставить предпринимателя внести за каждого рабочего по 10 руб.

Собрание закрыто.

Председатель Белов
Секретарь [1]

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 5, л. 29 и об.— Подлинник.

№ 10

30 августа 1917 г.

Протокол № 53

Порядок дня:

1. Текущий момент.
2. Текущие дела.

1. Тов. Юзеев доложил, что когда возник конфликт между генералом Корниловым и Временным правительством, то Московским военным округом совместно с Советами рабочих и солдатских депутатов решено г. Москву и Московскую губ. поставить на военном положении. Генерал Корнилов, ввиду неудовлетворения требований правительством, двинул 0-тысячное войско на разгромление Петрограда для подавления революции. Юзеев заявил, что ввиду надвигающейся контрреволюции все партии социалистические объединились для борьбы с контрреволюцией. Советы призывают быть спокойными и не делать выступлений.

Тов. Старостин объяснил, что партия большевиков заранее предчувствовала, что в войсках на фронте давно готовилась контрреволюция, и она настаивает, чтобы немедленно арестовать всех контрреволюционеров, и с 12 августа по сие время часть Московского совещания заседает; от партийной ячейки доложил, что желающие рабочие могут записываться в народную милицию (Красную гвардию), причем заводские и фабричные комитеты должны потребовать от профессионального союза немедленного вооружения рабочих, и предлагает резолюцию, чтобы Советы рабочих и

[1] Подпись неразборчива.

солдатских депутатов немедленно арестовали контрреволюционеров в лиц Родзянко.

Тов. Кожевников объяснил, что в Совете рабочих депутатов во фракци совместно с большевиками решалось, как бороться с контрреволюционным войсками генерала Корнилова; решили избрать шестерку, которая должн принять всю власть и бороться с контрреволюцией, и избрана девятка, каковую входят из Совета рабочих — 2, солдатских депутатов — 2, крест янских депутатов — 1, городской голова, главнокомандующий Москвою комиссар. Предложенная тов. Старостиным резолюция: «Мы, рабочие се фабрики требуем немедленно собрать конференцию заводских комитето Мы требуем ареста всех контрреволюционеров, которые заседают в лиц Родзянко и др.

Мы требуем от Совета рабочих депутатов немедленного вооружени всех рабочих. Мы требуем реорганизации Всероссийского центрально комитета и скорейшего второго созыва [съезда] Советов рабочих, солдат ских и крестьянских депутатов», принята единогласно.

2. Тов. Старостин доложил, что по поводу нашей общей стачки ничег явного нет, но сегодня на делегатском собрании будет известно, и что дел о бывшей стачке[1] будет разбираться завтра, 31 августа, в Центрально примирительной камере.

Собрание закрыто.

Председатель[2]
Секретарь[3]

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 5, л. 30 и об.— Подлинник.

№ 11

Протокол № 54

Не ранее 30 августа — не позднее 6 сентября 1917 г.[4]

Собрание открывает председатель Юзеев.

Порядок дня:

1. Доклад с делегатского собрания.
2. Текущий момент.
3. Текущие дела.

Тов. Кожевников объяснил, что представитель петроградский заявил что министр труда заставлял всех встать на работу на старых условиях. еще объясняет, что там петроградские рабочие вошли в наше положение сказали: мы можем поддержать вас в таком случае, и если будет како принцип, мы вас поддержим и материальной помощью или однодневны заработком, или присоединятся к нам стачкой.

И тов. Юзеев объясняет, что переходит забастовка очень на длинно дело, потому что самый главный комприс[5] не дать права рабочим, чтоб они не имели права нанять и увольнять рабочих, потому что не было пере говора с министром труда, потому он был занят все время делами полити ческими по корниловским делам, а был переговор с товарищем министр Гвоздевым.

---

[1] Имеется в виду происходящая стачка рабочих-кожевников.
[2] Подпись отсутствует.
[3] Подпись неразборчива.
[4] Датируется по документам того же дела, лл. 30, 33.
[5] Так в тексте.

Тов. Юзеев докладывает о текущем моменте, что которые делегаты были выбраны в Совет рабочих депутатов относительно вооружения, что нужно вооружить рабочих, когда пришли в Совет на заседание и там каждый районный делегат высказывался по поводу вооружения, но в Совете сказали, что у нас здесь, в арсенале, нет оружия, можно достать вне г. Москвы. Тов. Юзеев говорит: нужно разоружить батальон смерти, потому что они идут в контрреволюцию, а надо вооружить Красную гвардию.

Тов. Старостин объясняет, что нам, быть может, придется сменить комиссариаты, потому что они подставляют ногу нашей революции. Тов. Старостин объясняет, что нужно вооружиться потому, что везде и всюду разные старые правительства стараются задавить нашу революцию.

Тов. Кожевников объясняет, что мы воспитаны духом демократической республики и от нас отнимают ее с каждым днем и мы должны вооружиться, отстаивать свою революцию.

Тов. Кожевников предлагает выяснить резолюцию для вооружения рабочих.

В текущих делах тов. Старостин объясняет, что нужно записываться в Центральный рабочий кооператив.

Тов. Ершов объясняет: в материальной помощи выдавать деньги одинокому — 1 руб. 10 коп., семейному — 2 руб. 20 коп.

Игнатов тоже присоединяется к мнению Ершова, кто семейный здесь в Москве, им выдавать 2 руб. 20 коп., а у кого в деревне тоже родители сидят голодными.

Тов. Кожевников объясняет выработанные правила в стачечном районном комитете, так что каждый должен писаться женатый — 2 руб. 20 коп., холостой — 1 руб. 10 коп., а если двое работают (муж и жена) и есть ребенок, то 3 руб. 30 коп.

Материальную помощь решено общим собранием выдавать Мазову Сергею как семейному.

Тов. Кожевников делает предложение, что надо брать в материальной помощи в фабричный комитет на 3 или на 2 человек; или кому додать по семейному положению, только брать не ежедневно. Предложение такое, кто ездит в деревню, тому помощи не будет, а кто будет в Москве, тем давать помощь каждому. Предложение, кто семейный сильно нуждающийся и не хватит 3 руб. 30 коп., надо дать 4 руб. 40 коп. Ставится на голосование предложение Кожевникова. Против 27 голосов. Предложение Старостина. Против 15 голосов.

Вопрос о деньгах стачечного и фабричного комитета. Израсходовать их и не расходовать деньги. Решено не расходовать деньги, потому что денег мало, они потребуются комитету фабричному, и на трамвай и т. д. на потребности комитета.

Заявление по поводу оскорбления председателя данного собрания товарищ председатель просит обратно взять слова. Большинством голосов решено не вносить в протокол заявление. Кожевников взял слова обратно. Тов. Кожевников о текущих делах: кто едет в деревню, тот должен оставить каждый свой адрес.

Собрание закрывается в 12 час. 30 мин.

Тов. председателя Кирсанов
Секретарь Герасев

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 5, лл. 31—32.— Подлинник.

№ 12

Резолюция собрания рабочих фабрики механической обуви торгового дома «Наследники Е. Лобачева» с требованием принятия решительных мер для борьбы против заговора Корнилова

2 сентября 1917 г.

Общее собрание рабочих в количестве 170 человек фабрики механической обуви торгового дома Лобачева, обсудив сообщение о ходе корниловского заговора, [требует] принятия самых решительных мер против контрреволюционеров (Корнилов и К°) и немедленного разоружения их, ареста буржуазных главарей контрреволюции (Родзянко, Милюкова, Гучкова, Рябушинского) и закрытия буржуазных газет («Русское слово», «Утро России» и «Речь») и конфискации их типографий. Немедленно повсеместно [провести] вооружение рабочих и солдат, реорганизацию милиции, раскассирование ударных батальонов и батальонов смерти и замену их революционными частями, освобождение всех арестованных товарищей 3 и 5 июля, немедленную отмену для солдат смертной казни, снятие военного положения, разрешение солдатам митингов, борьба за мир, за осуществление III Интернационала,— только такими решительными действиями и только сами массы спасут революцию и доведут ее до конца. Принято единогласно.

Москва, Зацепа, 5.
2 сентября 1917 г.

Члены президиума[1]
Председатель Юзеев
Секретарь Герасев

ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 3, д. 1110, л. 38.— Подлинник.

№ 13

Заявление товарищества кожевенного и сыромятного заводов М. Жемочкина с-ми уполномоченному представителю Особого совещания по обороне государства о вмешательстве заводского комитета рабочих в распоряжения администрации

2 сентября 1917 г.

Настоящим имеем честь довести до сведения Вашего, господин генерал, что в последнее время заводской комитет рабочих нашего предприятия позволяет себе вмешиваться в распоряжения администрации, требуя при отпуске товара с завода по надлежащим разрешениям Московского районного комитета по кожевенным делам представлять им означенные разрешения, без чего товар с завода ими не выпускается.

Считая, что такого права рабочим в положении о заводских комитетах законом не предоставлено и что контроль рабочих над деятельностью администрации завода, разрушая непосредственные отношения между районным комитетом по кожевенным делам и администрацией завода, дезорганизуют установленный законом порядок, обращаемся к Вам, господин генерал, с ходатайством принять соответствующие меры к прекращению указанных незакономерных действий рабочих.

Директор завода Александр Жемочкин

ГИА МО, ф. 848, оп. 1, д. 110, л. 1 и об — Подлинник.

[1] Подписи отсутствуют.

№ 14

Заявление представителей кожевенных промышленников Московского района уполномоченному представителю Особого совещания по обороне государства с просьбой принять меры для ликвидации забастовки

4 сентября 1917 г.

Настоящим доводим до Вашего сведения, господин генерал, что объявленная 16 августа профессиональным союзом рабочих кожевенного производства забастовка продолжается до сих пор, причем главной причиной продолжения таковой является пункт об увольнении рабочих, неприемлемый для предпринимателей в редакции профессионального союза.

Представители союза требуют, чтобы увольнение рабочих происходило исключительно с согласия заводских комитетов и в случае протеста дело передается в примирительную камеру, причем рабочий до решения камеры не считается уволенным.

Исходя из того соображения, что изданный по этому вопросу закон ясно указывает права предпринимателей и рабочих, представители кожевенной промышленности не считают себя в праве изменять существующее положение и покорнейше просят Вас принять участие в разрешении затянувшегося конфликта, наносящего большой ущерб как обороне страны, так и общественным интересам.

Зотов, Жемочкин

Москва, Деловой двор, акционерное общество «Поставщик»

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 33, л. 38.— Копия

№ 15

Протокол заседания правления профсоюза кожевников Сущевско-Грузинского района совместно со стачечными и заводскими комитетами

Не позднее 6 сентября 1917 г. [1]

Председатель Абоянц
Секретарь Хесина

Порядок дня:

1. Об организации гоночников.
2. О текущем моменте.
3. Заявления.

Лобковский передал, что Центральный стачечный комитет решил, чтобы мелкие ручные мастерские и гоночники не объявляли забастовку, пока они не будут организованы. Предложение Абоянца организовать их в отдельную секцию, но товарищ отрицает такое предложение, ибо некоторые уже бастуют и не надо отрывать их [от] забастовки, но Абоянц о таких и не говорил и предложение было принято. Один гоночник разъяснил, как фабрикант их спекулирует, получая кожу по 75 руб., он неотделанную ту же кожу продает по 300 руб., и для него неинтересно, если придется закрыть мастерскую.

Но Лобковский указал, что сейчас кожа монополизируется и если рабочие знают о такой спекуляции, они должны донести об этом в комиссариат.

[1] Датируется по документам того же дела.

Там, где рабочие-гоночники бастуют, они должны продолжать бастовать, но остальным рабочим объявлять забастовку не имеет смысла, так как без организованности рабочие не выиграют забастовку. Коллективные требования войдут в закон как для фабрикантов, так и для мелких хозяев. Правление решило выделить комиссию из гоночников, которая должна объехать мастерские, организовать их и устроить общие собрания и, пока забастовка не кончится, продолжать работать и организовываться. В комиссию выбраны Петров и тов. Маня, и из завода Жемочкина два человека, и назначено собрание гоночников на понедельник, в 6 час. вечера.

О текущем моменте говорил Лобковский, указывая заговор Корнилова,— контрреволюционную силу, которая охватывает Россию и с которой мы должны бороться. И Временное правительство должно состоять тольк из социалистов.

Собрание вынесло по текущему моменту следующую резолюцию:

«Заслушав краткий доклад о текущем моменте, требуем, чтобы все замешанные в контрреволюционном заговоре должны быть преданы военно-полевому революционному суду. Корнилов, Каледин и К° должны быть преданы смертной казни. Ввиду того, что партия кадетов была примешана в заговоре, то члены партии кадетов не должны входить в состав Временного правительства. Требуем освобождения товарищей политических арестованных, томящихся по тюрьмам свободной России».

Дежурства в правлениях теперь не обязательны, так как заговор кончается и конфликт улажен.

Заявление тов. Щербакова, что контору заперли после того, как сняли служащих с работы, конторщиков попросить оставить в конторе одного конторщика и одного из заводского комитета.

Заявление о Нестеренковой, решено пригласить ее и кого-нибудь из заводского комитета и уладить конфликт. О Баранове: решено оставить у него мальчиков до тех пор, пока последние найдут работу, а после он должен закрыть мастерскую.

Председатель [1]
Секретарь Хесина

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 34, лл. 3 об.— 4 об.— Подлинник.

№ 16

Выписка из протокола заседания Центрального правления союза рабочих-металлистов об оказании помощи бастующим кожевникам

16 сентября 1917 г.

Слушали: Заявление представителя союза кожевников. Кожевники бастуют с 16 августа из-за права заводских комитетов участвовать в увольнении рабочих.

Вначале всего бастовало 110 тыс. человек, но мелкие предприниматели удовлетворили требование рабочих, откололись от общества фабрикантов и заводчиков. Таким образом, бастующих осталось 80 тыс. человек кожевников. Ввиду того, что вопрос, из-за которого бастуют московские кожевники, является принципиальным, Всероссийский союз кожевников поддерживает их как материально, так и морально. Союз постановил забастовать п[о] первой необходимости. На помощь бастующим выдается ежедневно от 1[…] до 15 тыс. руб.

---

[1] Подпись отсутствует.

Постановили: Считая вопрос, из-за которого бастуют кожевники, одним из важнейших вопросов для всего пролетариата России, Центральное правление постановило:

1. Обратиться в Центральное бюро с предложением, чтобы оно организовало самую существенную поддержку забастовке всеми профессиональными союзами Москвы.

2. Обратиться ко всем членам союза металлистов с воззванием относительно забастовки кожевников и призывом производить сборы и отчисления на поддержку бастующих.

3. Настоящую резолюцию и обращение к металлистам напечатать в журнале.

4. Послать представителя на делегатское собрание кожевников для выражения солидарности.

5. Вопрос о забастовке кожевников поставить на обсуждение ближайшего делегатского собрания.

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 104, л. 58.— Копия.

№ 17

Из протокола общего собрания членов профсоюза металлистов г. Коломны и уезда (п. 4) об отчислении 2 тыс. руб. в помощь бастующим кожевникам

19 сентября 1917 г.

4. Текущие дела.

Тов. Левшин предлагает из стачечного фонда отчислить 2 тыс. руб. и отослать на помощь бастующим московским кожевникам.

Предложение проходит открытым голосованием единогласно.

Постановлено немедленно выдать 2 тыс. руб. на поддержку бастующим товарищам кожевникам.

ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 137, л. 77 об.— Типографский текст.

№ 18

Из протокола общего собрания рабочих меднолитейного и арматурного завода Ф. Гакенталь и К° (п. 2) об отчислении однодневного заработка в помощь бастующим кожевникам

20 сентября 1917 г.

2. По второму вопросу докладчик тов. Еремин.

Он доложил о бастующих кожевниках, об их материальных нуждах. Общим собранием постановлено большинством голосов об отчислении однодневного заработка.

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 16, л. 79 об.— Подлинник.

№ 19

Из протокола делегатского собрания Лефортовского отделения союза металлистов об оказании помощи бастующим кожевникам

21 сентября 1917 г.

Перед рассмотрением вопросов порядка дня делегатом от завода Мохова и Фалькевича вне очереди внесена на обсуждение резолюция общего собрания рабочих этого завода по вопросу о поддержке бастующих второй месяц товарищей кожевников и по поводу изменения устава союза металлистов. Общее собрание предлагает оказать материальную поддержку, для чего предлагалось проводить на заводах отчисление в пользу бастующих и моральную поддержку всеобщей забастовкой. По поводу изменения устава предлагается пересмотреть этот вопрос на районных общих собраниях членов союза, так как вопрос решен был небольшой кучкой людей в 500—600 человек, из всех 65 тыс. членов союза.

Из прений по внеочередному заявлению выяснилось, что Благуше-Лефортовский[1] районный Совет рабочих депутатов по обсуждении вопроса о помощи бастующим кожевникам постановил обратиться ко всем рабочим с призывом отчислить однодневный заработок в пользу кожевников. Центральное правление союза металлистов тоже призывает к отчислениям. На заводе «Гном и Рон» общим собранием постановлено отработать праздничный день в пользу кожевников.

Постановлено: для поддержки бастующих товарищей кожевников на заводах проводить постановления об отчислении, где как можно, и выносить резолюции с требованием, чтобы Советы рабочих депутатов и Временное правительство вмешались в эту забастовку и заставили предпринимателей пойти на уступки.

Как пожелание, принято предложение тов. Коряева — для проведения на заводах отчисления приглашать представителей от союза кожевников...

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 43. л. 37 и об — Подлинник.

№ 20

Из протокола общего собрания рабочих Симоновского механического завода Общества русских трубопрокатных заводов (п. 3) об оказании денежной помощи бастующим кожевникам

21 сентября 1917 г.

3. Сборы для бастующих кожевников в размере: кузнецы, слесари, токари, шоферы,— 2 руб., молотобойцы — $1^1/_2$ руб., квалифицированные рабочие — 1 руб., мальчики — 75 коп., чернорабочие — по желанию. Предложение тов. Абрамова.

ГАОРСС МО, ф. 186. оп. 1, д. 13, л. 58 об.— Подлинник.

---

[1] В тексте ошибочно: «Лефортовско-Благушинский».

№ 21

Из протокола делегатского собрания представителей профсоюза работников по электротехнике г. Москвы (п. 3) об отчислении однодневного заработка в фонд помощи бастующим кожевникам

30 сентября 1917 г.

По 3-му вопросу доклада тов. Александрова о забастовке кожевников [постановили] призвать товарищей отчислить однодневный заработок по месту службы.

Председатель Орлов
Казначей Хорохорин

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 38, л. 71 об.— Подлинник.

№ 22

Резолюция Московской областной конференции союза рабочих металлистов о забастовке кожевников

6—9 октября 1917 г.[1]

Представители организованных металлистов шлют братский привет товарищам московским кожевникам, стойко ведущим в течение 2 месяцев борьбу с организованным капиталом.

Конференция считает нападение предпринимателей на право приема рабочих через профессиональные союзы и заводские комитеты и контроль последних при найме и увольнении контрреволюционным походом организованных капиталистов против завоеваний рабочего класса.

Конференция заявляет, что осуществление указанного права является первой мерой борьбы с производственной разрухой и необходимым шагом для осуществления контроля над производством.

Конференция призывает всех товарищей металлистов Центрального промышленного района оказать немедленно товарищам кожевникам материальную помощь.

В то же время конференция предлагает органам революционной власти взять под свой контроль путем секвестра управление кожевенными заводами.

ГАОРСС МО, ф. 186, оп. 1, д. 20, л. 13.— Копия.

№ 23

Резолюция общегородского делегатского собрания профсоюза кожевников Московского промышленного района с требованием к Совету рабочих депутатов немедленно ввести секвестр предприятий кожевенного производства

19 октября 1917 г.

Собрание постановило обратиться в профессиональный союз, чтобы он потребовал от Совета рабочих депутатов немедленного введения секвестра фабрик и заводов кожевенного, обувного и брезентового производства, владельцы которых не удовлетворили требования рабочих, причем никакие эксцессы со стороны рабочих недопустимы.

Председатель собрания Шнейерман
Секретарь собрания Лобковский

ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 3, д. 536, л. 13.— Подлинник.

---

[1] Датируется по времени работы конференции.

№ 24

Заявление правления т-ва кожевенного завода и военно-шорно-седельной фабрики и торговли кожевенными и военными товарами «Демент М. и сын» в комиссариат 1-го Серпуховского участка с просьбой принять меры против секвестра фабрики

19 октября 1917 г.

Сегодня 19 октября в 11 час. утра на территории завода товарищества явились в кабинет к директору Александру Павловичу Николаеву представители заводского и стачечного комитета рабочих — Афанасьев Кондратьев, Салатенков, Говоров, Андреев-Калмыков и др. и заявили ему что они по постановлению стачечного комитета приступают к секвестру фабрики и завода т-ва и потребовали ключи от заводских помещений и удаления директора из конторы. Директор Николаев заявил им, что ключи им не передаст и уступит только силе. Тогда рабочие заводского и стачечного комитета отправились к директору Николаеву на квартиру и самовольно забрали ключи от заводских помещений, удалив Николаева из конторы. Ввиду того, что завод и фабрика т-ва всецело работают на оборону государства и все кожевенные товары в настоящее время являются собственностью государства, правление т-ва покорнейше просит восстановить нарушенные права администрации завода, отобрать ключи от фабричных корпусов у захвативших их лиц и дать охрану, так как иначе т-во слагает с себя ответственность за целость кожевенных и прочих товаров, а также машин и прочего инвентарного имущества, находящегося на территории завода т-ва.

Правление т-ва «Демент и сын»
Члены правления (две подписи) [1]

ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 3, д. 659, л. 1.— Копия.

№ 25

Соглашение между профсоюзом кожевников Московского промышленного района и предпринимателями о ликвидации забастовки и начале работ

22 октября 1917 г.

1. Соглашение о ликвидации забастовки подписано сторонами 22 октября 1917 г., причем последним днем забастовки считается суббота 21 октября 1917 г.

2. Работы возобновляются 23 октября 1917 г. с утра или с полдня, в зависимости от технических условий на каждом отдельном предприятии оплата должна быть произведена за полный рабочий день.

3. В первые дни возобновления работ (до образования полного комплекта рабочих) рабочие исполняют все работы по указанию администрации, не считаясь со своей специальностью.

4. В окончательный расчет за прогульное время фабриканты уплачивают рабочим 50% средней арифметической нормы, принятой в примирительной камере (т. е. квалифицированным рабочим-мужчинам — 5 р. 50 коп. за каждый рабочий прогульный день без различия категорий чернорабочим-мужчинам по 3 руб., чернорабочим-женщинам по 2 руб 50 коп. и подросткам по 2 рубля). Уплата производится в следующие сро

[1] Подписи отсутствуют.

ки: не позже 26 октября с. г.— половина причитающейся суммы, не позже 16 ноября с. г.— четверть и не позже 29 ноября с. г.— остальное; в случае же повышения третейским судом принятых в примирительной камере норм (12—11—10) рабочие получают соответствующие доплаты.

5. Прогульная плата выплачивается всем рабочим, состоящим на службе в день объявления забастовки и явившимся на завод в течение 10 дней со дня подписания соглашения; рабочие, явившиеся на работы по истечении означенного срока для получения прогульной платы, обязаны представить удостоверение в том, что опоздание произошло по уважительной причине.

6. Формула по вопросу об увольнении принимается сторонами нижеследующая: право увольнения рабочих принадлежит исключительно администрации предприятий. Увольнение бывает двух родов: 1) дисциплинарное (за определенный проступок, неисполнение обязанностей и т. п.); 2) экономическое сокращение производства, штатов и т. п.

О каждом случае увольнения немедленно сообщается заводскому комитету и профессиональному союзу.

а. Дисциплинарные увольнения в каждом отдельном случае могут быть опротестованы заводским комитетом совместно с профессиональным союзом в трехдневный срок со дня получения сообщения об увольнении, в результате чего дело автоматически поступает в примирительную камеру и в дальнейшую инстанцию — в третейский суд, а по согласии сторон — прямо в третейский суд.

Примирительная камера выносит приговор по делу в течение одной недели со дня поступления дела, в недельный же срок решает вопрос и третейский суд. В случае поступления дела прямо в третейский суд последний выносит окончательный приговор по делу не позже двух недель со дня поступления дела. До выяснения окончательного приговора рабочий не считается уволенным.

б. Индивидуально-экономические увольнения могут быть опротестованы в порядке п. «а» профессиональным союзом совместно с заводским комитетом, если последние имеют основания полагать, что форма экономического увольнения используется для целей увольнения дисциплинарного или же увольнения, вызванного личными или общественно-политическими мотивами.

При массовом увольнении дело передается на решение заводского совещания, причем до окончательного решения рабочие не считаются уволенными.

7. Отдельные пункты, по коим было достигнуто соглашение в примирительной камере, немедленно вступают в силу.

8. Все запросы, по коим в примирительной камере соглашения не состоялось, передаются на рассмотрение третейского суда.

9. Не позже 23 октября с. г. стороны избирают своих представителей в третейский суд (2 от рабочих и 2 от заводчиков) и последний, в свою очередь, избирает супер-арбитра; причем третейский суд открывает свои действия не позже 2 ноября с. г.

10. Соглашение рабочих заводчиками заключено сроком на 3 месяца, т. е. до 22 января 1918 г.

ГАОРСС МО, ф. 613, оп. 1, д. 33, лл. 43—44.— Копия.

БУХЕНВАЛЬДСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

В этом номере завершается публикация наиболее важных документов о борьбе советских людей в фашистском плену в Бухенвальде, сохранившихся в фондах ЦГАОР СССР [1].

Документы разбиты на две тематические группы: первая содержит документы о положении политзаключенных в лагере, вторая — о саботаже на фашистских предприятиях.

Показания и письма участников сопротивления в Бухенвальдском лагере раскрывают конкретные формы организации саботажа на фашистских предприятиях и в некоторых случаях позволяют определить его реальные результаты. Особенно показательны факты спасения жизни советских людей в фашистском плену, неустанной пропагандистской работы подпольной организации, вдохновлявшей узников Бухенвальда на борьбу против фашизма. Документы свидетельствуют о великой международной солидарности, царившей среди политзаключенных, и выдающейся роли немецких коммунистов и антифашистов, самоотверженная подпольная деятельность которых обеспечивала успех работы всех национальных секций международного Военно-политического центра.

Н. Ф. Кюнг, Т. А. Иллерицкая, Б. Г. Литвак

ПОКАЗАНИЯ И ПИСЬМА ЗАКЛЮЧЕННЫХ БУХЕНВАЛЬДА ОБ УЖАСАХ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ И БОРЬБЕ ЗА СПАСЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

№ 1

Показания А. Карнаухова, Г. Бытко-Бобринца и Н. Тычкова [2]

Не позднее мая 1945 г.

В условиях фашистского концлагеря лечение было едва возможно, поэтому в большинстве случаев организовывались только больничные освобождения. Однако только в 1944 г. были вылечены 10 человек раненых русских военнопленных, в числе которых был один сержант орденоносец, 8 человек туберкулезно-больных, более 100 человек раненых во время бомбардировки военного завода при Бухенвальде и еще 30 человек, заболевших другими болезнями. Все эти люди были обречены на смерть.

Из рук фашистских садистов подпольная организация вырывала лучших наших товарищей, которые были приговорены к смертной казни. Эт

[1] Начало см. в № 4 за 1957 г.

[2] См. док. № 4.

делалось так. В политотделе Гестапо работал политзаключенный немец тов. Рихард [1]. Несмотря на большую сложность и трудность, он ухитрялся узнавать номера и фамилии приговоренных к смертной казни. Рихард был связан с членом русской подпольной организации, непосредственно с тов. Кюнгом Н., которому и сообщал номера смертников. Кюнг, в свою очередь, был связан с заключенными медработниками лазарета немцами Отто Киппом, Гельмутом [Тиеманом] [2] и с русским врачом Крокинским К[3]. Через этих товарищей смертников ложили на 2—3 дня в лазарет, давали им номера и фамилии умерших, потом выписывали из лазарета и отправляли на транспорт.

С 1 сентября 1944 г. по день освобождения лагеря спасено от смерти 26 человек. Среди них были т. Егоров 24 лет (Ленинградская обл., г. Старая Русса, Омычкино). Он был направлен подпольной организацией в команду Хохенлимбур со специальным заданием. Организовав группу [из] 11 человек, он выполнял задание. Были выведены из строя несколько станков и моторов на авиазаводе, взорваны 2 подъемных крана. Дошло до того, что были остановлены два цеха. Гестаповцы стали рыскать. Арестовали т. Егорова. Но от крепкой натуры Егорова ничего не добились. Гестапо решает отправить его в Бухенвальд и здесь повесить. Жизнь тов. Егорова все же нам удалось спасти. Так были спасены и товарищи Логатов Н. (БССР. Белобаевский р-н. Краснознаменный автозавод), Семенков И. В. (Ростовская обл., г. Шахты, Селянская, 18), Ковалев Г. Т. (Воронежская обл., ст. Подгорная, 46), Соланцов Т., Соловьев В., Будовский А. И., Цыганов А. Ф., Чеванский Г. Г., Опыщенко С. и др.

Подпольная организация не в состоянии была устроить всех лучших товарищей в лучшие команды, поэтому приходилось доставать больничные освобождения для нуждающихся в отдыхе товарищей. Таким образом освобождено от работы в тяжелых командах за 9 месяцев только по клинической лаборатории 846 человек. Кроме того, начальник мелких лечебных ванн [4] Зундерланд Генрих, немец-антифашист, по нашей просьбе освобождал от работы не менее 15 человек ежедневно. Начальник [5] операционного отдела № 2 Гельмут Тиеман по нашему требованию положил в больницу очень много наших больных. Всего лазарет выдал в 1944 г. 10 800 бюллетеней, а также было положено в лазарет 800 человек с целью подкрепления. Для лазарета мы ухитрялись получать хлеба и супа больше, чем положено, и за этот счет организовывали помощь слабым товарищам, находящимся в лагере. Только за небольшой отрезок времени было передано в лагерь 7200 кг хлеба и 7200 литров супу.

Когда СС готовили транспорт, мы многих товарищей признавали инвалидами, непригодными для той работы, куда их направляли, ложили их прямо в лазарет или освобождали на несколько дней. Таким образом оставляли лучших людей и готовили кадры для освобождения заключенных из лагеря. Всего за 1944 г. было отставлено от транспорта 1500 человек, в числе которых насчитывалось много русских военнопленных офицеров. Очень трудно было добывать необходимые медикаменты. Однако наши функционеры, работавшие в аптеке, доставали такой дефицитный медикамент, как, например, глюкоза, необходимая для лечения слабых больных.

Где бы ни работали наши русские товарищи, они вели активную борьбу с фашистскими разбойниками. Борьба за сохранение жизни и здоровья наших соотечественников здесь, в условиях жуткой бухенвальдской действительности, приобретала особое значение.

А. Карнаухов, Н. Тычков, Г. Бытко-Бобринец

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 65—66.— Гектограф.

№ 2

Показания Я. Киндингера, С. Мотрича, Т. Бибикова и М. Терещука

Не позднее мая 1945 г.

В первых числах апреля 1945 г., когда американская армия находилась в 45—50 километрах от Бухенвальда, фашистские заправилы концлагеря решили эвакуировать заключенных.

Для нас было ясно, что эвакуация — это смерть в пути. Интернациональный центр лагеря вынес рашение: оказать сопротивление эвакуации с целью выигрыша времени до подхода американской армии.

Эвакуация началась с еврейской части заключенных. В нашем 56 блоке было 426 евреев. Нас, русских товарищей, объединяла одна мысль: во что бы то ни стало спрятать еврейских товарищей. Когда комендант дал приказ о выводе евреев к воротам, нами этот приказ выполнен не был под предлогом, что установить национальную принадлежность нет возможности; нами были предупреждены еврейские товарищи о грозящей им опасности и указано, где и как скрыться, чтобы избежать эвакуации.

На второй день СС смогли эвакуировать из нашего блока 150 евреев. Остальные были спасены. Одновременно нами были скрыты под полом блока 4 английских офицера и 10 видных немецких политических деятелей, которых СС хотели уничтожить в последние дни перед освобождением.

Я. Киндингер, Франкфурт-на-Майне
С. Мотрич, Майкоп, ул. Ушинского, 21.
Т. Бибиков, с. Криничное, Мироп. р-н, Сумская обл.
М. Терещук, с. Губны, Острольский р-н, Каменец-Подольская обл

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 111—112.— Гектограф.

№ 3

Письмо М. М. Маркова в Советский комитет ветеранов войны

5 марта 1957 г.

Хаммельбург — лагерь русских военнопленных офицеров — построен руками русских военнопленных первой мировой войны. Высокопоставленные «теоретики» фашизма на русских офицерах хотели доказать, что путем применения голодного режима можно убить все в человеке: чувства, совесть, патриотизм, и сделать из него послушного раба.

Шесть месяцев изо дня в день 150 граммов эрзац-хлеба и 0,75 литра брюквенной баланды. Выстраивают, комиссия осматривает, и опять те же суровые твердые лица. Нет. таких людей, как генерал-лейтенант Карбышев, не сломишь голодом, а мы брали пример с него.

В начале 1942 г. мы расстаемся с ним,— нас отправили в другой лагерь военнопленных офицеров, который был расположен в старинном девичьем монастыре у города Боген-на-Дунае. Здесь было все красиво, кроме тяжелой земляной работы и плохой пищи. Но эти недостатки мы заполняли песнями. Каждый вечер после работы пели русские, украинские и революционные песни. Нашему голосу помогал отличный резонанс высоких помещений с лепными украшениями и картинами, бог знает, каких богов. И когда мы кончали петь, слышали голоса из сада, который был внутри монастыря:

—Русские, спойте еще!

Мы понимали, что это были голоса другой Германии.

Но вот снова подсылают предателя-агитатора, антисоветскую литературу и опять всматриваются в наши глаза — хотят видеть в них предателей Родины.

В ответ на это устраиваем побег двенадцати человек. Два дня не едим, собираем хлеб, соль, достаем спички. Выломав в решетке два прута, спустили их со второго этажа по самодельной веревке, и они темной весенней ночью 1943 г. ушли в леса Баварии, держа путь на Чехословакию. Повел группу лейтенант Черняк.

Я, мой друг белорусс Сергей Богдан и горячий в поступках лейтенант Мастюгин выступаем в этом лагере за защиту идей своей Родины и за единство в наших рядах.

Нас, шесть человек, арестовывают. Карцер, допрос с избиением, опять карцер... и вот мы уже в штрафном лагере Ленгенфельд у города Амберг. Он тоже основан в первую мировую войну, но теперь модернизирован фашистами — перенесен внутрь каменоломни.

Здесь, в ответ на издевательства, тяжелый непосильный труд, изнурительную каторгу и плохую пищу, летом 1943 г. мы забастовали. Просто не вышли на работу по свистку дежурного солдата. Из города была немедленно вызвана рота солдат, и вот мы стоим — 60 советских офицеров, готовых на все, только не покоряться. В трех шагах перед нами — рота солдат в полной боевой выправке.

Капитан в злобе кричит — дает команду, солдаты заряжают и берут нас на прицел. Проходит минута, а может быть и больше, мы ждем, но на работу не идем. Потом капитан, топая ногами, гримасничая, как клоун, и брызгая слюной, кричит другую команду, и начинается избиение прикладами и штыками.

В этой неравной борьбе, конечно «победили» солдаты «великой» гитлеровской Германии: пал смертью храбрых, с простреленной головой, украинец старший лейтенант Крысак и был тяжело ранен в живот наш весельчак, человек неиссякаемой бодрости, капитан Асалюк, умерший к вечеру.

Нас с помощью штыков загнали в барак, а через некоторое время снова выстроили. Капитан через переводчика-солдата, говорившего очень плохо по-русски, спрашивал нас, что мы хотим. Наш старший команды — танкист капитан Батаев крикнул из строя:

—Мы хотим, чтобы с капитаном говорил наш переводчик Марков.

Я вышел по требованию капитана и начал излагать ему наши условия. После первого требования о корректном обращении с нами в нормах международного права и запрещения избиений, он со всего размаха ударил меня по лицу и выругался. Я устоял и продолжал излагать наши требования: улучшение питания, замена изношенной одежды, уменьшение нормы отбойки камня с 24 тонн до 18 тонн...

Мы победили: условия труда были немного облегчены: питание улучшили: брюкву стали выдавать без нормы и добавили в рацион немного картофеля; избиение было формально запрещено.

На кладбище к братской могиле погибших русских солдат первой мировой войны добавилась свежая могила наших двух товарищей.

Я уверен, что, пусть не всегда, но каждой весной обязательно заботливая рука другой Германии посадит цветы, поправит могилку и покосившуюся деревянную тумбочку. В этом я не сомневаюсь.

Слова этих воспоминаний, может быть, дойдут до родных, знакомых и товарищей, продолжат в их памяти бессмертие, которое так необходимо тем, кто умер за правое дело и безвременно.

Вскоре после забастовки я и мой друг Богдан Сергей, попав под подозрение как зачинщики всех дел, были переведены в г. Амберг.

На седьмую ночь лагерь был поднят капитаном (старым знакомым), ворвавшимся с отделением солдат. Из строя вызвали пять человек: меня, Сергея Богдана, Ивана Фирсова, Попова и москвича-интенданта (фамилии не помню). Был произведен обыск. У нас отобрали все, одели в рваное тряпье и повели за город. Оставшимся сказали, что нас увели на расстрел.

Десятидневное пребывание в холодном карцере, а затем путь в штрафной концентрационный лагерь Флосенбург. От солдат, конвоировавших нас, узнали, что везут туда, откуда не возвращаются, и что мы не увидим больше своей Родины — везут на верную смерть.

Вот опять встреча с генерал-лейтенантом Карбышевым. Мы с Сергеем Богданом некоторое время находимся в одном бараке с ним. Нет! Ничто не сломит нас, раз есть такие люди; значит, другого, лучшего пути в этой судьбе нет.

Здесь, по заключению эсесовских врачей-экспертов, человек мог прожить не более трех месяцев. В лагере этом все работы выполнялись бегом, здесь главное — не упасть и не быть захлестанным дубинками до смерти, во-время поддержать слабого товарища, подбодрить его. Здесь к издевательствам эсесовцев присоединялись издевательства лагерного начальства из заключенных — бандитов и выродков. Сколько невинных заключенных, по какой-либо причине не угодивших им, было умерщвлено способом шланга в рот под напором сильной водяной струи. Да разве перечислить все эти издевательства: чуть-чуть не так поставленный котелок при раздаче баланды — удар «разводящим» по лицу, и ты, облитый скользкой жидкостью с болью вместо пищи, бежишь в сторону; чуть не так повернулся при «лейзеаппель» (поверка на вшивость) — и 25 ударов по определенному месту; не так попросил разрешения в уборную — заставят оправиться здесь же на месте в присутствии всех; не оправишься — 25 ударов; оправишься — заставят все собрать руками и отнести; не так выстриг лысину на голове — 25 ударов; не так провел три белых полосы на спине одежды — 25 ударов; не так встал в строй — удар, не так взглянул — удар, и так без конца...

Сюда привозили целые группы приговоренных к уничтожению.

Мне, Сергею Богдану и одному чеху, который работал в цветнике (да, при лагере выращивались цветы всех сортов), случайно пришлось быть единственными свидетелями расстрела 49 русских офицеров, и последние слова, сказанные ими, слышали мы.

Это было так. Мы под надзором одного эсесовца бегом носили кокс в цветник. Сарай с коксом (там помещались и переносные виселицы) был у входа в карцер. Когда мы спустились по лестнице за очередной партией кокса к сараю, нас быстро вогнали в него и закрыли. В дощатой двери сарая были щели, и сквозь них мы увидели: из карцера начали выводить по три человека, руки назад, в кандалах, без головного убора, в деревянных тапочках. Мы знали, что так выводят только на виселицу или на расстрел. Наш шепот в сарае они услышали и, когда эсесовец ушел к двери закрывать ее, один, стоявший к нам ближе, немного повернул голову и сказал:

— Если будете на Родине, передайте, что умерли здесь... и честно... Прощайте, товарищи!

— Прощайте! — ответили мы из сарая.

Из их слов и из того, как они стояли и шли потом с высоко поднятыми головами, мы поняли тогда, что им не страшна была смерть, страшно было то, что никто не узнает, как и где они умерли, что некому будет чтить их светлую память героев.

После мне удалось установить от одного товарища, который немного

знал их судьбу, что это были русские военнопленные офицеры из города Мюнхена, работавшие на одном крупном заводе и подготовлявшие взрыв его.

Здесь также была замучена группа советских моряков. Их даже не перевезли из карцера в общие бараки. Общение с ними было исключено. Они были приговорены к одному из тяжелых способов казни — смерти путем изнурения на тяжелой работе: 12 часов в сутки бегом на земляной работе по выемке грунта из горы для нового барака. За полмесяца в живых не осталось ни одного. Ничего точного о них мы не узнали. Ходили разные противоречивые слухи: какое-то большое дело предприняли они против фашистов.

Каждый день на поверках утром и вечером на переносных виселицах, а если их было мало, то просто на столбе, вешали приговоренных к смерти по 2—3 человека сразу. В это время весь лагерь стоял вокруг четырехугольником по команде «смирно». Малейшее движение, и с вышек начинали говорить пулеметы. Вешали заключенных всех национальностей, но больше русских: за саботаж, за побег с убийством часовых, за связи с немцами... Трупы не убирали долго, мимо них мы шли на работу и приходили с работы. Испуганные стойкостью советских людей, фашисты начали частые перемещения из одного барака в другой, специальные офицерские поверки и обыски, сопровождавшиеся издевательствами. Но и это не успокоило их: мы были разбиты на группы и отправлены по другим концлагерям.

Последнее прощание с Карбышевым и другими товарищами, и нас, 50 человек, под усиленной охраной привозят в концлагерь политических заключенных — Бухенвальд.

Я расстался с моим лучшим другом Сергеем Богданом, который так много хорошего сделал для меня и других товарищей. Пытался разыскать его после освобождения,— но безуспешно. Если кто знает его дальнейшую судьбу,— пусть напишет.

Не повторяя общеизвестные определения фашизму, хочу добавить, что фашизм — это высшая стадия надругательства и глумления над всем прекрасным, что создала природа и человечество. В подтверждение этого — концентрационный лагерь Бухенвальд. Красивую местность в окрестности города Веймар, гору Эттерсберг, старинные памятники культуры самого города — все это фашизм покрыл пеплом сожженных в крематориях людей.

Первое, что нам бросилось в глаза — это надпись над входом в лагерь. Если в других лагерях была: «Свобода через работу», то здесь — «Каждому свое». В обоих — самое циничное издевательство. Там уходили из основного лагеря на работу и возвращались в него без музыки, здесь — под музыку огромного духового оркестра. Еще пример утонченного садизма над чувствами заключенных.

Второе, что нас поразило в этом лагере смерти,— его размеры: не лагерь, а целый город. Здесь все огромно: и двухэтажные бараки, и центральная площадь, и площадь, занимаемая лагерем; высота и ширина ограждения из колючей проволоки: вместимость карцера и количество крематорных печей; военные заводы вокруг лагеря; казармы для эсесовских дивизий; «Малый лагерь» для подготовленных к смерти людей.

В центре лагеря как символ фашизма — институт гигиены, где на живых заключенных эсесовцы-врачи проводили свои опыты [6)], мастерские для выделки человеческой кожи... Да разве перечислишь здесь все изысканные методы издевательства и злодеяний супруги начальника лагеря Ильзы Кох, ее сподручных и последователей. Еще мало об этом написано, а надо сделать так, чтобы весь мир знал об этом хищном зверье.

Но в нем мы увидели и другую сторону жизни — интернациональную спаянность заключенных, объединенную подпольной антифашистской организацией.

Руку помощи этой подпольной организации мы почувствовали сразу, как только вступили в лагерь. Для избежания лишних подозрений и издевательств нам помогли избавиться от буквы «О» на груди («офицер»), помогли в питании, и мы, немного встав на ноги, все включились в ее работу.

Вскоре после приезда в этот лагерь я тяжело заболел, была необходима медицинская помощь. Только благодаря этой организации я был устроен в санчасть. Лечил меня чехословацкий врач — антифашист Горн. Я никогда не забуду имена этих друзей: коммуниста чеха Антонина, который работал в приемной санчасти, коммунистов немцев Эрнста Буссе [7)], Генриха Зундерланда, Луи и русского товарища сибиряка из города Новосибирска Карнаухова Александра Леонтьевича, который возглавлял русскую секцию подпольной организации в санчасти лагеря.

После выздоровления организация поручила мне работать в санчасти разнорабочим: мыл полы, ухаживал за больными, ходил за бельем и т. д. Для нас, не имеющих медицинского образования, помимо основных заданий в работе организации, устраивали лекции по оказанию первой помощи, обращению с ранеными, ходьбе с носилками. Как сейчас помню, когда становилось темно и эсесовцы уходили из лагеря, мы брали носилки и под руководством Карнаухова и других врачей уходили за бараки в небольшой лесок на практические занятия. Понемногу запасались медикаментами.

Кроме того, моим ежедневным заданием был перевод статей из немецких газет, особенно тех, в которых чувствовалась открытая обреченность, сводок Главного немецкого командования, в которых также стали часто упоминаться сданные города Восточной Пруссии, Польши, а затем самой Германии.

Каждый вечер из Большого лагеря приходил свой человек (звали его Николаем), переписывал их, переписывал также сводку Совинформбюро, которую регулярно приносил мне Карнаухов, обменивались последними новостями лагерной жизни.

11 апреля 1945 г. утром комитетом было отдано распоряжение идти на штурм колючей проволоки в определенных направлениях. Нашей группе выпало направление на собачьи бараки. Это недалеко от санчасти, рядом со сторожевой будкой. Часовой, увидя такую огромную массу людей, бегущих с топорами, ломами, свертками одежды и стреляющих на ходу, даже не попытался стрелять. Видно было, как он, бросив панцерфауст и пулемет, спустился с вышки и скрылся в лесу.

Более чем в десяти местах колючей стены были за какие-нибудь пять минут проделаны большие проходы, и вот мы на свободе.

Сразу же были захвачены склады с оружием и боеприпасами. В этом недостатка не было. Вылавливали тех, кто недавно охранял нас, и сажали в карцер, где у входа их же лозунг из железных букв гласил: «Каждому свое»

Из города Веймар начальник гестапо запрашивал по телефону; «Как идет уничтожение заключенных? Немец-коммунист, дежуривший у аппарата, отвечал: «Все идет своим порядком, можете приехать посмотреть».

В настоящее время да и все время после приезда на Родину работаю на одной из крупнейших шахт Кузбасса 9—15 начальником отдела организации труда.

Модест Марков

Из личного архива Н. Ф. Кюнга.— Автограф.

№ 4

Письмо Н. П. Тычкова в Советский комитет ветеранов войны

18 апреля 1957 г.

В Бухенвальд я был заключен 9 ноября 1942 г., где мне был присвоен № 3450.

Осень и зиму 1942—1943 гг. я работал в каменоломне одной из тяжелых команд лагеря.

В конце изнурительного рабочего дня мы, обессиленные, избитые и голодные, входили в ворота лагеря под музыку. Мало было фашистам издевательств во время рабочего дня, они устраивали позорную процедуру шествия под музыку. Мы шли в ворота сквозь строй зеленых шинелей с палками. Хищные глаза эсесовцев высматривали себе жертву. И палка беспощадно опускалась на голову или плечи того, кто «плохо» держал равнение или шагал недостаточно «бодро». Наш строй неизменно замыкался ослабевшими товарищами, шедшими с помощью других, и носилками с мертвыми. Немало погибало ежедневно в Бухенвальде людей от тяжкого труда и зверских избиений. Неслучайно среди заключенных ходила фраза: «Вход в лагерь через ворота, а выход — через трубу». Лагерный крематорий не знал простоя, облако дыма ежедневно клубилось над его трубой, рассеивая в воздухе прах погибших узников Бухенвальда. Фашистская машина уничтожения людей работала в полную нагрузку. Мои силы слабели с каждым днем. Приближался и мой день путешествия через эту трубу. Но я пока что был жив. Живы были во мне и надежды на освобождение, которого мы с нетерпением ждали с востока. Мы, узники Бухенвальда, сердцем слышали сокрушительные залпы нашей армии, несущей смерть фашистским стервятникам. Даже здесь, за колючей проволокой концлагеря, хотелось быть полезным нашей армии и народу. Всякая сколько-нибудь полезная помощь нашей армии ускоряла гибель фашизма. Камень, который добывался в каменоломне, фашисты могли использовать и в военных целях. Сознавая это, я начинаю симулировать на боли в животе и иду в больницу. В больнице меня принимал чешский врач и, как я узнал впоследствии, хороший товарищ — Матушек[8]. Меня оставили в больнице с целью оперирования аппендицита. На операции, которую мне делал чешский хирург доктор Горн, было выяснено, что у меня никакого аппендицита не было. Но моя цель была достигнута, я не работал, пусть временно, но не работал. Находясь на положении больного, я вскоре познакомился с немецким коммунистом, замечательным товарищем Гельмутом Тиеманом, который впоследствии нашей подпольной организации оказал большую помощь. Гельмут Тиеман хорошо владел русским языком, и это нам позволило быстро сойтись и узнать друг друга. Вскоре я просил Г. Тиемана познакомить меня с хорошим русским товарищем из его знакомых. Так я вскоре познакомился с Николаем Симаковым, который находился в той же больнице в туберкулезном отделении. Весной 1943 г. я высказал Симакову мысль о необходимости создания в Бухенвальде подпольной антифашистской организации с целью ведения активной борьбы против фашизма. Н. Симаков мне сообщил, что отдельные подпольные группы есть (этими группами руководили, как я потом узнал, Василий Жук и Василий Азаров), но эти группы малочисленны и разобщены между собой. Для того, чтобы наша подпольная организация была сильной и боеспособной, нам нужно объединить мелкие группы под единым руководством центра и вообще подпольную работу поставить более серьезно. Николай Симаков поставил передо мной следующую задачу:

1. Переговорить с Василием Жуком и Василием Азаровым по вопросу централизованного руководства подпольной деятельностью в Бухенвальде для русских заключенных.

2. Подобрать других надежных и способных товарищей, которые могли бы развернуть работу по сколачиванию подпольной организации.

Я немедленно приступил к выполнению задания. По второму пункту задания я обратился к Ивану Ашарину, которого я знал по кадровой армии. С его помощью я познакомился с Александром Купцовым — лейтенантом военно-морского флота и другими товарищами.

Вскоре я доложил т. Симакову о проделанной работе. Выслушав меня, т. Симаков предложил оповестить всех предварительно намеченных товарищей о первом объединенном заседании русского подпольного актива. В намеченный день (в марте 1943 г.) я всех оповестил о месте и времени заседания. Заседание происходило ночью, в бараке № 7. На заседании присутствовали следующие товарищи: Василий Азаров, Александр Купцов, Иван Ашарин, Николай Симаков, я, Григорий Крохмалев, Николай Толстый и еще двое от Н. Симакова [9]. На этом заседании была проделана следующая работа:

1. Был избран руководитель русской подпольной организации.
2. Был избран центр руководства.
3. Были твердо распределены обязанности каждого из членов актива.
4. Была определена стратегическая задача русской подпольной организации.

Руководителем подпольной организации был единогласно избран Николай Симаков. В первый состав центра вошли: Симаков, Купцов, Азаров, Ашарин, Н. Толстый.

Стратегическая задача подпольной организации была определена следующим образом:

1. Подготовить русских заключенных лагеря на случай антифашистских, революционных выступлений рабочего класса Германии и оказать ему помощь.
2. Быть готовыми в нужный момент на выход за проволоку самостоятельно.

В осуществлении вышеуказанного было решено:

1. Хорошо наладить политическую работу среди русских заключенных.
2. Создать в бараках русских заключенных боевые батальоны и бригады под командованием кадровых командиров.
3. Установить крепкие братские связи с заключенными других национальностей.
4. Вооружиться за счет оружия врага и тайно изготавливать свое оружие.
5. Организовать на заводе Густлоф-верке свой центр по организации массового брака продукции, выпускаемой заводом.
6. Установить глубокое наблюдение за СС в лагере и за его пределами.
7. Спасать товарищей от смерти, грозящей со стороны СС.
8. Руководящим товарищам взяться за изучение немецкого языка, так как это облегчит работу.

Как стало известно впоследствии все решения 1-го объединенного заседания были выполнены.

На этом первом объединенном заседании актива мне было поручено организовать подпольную группу среди врачей, русских санитаров и уборщиков больницы. Я завербовал в организацию трех товарищей: Леонида Суслова, Григория Ткачева, Валентина Шевцова, каждый из которых установил связь с троими и т. д. Задания я получал от т. Симакова и Николая

Толстого. Сводки Совинформбюро я получал от т. Симакова. В задачу подпольной группы больницы входило:

1. Проводить беседы с работниками больницы о положении на фронтах.
2. Разъяснять сущность лживой фашистско-геббельсовской пропаганды.
3. Спасение товарищей от смерти, грозящей со стороны СС.
4. Выписка бюллетеней для товарищей.
5. Максимум внимания больным товарищам, находящимся в больнице и на приемах.
6. Организация добавочного питания для больных и для передачи в лагерь.

Надо сказать, что наша подпольная группа успешно справлялась со своей задачей. Большую помощь нашей подпольной группе оказывали такие замечательные коммунисты, как Эрнст Буссе (бывш. депутат рейхстага) Гельмут Тиеман, Отто Кипп и др.

Эрнст Буссе регулярно один раз в неделю читал нам политинформации, которые проводились в бане больницы. На политинформации присутствовали чешские, польские, голландские, австрийские и другие товарищи.

Практическую помощь оказывали Гельмут Тиеман, Отто Кипп, Генрих Зундерланд; последний с помощью своих друзей организовал добавочное систематическое питание для русских.

Работа по выполнению 1-го и 2-го пункта задания велась систематически, и особых трудностей здесь не встречалось. Тов. Симаков регулярно передавал материал один раз в неделю, а иногда и чаще.

Припоминается мне такой случай. Я работал от больницы рассыльным. Однажды я шел за ворота лагеря за бумагой для больницы. Бумагу я носил из мастерской, которая находилась в зоне лагеря, но за проволокой. Идя за бумагой, я в назначенное время зашел к т. Симакову за сводкой Совинформбюро, и получив ее, положил в грудной карман. Проходя через ворота лагеря, я услышал окрик дежурного эсесовца, который приказал мне войти в дежурную. Войдя в дежурную, я увидел, что там находится заместитель начальника лагеря, а на полу лежала громадная натренированная овчарка. Фашисты что-то затевали. Свирепая овчарка, высунув язык, выжидающе и хищно смотрела на меня. Взгляды, посылаемые фашистами в мою сторону, были не лучше собачьих. Речь шла обо мне, и фашистам не нравилось, что русский работает рассыльным.

Я стоял не шевелясь, мое сердце усиленно билось. Против сердца лежала начисто переписанная сводка Совинформбюро, о которой фашисты ничего не подозревали. Мне приятно было сознавать, что в этом логове смерти было две жизни, которыми жили заключенные лагеря. Вторая, тайная для фашистов, сторона жизни приобрела главное значение для узников и с каждым днем овладевала все большим и большим количеством заключенных Бухенвальда. Эта вторая сторона нашей жизни с каждым днем укрепляла веру в скорую победу над фашизмом нашей славной армии и нашего народа. Эта вера подкреплялась очередной сводкой Совинформбюро, лежавшей у меня в кармане. Вереница моих мыслей вскоре была оборвана гортанным криком «раус» («вон»), и я благополучно был отпущен из дежурной, а ведь я мог оттуда и не выйти, как многие невинные люди не вышли из кабинета палача Зоммера.

Хочется особо остановиться на выполнении 3-го пункта задания. Дело в том, что, наряду с конюшней, крематорием и подвалом для расстрела, в Бухенвальде фашисты уничтожали людей уколами. Исполнителями этих преступных методов уничтожения людей были гаугтшарфюрер СС Житнявский, обершарфюрер СС Рогге, шарфюрер СС Вильгельм. Каждый вторник каждой недели они отбирали из числа больных 15—20 человек и уколами умерщвляли их. Умерщвление производили в операционном

зале № 2. Сюда же приводили и других заключенных, которые, по мнению СС, в чем-либо провинились.

Задача подпольной группы и, в частности, моя задача состояла в том, чтобы, пользуясь помощью немецких коммунистов, спасать от смертных уколов русских заключенных. Конечно, спасти всех не было никакой возможности, но многих спасти все же удалось. Спасение товарищей проводилось различными способами. Одним менялись их номера, т. е. присваивались номера умерших заключенных, которых было очень много. Других отправляли в другие лагеря, и иногда карточку обреченного тайно брали из картотеки СС больницы, а через некоторый период времени пересылали обратно в центральную картотеку лагеря. Последним способом был спасен и я от высылки меня из Бухенвальда на строительство подземного завода в лагерь «Дора», куда меня хотел отправить палач Зоммер, которому пришлась также не по вкусу моя должность рассыльного при больнице.

Особенно опасен был случай спасения от смерти Бориса Смирнова, кадрового лейтенанта армии из Ленинграда. Борис в порыве восторга среди своих товарищей барака хвалил свой город и свою Родину. Увлекшись рассказом, он забыл, что его может услышать враг-доносчик, агент СС. В тот же вечер Борис был вызван к главным воротам, а оттуда был препровожден эсесовцем в больницу и был передан в распоряжение шарфюрера СС Вильгельма. Вильгельм его направил в зал для обреченных, где я работал уборщиком тайно от СС. Этот зал находился под операционной № 2. Борис рассказал мне, как он был неосторожен и поэтому попал в этот страшный зал на восемь коек для «больных». Я немедленно сообщил обо всем случившемся Гельмуту Тиеману. Я уже сказал, что спасать Бориса было очень трудно, так как он попал под строгое и непосредственное наблюдение СС и, кроме того, был доставлен в больницу в день дачи уколов. До смертной минуты Бориса времени оставалось очень мало. Я просил Гельмута Тиемана спасти Бориса во что бы то ни стало, да и сам Гельмут переживал за Бориса. Было решено немедленно переложить учетную карточку Бориса в число карточек на людей, которые отправлялись из Бухенвальда на транспорте в другой лагерь, что и было сделано. Перекладку карточки взял на себя Отто Кипп, который работал заместителем капо больницы. Другого выхода спасения Бориса не было, так как в Бухенвальде ему оставаться было нельзя. Предатель мог его вновь увидеть. Нам посчастливилось, Борис был благополучно спасен.

Я уже сказал, что в зале обреченных на смерть я работал уборщиком тайно от СС. Но однажды меня не сумели предупредить, и в зал неожиданно вошел шарфюрер СС Вильгельм. Он, обратившись к санитару зала Людвигу Гольдбергу, спросил что я здесь делаю. Людвиг отвечал, что я — просто его знакомый и нахожусь на излечении в больнице в одном из залов. Но через несколько дней мне вновь не повезло, и в зал неожиданно вошел самый страшный палач больницы Житлявский. Не в интересах СС было иметь лишних свидетелей их черных дел по убийству людей в больнице, а я невольно становился именно таковым свидетелем. Я немедленно о случившемся посещении эсесовца сообщил Гельмуту Тиеману. Было ясно, что мне грозит смерть. Мне больше ни одного дня нельзя оставаться в этом зале. На второй же день немецкие товарищи перевели меня работать уборщиком в баню.

Следует отметить, что подпольный центр, помимо основных заданий, иногда давал мелкие, так сказать, вспомогательные задания. Например, мне было поручено достать не менее трех литров спирта для производства зажигательных бутылок. Спирт был в складе больницы, но в строго ограниченном количестве и выдавался в операционные под контролем СС. Было не мало положено усилий, чтобы нам совместно с Хербертом Стро-

белем получить этот спирт со склада больницы. Все же спирт был получен за счет строгой экономии обеих операционных. На второй же день глубокой ночью мною спирт был доставлен в распоряжение центра, а затем т. Сахаров [10)] изготовил бутылки с горючей смесью, которые пошли в ход в день восстания.

Выписка бюллетеней производилась нами в основном централизованным порядком. Обычно нуждающийся в отдыхе товарищ получал письменное или устное направление ко мне. Если товарищ приходил с устным направлением, то, прежде чем выписать ему освобождение от работы (шонунг), приходилось задать пришедшему несколько вопросов разведывательного характера, чтобы не попасть на провокатора. Шонунги выписывали не только остро нуждающимся в отдыхе, а и другим товарищам. Мы ежедневно выписывали 10—15 бюллетеней сроком от 3 до 5 дней.

Таким образом мы снимали людей с работы, ослабляя команды и, кроме того, давая людям несколько восстановить силы. По части организации дополнительного питания приходилось очень трудно. Чтобы иметь запас хлеба, сведения об умерших подавались на день позднее, что было очень рискованно, и в случае разоблачения санитарам залов больницы грозила бы смерть. Таким образом приобретенный хлеб и суп раздавался больным, а также переправлялся в бараки участникам подпольной группы больницы. Наша подпольная группа работала строго конспиративно, но в тесном содружестве с товарищами других национальностей. Благородным чувством солидарности и интернационализма были проникнуты наши подпольные митинги в дни 1 Мая, Октябрьской революции, Нового года, которые мы проводили в операционном зале № 2. На этих митингах, как правило, присутствовало не более четырех членов от каждой национальности. На этих митингах произносились краткие речи, а затем пели революционные песни. В большом почете были русские революционные песни, а под конец пели «Интернационал». Все мы пели в полголоса, но горячо и с душой. На второй день, т. е. в день праздника, подпольщики проводили беседы с больными и работниками больницы о празднике. Беседы проводились малыми группами или с каждым в отдельности надежным человеком.

В день 1 Мая и Октябрьской революции заключенные приветствовали друг друга возгласом «Рот фронт!». За такое приветствие фашисты повесили бы не на виселице, а на железном крюке за подбородок.

Зимой, в январе 1944 г., я получил от центра новое задание — организовать санитарную группу, способную обеспечить санпомощь на случай восстания. Мои же прежние обязанности перешли к Александру Карнаухову. Вновь началась тайная работа по розыску и вербовке медработников. Леонид Суслов, Валентин Шевцов, Григорий Ткачев после вечерней поверки шли в бараки лагеря и вербовали людей в подпольную санитарную группу. Не сведущих в медицине товарищей обучали в разрезе норм ГСО, для чего была разработана и размножена инструкция. Обучение санитаров проводилось частично в больнице, а частично в бараках.

Одновременно занимаемая комплектованием необходимого медицинского инструмента, медикаментов, перевязочного материала, сумок. Носилок в больнице было много, и о них нечего было беспокоиться. Инструмент был подобран в операционной № 2 и хранился в резервном шкафу тайно от СС. Перевязочный материал накапливали постепенно и хранили в матрацах, койках, тумбочках и других укромных местах. В приобретении перевязочного материала и медикаментов нам оказал помощь немецкий антифашист Херберт Стробель, который выписывал то и другое в бо́льшем количестве, чем потреблялось в операционной № 2. К весне 1944 г. сангруппа была организована в количестве около 100 человек. Санитарной группе Бухен-

вальда пришлось неожиданно проверить свою готовность 24 августа 1944 г. в день налета союзной авиации на близлежащий завод Густлоф-верке.

Русские врачи и санитары самоотверженно трудились весь день и ночь после налета, оперируя и перевязывая раненых товарищей всех национальностей. Некоторые наши запасы перевязочного материала и медикаментов были израсходованы, затем пришлось их пополнять.

В день восстания узников Бухенвальда 11 апреля 1945 г. наша санитарная группа вместе со всеми русскими товарищами пошла на штурм проволоки и вышек СС и выполнила свою задачу до конца. После освобождения лагеря русские врачи и санитары оставались до момента эвакуации на местах, оказывая помощь больным. В день эвакуации наша группа в организованном порядке выехала на родину.

В то время, когда я пишу эти строки воспоминаний, передо мной все ярче встают все ужасы и кошмары Бухенвальда. Один лишь день жизни в Бухенвальде это целая книга ужасов и зверств фашистских палачей. Мы, бывшие узники фашизма, были убеждены в том, что под этими зелеными шинелями не люди, а звери. У них нет ни сердца, ни совести. Нет ужаснее слов СС и гестапо. Эти два слова — это война, смерть и муки для людей. Я не представляю себе фашиста иначе, как кровавым и разъяренным псом, захлебывающимся кровью и стоящим грязными сапогами на священных трупах своих мучеников. Это фашисты задушили вождя немецкого народа Эрнста Тельмана. Это они — убийцы Юлиуса Фучика, это они лишь в одном Бухенвальде задушили и убили 51 000 человек. Нет и никогда, ни в одной стране нашей планеты нельзя допускать возникновения фашизма.

В настоящее время мы являемся свидетелями возрождения фашизма в Западной Германии. Народы всего мира с тревогой смотрят на злобствующих потомков Гитлера и они не допустят, не должны допустить новых ужасов войны.

Долой Хойзингеров и Шпейделей!

Да здравствует мир во всем мире!

Примечание. Считаю необходимым добавить, что с весны 1944 г. уничтожение людей в массовом порядке фашисты производили в так называемом Малом лагере, в бараке (блоке) № 53. Уничтожение велось также с помощью уколов. Иногда уничтожали в день по нескольку десятков человек, и тогда все санитары и уборщики больницы по приказу выходили на перенос трупов из мертвецкой барака № 53 во двор крематория.

Уборка трупов производилась только ночью. Уничтожение заключенных в бараке № 53 производили те же палачи СС, а именно: шарфюрер СС Вильгельм, обершарфюрер СС Рогге, гауптшарфюрер СС Житлявский. Из этих троих особенно отличался садист Житлявский.

Наша подпольная организация работала и в этом бараке, спасая своих товарищей по заключению. Несмотря на существование барака № 53, где проводилось систематическое уничтожение людей, самым страшным бараком все же оставался барак № 46, где находилась экспериментальная СС. В этом бараке фашисты производили в больших масштабах эксперименты по заражению людей различными болезнями, а затем испытывали тот или иной метод лечения. Не раз за день посещали этот барак лейхентреге, т. е. носильщики трупов; смертность здесь была очень большой.

18 апреля 1957 г.

Тычков Николай Петрович, инженер-механик
г. Иваново, Демидова 13/9.

Из личного архива Н. Ф. Кюнга.— Автограф.

№ 5

Письмо В. В. Холопцева в Советский комитет ветеранов войны

4 мая 1957 г.

Нельзя сказать, что я отношусь к категории неудачников, просто нас плохо информировали о жизни и быте за границей, только из-за этого у меня был неудачный побег в Польше и первый побег в Германии. К третьему побегу я уже был более подготовлен, и хотя бежать пришлось неожиданно,— все же двадцать семь дней я был в пути к своей Родине.

Пройдена была Тюрингия, пройдены были города Гале и Лейпциг и только в районе польской границы случайно вошли в зону секретного аэродрома. Началась погоня, облавы... После шестидневного преследования немцы загнали меня и еще двух русских товарищей в район, где не было ни леса, ни кустарника. Побег снова оказался неудачным.

Отсидев 31 день в одиночной камере в городе Дюбельне и испытав повышенный интерес к личности русского, выражавшийся в ежедневном избиении, я вместе с товарищами был перевезен в лейпцигскую тюрьму, где накапливали заключенных для неизвестных нам целей. Через 3 недели нас под усиленной охраной отправили на вокзал. Несколько часов продолжалась поездка, и вот на одной из остановок нам было приказано выходить. Одному из товарищей, знавшему немецкий язык, удалось прочесть: «Бангофвеймар». Дальше ехали грузовыми машинами все на гору и на гору. Все волновались, ибо на станции и без того сильная охрана удвоилась. Машины были крытые, и только в узкий дверной просвет мелькали деревья. Но... вот и остановка.

Резкая команда выходить. Выстроили нас лицом вплотную к какому-то бараку. Охрана стояла сзади. Вдруг я услышал раскатистый смех и увидел, как два эсесовских солдата, идя мимо нашего строя, как будто толкали в голову заключенного, после чего лицо его оказалось разбитым. Эта участь постигла и меня.

Здесь же я впервые увидел, как огромную немецкую телегу, полную щебня, тянули впряженные в лямку изнеможенные люди в полосатых одеждах.

Пройдя ряд процедур и отсидев на двадцать пятом блоке карантийные две недели, я был зачислен в команду «X». Это был в полном смысле каторжный труд, но многие польские и чешские товарищи говорили, что нам повезло, что команды «Штайнбрух» (каменоломня) и «Гартнерай» (садоводство) являются сплошным ужасом, что ежедневно гибнут там десятки заключенных и что нам не избежать бы этих команд, но нужно строить срочно военный завод.

Ежедневно, возвращаясь в лагерь, мы несли двух-трех человек убитых: стреляла охрана лагеря, стреляли командофюреры.

Немногие сейчас вспомнят 1942 г., когда, пройдя ряд испытаний, русские политзаключенные после каторжной работы возвращались на блок, но в блок их не впускали штубендинсты [1]. Надо было на холоде снимать деревянные колодки, мыть их и босыми ногами идти в блок. Как правило, многие простуживались. Войдя в блок, нужно было соблюдать строжайшую тишину, иначе шестиконечная плетка пускалась в ход.

Выдавалось пол-литра супа, часть которого воровалась этими извергами. Такие невыносимые условия специально создавались эсесовцами и их пособниками, и часто мы наблюдали, как заключенные, в особенности

[1] Старшие блока

французы, не выдерживали такого режима и сами шли на проволоку, которой проходил ток высокого напряжения.

По лагерному распорядку заключенному не разрешалось подходит ближе, чем на 10 метров, к проволочной ограде, но эсесовская охрана предвкушая забаву, нарочно не стреляла, даже в этом случае они находили возможность поиздеваться.

Заключенный, переступивший запретную зону, ожидая выстрела, делал шаг, другой, третий, а выстрела не было... и так продолжалось до самого подхода к заграждению. Охрана же, смеясь, щелкала затворами, но не стреляла. Не выдерживая, заключенный бросался на проволоку... удар тока сводил судорогами тело. Сигнализация вступала в действие, пронзительно выли сирены. На других железобетонных вышках охранники, не зная, что их друзья забавляются, разворачивали пулеметы на лагерь, готовые каждую минуту открыть огонь. Клубы густого темного дыма, днем и ночью валившего из труб крематории, сгущали и без того жуткие будни этого лагеря.

Тысячи сердец прекратили здесь свое биение. Многие тысячи семейст не узнали и не узнают, что их отцы, мужья и дети были сожжены в печах Бухенвальда. Прах этих жертв развеян ветрами, и только от немногих сожженных уцелели вырезанные части кожи с красивыми татуировками из которых по желанию жены коменданта лагеря Ильзы Кох изготавливались перчатки, детские рукавички, сумки, абажуры. Таким был 1942 г

Немецкие коммунисты планомерно просачивались на ответственные внутрилагерные посты, но все же в 1942 г. еще основательную помощь нам оказать не могли.

1943 г. был ознаменован крупным событием: немецким антифашистам удалось занять ряд ключевых должностей в лагере.

В памяти у меня остался день капитуляции армии Паулюса под Сталинградом. Зверства фашистской охраны начались днем, и многие товарищи тогда не увидели вечера, а вечером весь огромный лагерь, как всегда был выстроен на площади. Проверка прошла, и утомленные, измученные люди ждали команды «расходись». Прошел час, другой, третий, а команды не было. Но не было и стонов. Все были рады победе русского оружия и пусть ярко горело зарево над крематорием, но нас оно не страшило.

Я, как говорят, дошел до ручки. Только одна мысль сверлила мозг: «Не упасть, выстоять! Пусть я упаду возле блока, но не здесь!». И я выстоял Добраться до блока помогли товарищи. В этот период я имел многих друзей среди русских, и мы чувствовали, что в лагере существует подполье но связаться еще с ним не смогли. Немецкие коммунисты были глубоко законспирированы, но наблюдения за нами, видно, вели ибо на следующий день я получил вызов в ревир — больницу заключенных.

Утром после проверки блоковой вручил мне вызов, я, попрощавшис с друзьями, направился в больницу. Прощался по той причине, что в лагере всех нетрудоспособных направляли в больницу, где их умерщвляли уколом. В дальнейшем, работая в больнице, я сам был очевидцем, ка партия заключенных, похожих больше на тени, тихо стояла у дверей операционного зала № 2, ожидая своей очереди. Наброшенные на плечи одеяла скрывали их наготу, и только злые окрики блокфюреров и врачей-эсесовцев нарушали гнетущую тишину. Ни ропота, ни стона не было слышно. Молча стояли изможденные заключенные, сбросив у двери одеяло молча переступали порог, молча смотрели на трупы, сложенные здесь ж штабелями, молча и без сопротивления воспринимали укол шприца также молча умирали. Да и вряд ли были у них силы для сопротивлени и крика.

Получив вызов в ревир, будучи сильно истощенным, я считал, чт

наступил и мой черед. Каково же было мое изумление, когда в больнице ко мне обратился один немецкий коммунист с вопросом, был ли я в комсомоле, в армии, как попал в Бухенвальд и т. д., и после этого дал мне шонунг (освобождение от работы) на пять дней. Это был Генрих Зундерланд. Прошло несколько дней, меня положили в больницу, здесь же состоялось мое знакомство с лучшими немецкими друзьями — капо ревира Эрнстом Буссе и его заместителем Отто Киппом.

Много было бесед, пока они не дали мне почувствовать, что в лагере существует подполье. Здесь, в больнице, я познакомился с Гельмутом Тиеманом, Эрнстом Гаусманом[11], Вилли Сайфертом[12], Робертом Зибертом, Эрихом Решке[13]), Гансом Эйдеманом[14]), Матисом[15]) из прачечной. Это были лучшие люди Бухенвальда, и тысячи русских должны быть им благодарны за школу работы в подполье.

Василий Жук с присущей ему энергией налаживал контакты среди группировок; к этому времени я был в хороших отношениях с такими товарищами, как Николай Иванов, Николай Тычков, Иван Апарин, Сергей Пайковский, Борис Даниленко, Владимир Орлов, Адам Васильчук, Александр Купцов, Григорий Крохмалев, Михаил Переверзев, Григорий Пуанков, Костя с эфектен-камеры, Слава Черногут, Николай Альянов.

Николай Альянов и Слава Черногут начали серьезную работу на 17-м блоке. Все вновь прибывшие заключенные проходили тщательную проверку этих товарищей и брались на учет. После чего лучшие из них устраивались в более приличные команды. Квет Винцейн поручил Саше Купцову и мне подготовить состав политцентра и обезопасить его работу. Встретили поддержку кандидатуры Владимира Орлова, Адама Васильчука и Василия Азарова. Василия Жука было решено временно в политцентр не вводить по той причине, что его бурная энергия иногда демаскировала работу. К тому же Васей была допущена ошибка, так как он требовал полной самостоятельности в нашей работе. Им же была выработана присяга и клятва. Немецкие товарищи знали об этом и, безусловно, остерегались необдуманных или, вернее, несвоевременных действий с нашей стороны. Это все и побудило нас, невзирая на огромный авторитет, который имел Вася Жук, и огромную работу, проделанную им, не вводить его в политцентр. И хотя члены первого политцентра не пользовались таким авторитетом, как Василий Жук или Александр Купцов, но это были смелые, честные и спокойные товарищи. С Кветом Винцейном было решено параллельно с политцентром русских создать группу товарищей, которая осуществляла бы надзор за первыми неуверенными действиями политцентра и обезопасила бы его работу. Назвали ее группой «самообороны» и возглавили ее Саша Купцов и я. О задании, полученном нами, кроме Василия Жука, никто не знал. В этот организационный период трудно было создать лучшее, и хотя работа носила иногда стихийный характер, но все же проводилась.

Вскоре решено было дополнить политцентр Василием Жуком и Сашей Купцовым. Квет Винцейн работал в переплетной мастерской за воротами, и днем с ним никакого контакта не было. И вот Отто Кипп предложил мне работу рассыльного больницы: это должно было обеспечить в любое время связь с Кветом.

Трудно было решиться одеть в тот период такую незначительную повязку на руку, но необходимость заставляла. Ведь эта повязка давала мне право посещать любую команду в рабочее время и проходить через наружные ворота. Благодаря этой повязке удавалось освободить от срочных транспортов попавших туда товарищей, она же давала мне право посещения карантинных блоков. Благодаря ей в любую минуту можно было наладить связь с нужными товарищами.

Впервые в лагере увидели русского с повязкой на рукаве. Это было большим событием в жизни лагеря, и все, вплоть до СС, удивлялись, а потом привыкли. Работа подпольной организации продолжалась.

Невзирая на строгую конспирацию, я узнал, что руководство центром военнопленных возглавляет Симаков. И вот в первых числах марта 1943 г. я с ним встретился в ревире. Зная друг о друге многое, мы не были лично знакомы. Николай Симаков со свойственной ему прямотой указал на допущенные политцентром ошибки и предложил мне подготовить встречу военнопленных с русскими политзаключенными для совместной работы. Собрать активистов лагеря решили, не посвящая даже в это немецких коммунистов и прикрепленного к нам Квета Винцейна. Пришло время, когда мы могли работать самостоятельно в контакте с немецкими коммунистами.

Василий Жук в этот период был направлен в Веймар для работы среди заключенных и налаживания связи с русскими, насильно вывезенными в Германию и работавшими на заводах, поэтому в сборе актива участвовать не смог.

Политцентр был обновлен, твердо были распределены обязанности. К этому времени у меня возникли осложнения с работой рассыльного. Лагерфюрер сказал, что он имеет большое желание разделаться со мной, а это ему ничего не стоило.

Дело в том, что возле ревира был пойман русский с полным котелком супа, который ему передал Ленчик из операционного № 2, и я был вызван как переводчик. Русский, конечно, не сказал, кто ему передал суп, и лагерфюрер заподозрил, что это не обошлось без моего участия. Этому русскому товарищу было дано 25 ударов буковой палкой. Эта экзекуция проводилась в лагере часто, и мало кто оставался после нее живым.

Боясь серьезных осложнений, немецкие коммунисты срочно положили меня в больницу, и на этом моя карьера рассыльного кончилась. В больнице я встретился с Францем Ляйфером — австрийским антифашистом, блоковым 8-го блока. На 8-м блоке находились русские, польские и югославские дети. Но добрых 95% были русские, возрастом от 9 до 17 лет. Я согласился с предложением Ляйфера пойти в этот блок. К тому же политцентр давно собирался послать туда члена подпольной организации.

На 8-м блоке царила такая картина: дети до 13 лет не работали, остальные — возрастом постраше, работали в тяжелых командах. Дети были голодны и в плохой одежде. Здесь, как нигде, пригодились мои связи. В первые же дни я добился увеличения на два бачка порции супа. По моей просьбе русские и немецкие товарищи собрали теплую одежду, она была выдана детям, работавшим в наружных командах. Дети почувствовали заботу.

Постепенно при помощи Вилли Сайферта удалось многих юношей направить в легкие команды: прачечную, кухню, склад одежды.

Среди старшего возраста я начал сколачивать актив, на который можно было бы спокойно опереться. Володя Дроздов, Володя Мациенко, Павел Пашин, Коля Карабут, Вася Перелигин, Коля Василенко, Марат Верещагин, Гриша Сапожник, Леонид Бычок, Виктор и ряд других юношей основательно помогли восстановлению должной дисциплины и необходимого порядка и в дальнейшем всегда были застрельщиками выполнения мероприятий, проводимых на блоке.

Всего на блоке было 346 детей, из них 68 не работало. Это удалось сделать, неправильно информируя блокфюрера о возрасте. Иногда 15-летний числился как 13-летний. Большую роль сыграл Франц Ляйфер, который самоотверженно рисковал, проделывая это. Зная мое желание организовать школу для малышей, товарищи разыскивали педагогов. Однажды

ıa блок пришел русский политзаключенный. Невзирая на истощение, во-левое лицо и выражение глаз говорили, что передо мной человек крепкой золи, сочетавшейся с умом и смелостью. Николай Кюнг, а это был он, рассказал, что по профессии он педагог, и если нужна его помощь, то с удовольствием ее окажет. Я был рад этому предложению. Гриша Пузан-ков нашел еще одного педагога Никодима Васильевича [16] (фамилию не помню) из Днепропетровской области. Этот старик — пенсионер в прош-лом, проработавший более 40 с лишним лет в школах нашей Родины, тоже удовольствием изъявил согласие помочь нашим детям.

С большими трудностями достали мы бумагу и карандаши. Создали руппы, разработали учебные планы. Наступил торжественный день. Вы-ставленные посты строго следили за подходами к блоку. Ведь эсесовцы часто организовывали проверку, и если бы увидели, что дети занимаются, вряд ли кого из нас пощадили. Дети садятся за столы. Педагоги — Нико-дим Васильевич, Николай Иванов и Николай Кюнг начинают свою работу.

Первый урок в лагере. Как он дорог как воспоминание! Дети с большим вниманием слушали педагогов, и в каждом слове учителя чувствовалось дыхание любимой далекой Родины.

С этого дня распорядок на блоке был такой: подъем, проверка, после проверки зарядка, которую проводил Петр Авдеенко, наведение чи-стоты в блоке и туалет, завтрак, 5 уроков с перерывами, по окончании занятий дети получали дополнительное питание, которое я доставал из разных мест. Большую помощь оказывали мои старые друзья Эрнст Буссе Отто Кипп.

В лагерной больнице ежедневно умирало много заключенных по болез-и. И эти товарищи умышленно задерживали списки умерших, благодаря ему больница получала на них дневной рацион, который мы забирали для усиления питания детей и отощавших старших товарищей. Большую помощь нам оказал и Петя Романов — юноша 16—17 лет, работавший на почте.

Гитлеровцы не ставили в известность общественность об умерших, и многие семьи немецких, чешских, польских, австрийских товарищей про-должали им посылать посылки. Невзирая на строгий контроль, Петру уда-валось часть таких посылок передавать мне. Когда в лагерь привезли нор-вежских студентов, отказавшихся служить в немецкой армии, население Норвегии им оказало большую помощь в питании. Они и нам выделили много продуктов, в том числе около 60 литров рыбьего жира.

Старший контингент, находившийся на блоке, был привлечен к работе подпольной организации, они же дополняли мою роту. В строгой кон-спирации был изучен устав Вооруженных Сил Советского Союза. Было подготовлено 27 санитаров. Ежедневно поступавшие сводки Информбюро, передаваемые политцентром, прорабатывались пятерками.

В конце 1944 г. я получил задание от члена политцентра организовать тайник для хранения документации подпольной русской секции, гранат и образцов оружия, которое по решению военно-политического центра изу-чалось боевыми дружинами. Мне были переданы пистолет-парабеллум, маузер, обрез и 70 гранат. На флигеле «А» под полом был искусно сделан тайник, где все хранилось до 11 апреля 1945 г., когда было выдано дру-жинам блоков №№ 44 и 16. Пистолеты и обрез приходилось часто переда-вать в другие блоки для изучения пользования ими.

В конце 1944 г. на восьмой блок поступило 200 с лишним еврейских детей из Венгрии, и наши русские дети, хорошо усвоившие лагерный по-рядок, взяли их под свою опеку. Дополнительно была организована школа русского языка.

В начале апреля 1945 г., когда раздалась команда: «Всем евреям стро-иться на площадь», мы с Гришей Пузанковым, которого я перетянул на восьмой блок, решили еврейских детей предупредить, чтобы они не говорили о своей национальной принадлежности. Эрнст Гаусман предупредил нас, что в канцелярии немецкими товарищами уничтожены списки евреев. Когда на восьмой блок пришел эсесовец и задал вопрос, есть ли среди детей евреи, то получил отрицательный ответ.

Не поверив нам, он начал обходить ряды, схватив одного мальчика, черты лица которого выразительно говорили, что это еврей, он с такой силой вышвырнул его из строя, что малыш, ударившись об стенку блока, основательно расшибся. Гриша Пузанков, находившийся возле эсесовца, заявил, что этот мальчик не еврей и что у его родителей есть немецкая кровь. Эсесовец со злостью пнул ногой мальчишку, и ушел. Дети были спасены. Еще хочется отметить, что Николай Кюнг начал свою работу в блоке педагогом, быстро завоевал авторитет и был избран в подпольный политцентр. Когда он и Иван Иванович Смирнов вошли в политцентр, как-то сразу изменился профиль работы подпольной организации. Энергия политцентра в составе Николая Кюнга, Николая Симакова, Ивана Ивановича Смирнова и других стала явно ощутимой.

Четкая работа Николая Кюнга дала возможность выполнять задания политцентра, не боясь провокации и транспортов. Вот еще один пример. Однажды был получен приказ от коменданта подготовить списки неработающих, которые подлежали как нетрудоспособные к уничтожению. Узнав об этом, я предупредил центр, поставил в известность Эрнста Гаусмана, и были предприняты контрмеры: всем детям были увеличены в карточках года и все они были расписаны по командам, вплоть до Шурика и Вали, которым было по восьми лет.

Это был опасный труд многих товарищей, но цель оправдала риск. Дети были сохранены.

Разгром Советским Союзом фашистской Германии дал возможность бывшим узникам концлагерей, в том числе и бухенвальдцам, вернуться на родину. Многие из бывших политзаключенных, рассказывая о буднях лагеря, встречают иногда в глазах слушателей недоверие.

Поверьте, это было и не должно повториться.

В. В. Холопцев

Николаев, 4 мая 1957 г.

Из личного архива Н. Ф. Кюнга.— Автограф.

ПОКАЗАНИЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ БУХЕНВАЛЬДА О САБОТАЖЕ НА ФАШИСТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Не позднее мая 1945 г.

№ 6

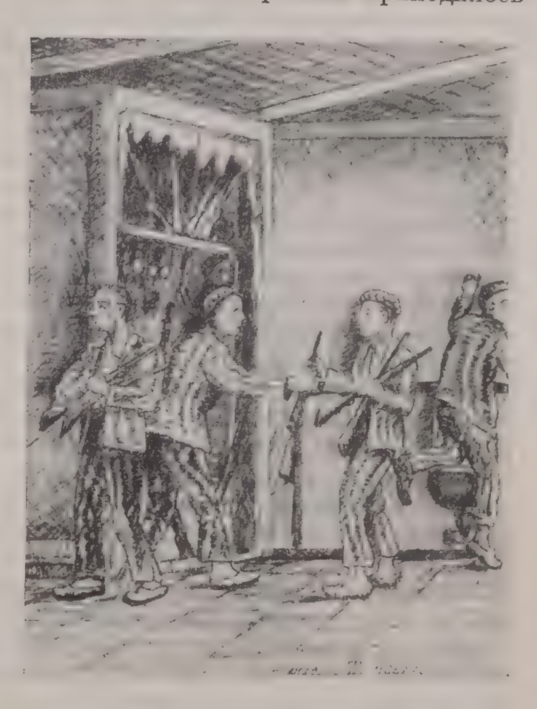
Показания Н. Павлова

На первых порах меня, как и сотни других товарищей, никто не при-влекал к участию в подпольной работе, к активной борьбе с фашизмом. Я сам действовал так, как подсказывали мне мое чувство и моя совест[ь].

В концлагерь прибыл я в начале апреля 1943 г. и по отбытии кара[н]тина был послан на работу в «фурколонну». Запряженные в лямки, вмес[те]

животных, подгоняемые надсмотрщиками и СС, мы работали с утра до ночи. Каждому было ясно: дни нашей жизни сочтены. Что ж, умереть не страшно, но умереть в борьбе с заклятым врагом.

Вскоре меня направляют на военный завод, где я познакомился с Борисом Сироткиным [17] и Леонидом Орловым [18]. От них я получил задание проносить через браму оружие в лагерь. С большим риском приходилось пробираться в пристрелочный цех завода и уносить отсюда патроны. В цехе, где я работал, неоднократно выводил из строя машины и портил готовую продукцию. Вместе со мною работали еще 5 товарищей, среди которых были А. Володин, В. Пашенко, К. Выродов и др. Они также способствовали ухудшению качества продукции в своем цехе и проносили через браму для военной организации винтовки. Так, например, А. Ландышев пронес в разобранном виде 5 винтовок, остальные по 3—4 штуки.

Концлагерь Бухенвальд. Здесь в разборной стенке уборной 7-го блока хранилось оружие военнопленных.

Рис. заключенного И. Новика

Таких групп саботажников на заводе было много. Должен сказать, что для того чтобы технически грамотно испортить вещь, группы объединились. Вот характерный пример: получая бойки для затворов из других [цехов, това]рищи старались держать машины на холостом ходу. Из дорогостоящих материалов началось массовое производство зажигалок, утюгов, электропечек, ножей, портсигаров, мундштуков и пр. Таким образом, поглощалось много рабочего времени и немало высококачественной стали, меди и других материалов. За два с половиной года моей работы в складе было выдано нелегальным путем на производство невинных утюгов (для мастеров) 4640 кг стали, что обошлось заводу в 27 500 марок. Особое искусство в делании брака показали наши токари, слесари, фрезеровщики и электрики. Они умело обманывали мастеров-немцев, изготовляя фальшивые детали. 1200 кг стали ушло в 1944 г. на замену забракованных частей. В этом же году из каждой 1000 готовых винтовок браковалось 700—750 шт.

Из склада были выданы сотни килограммов первосортной стали на производство оружия для лагеря. Тайно изготовлялись пистолеты, кинжалы, гранаты. С этим оружием мы выступили против своих мучителей в исторический для нас день — 11 апреля.

с. Палкино, Ярославская обл.

Н. Павлов

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 63—64.— Гектограф.

№ 7

Показания В. Даниленко

На принадлежавшем фашистскому заправиле Тюрингии Заукелю заводе «Густлоф-верке» изготовлялись винтовки, полуавтоматы, пистолеты мелкокалиберные винтовки, снарядные ящики и передки к орудиям. Контроль над всеми производственными операциями и выпуском продукции осуществлялся СС. «Цивильные» мастера были в большинстве своем агентами гестапо. Учитывая все это, наши функционеры соблюдали строжайшую конспирацию и осторожность. Провал одного мог повлечь за собой десятки жертв.

В цехе № 2 заключенные, выполнявшие работу по сварке, систематически незаметно выпускали из баллонов кислород, неправильно сваривали швы снарядных ящиков. Не будучи еще привезенными к месту назначения, ящики оказывались негодными, и их везли обратно на завод [19]. В отделении сборки пистолетов наши люди при закалке деталей либо их вовсе «отпускали», либо перекаливали. Качество пистолетов было такое низкое что их целыми партиями возвращали на завод из Берлина для устранения дефектов. Товарищи, работавшие в этом отделении, под руководством Л. Орлова незаметно проносили в лагерь детали, из которых по частям собирали пистолеты. Здесь же изготовлялись компасы, детали для изобретенной самими заключенными ручной гранаты. Оружие мы готовили к вооруженному выступлению.

В механических цехах №№ 8 и 9 выбрасывались тысячами в брак совершенно годные движки для прицельных рамок, пистолетные ползунки предохранительные скобы и другие детали [20]. В сверлильном отделении при сверловке стволов незаметно увеличивали кривизну их. Электросварщик военнопленный Дмитриевский однажды сознательно пережег при сварке три эксцентрических веретена, употребляемых для расточки стволов. В результате этого веретена несколько раз переделывали, на что ушло шесть месяцев времени. Электромоторы в цехе то и дело выводились из строя.

В цехе № 11 пристреливалось готовое оружие и производился мелкий ремонт его. Здесь наши люди оформляли для пристрелянных винтовок документы с совершенно произвольными данными. Это затягивало нахождение винтовок и отправку их. Смазка винтовок делалась только с целью маскировки песка и толченого стекла, обильно засыпаемых в трущиеся части. У готовых к отправке винтовок сдвигались мушки, повреждались спусковые пружины и другие детали. В 1944 г. было возвращено с фронта более 5000 изготовленных в «Густлоф-верке» винтовок как негодных.

После бомбардировки завода [21] работа нелегальной организации усилилась. Наши товарищи разобрали и разбили не один десяток дорогостоящих станков. В многочисленных воронках [была] зарыта масса ценного инструмента и цветного металла. Только в цехе № 1 было похоронено 400 кг бронзы и на 6 тыс. марок различных деталей.

Завод фирмы «Сименс — Шукерт — Гальске» Мибау выпускал электрорадиооборудование для нового немецкого оружия «У-1» и «У-2», а также для легких танков «Голиаф» и «Лилипут». Мибау имел четыре цеха Огромное количество изготовляемой в них продукции браковалось. Работающие здесь наши люди не спали. В цехе индукционных катушек готовая продукция составляла 30—40% к норме. Отсюда еще отходил брак В обмотке катушек делались многочисленные обрывы, путались испытательные характеристики, повреждалась изоляция в уже готовых катушках Брак в цехе, который изготовлял аппаратуру для управления на расстоянии, составлял 80—90%. Продукция нескольких месяцев — 300 аппара-

гов — была возвращена однажды из Берлина как брак. Для нас этот случай мог иметь очень серьезные последствия, ибо вместе с возвращенными аппаратами в Бухенвальд нагрянула специальная комиссия гестапо для вскрытия причин брака. Выручили американские летчики, разбомбившие в это время завод до основания. Причины негодности аппаратов так и остались невыясненными.

В ДАВ [1] наши задачи были те же — саботаж, подрыв производственного процесса, порча материалов и низкая производительность. Актив подпольщиков выполнял эту задачу повседневно. В сборном цехе ломали новые инструменты, беспощадно заменяя их негодными, старыми. В отделении, где изготовлялись патроны, была выведена из строя на 10 дней обжимочная машина. В складе оптических приборов для саботажа применялась «медицина» в виде обыкновенного шприца, при помощи которого в чувствительный механизм сложных приборов впрыскивалась серная кислота. Снаружи, таким образом, ничего не было заметно. Негодное оборудование шло на вооружение немецкой армии. Электромастерская, вместо ремонта моторов, просто портила их. В обмотки статоров насыпались древесные опилки, хорошо впитывающие машинное масло. «Начиненный» подобным образом мотор быстро выходил из строя.

Из так называемых «наружных» команд следует отметить команду «Нахшубдивизион», которая занималась ремонтом поступающих с фронта автомашин. Руками русских авторемонтников фильтры газогенераторов наполнялись вместо воды маслом, в резиновые баллоны засыпали битое стекло, трущиеся части мотора щедро «просаливались» наждачной пылью. Нередко моторы мотоциклов и автомашин просто ломали.

Все это далеко не полный перечень того, что было проделано нашей организацией, нашими людьми. Повседневно и повсеместно, в тяжелых условиях слежки и надзора, под угрозой расправы в случае провала, скромно и самоотверженно наши товарищи делали дело подрыва питающих основ ненавистной гитлеровской машины войны и уничтожения.

В. Даниленко

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 98—100.— Гектограф.

№ 8

Показания Н. Исакова

В нашей команде на транспорте в городе Ейзанах было свыше 600 заключенных — среди них 380 человек русских, большая группа французов и югославов. Подпольная организация состояла из двух групп: группа «А» — актив и группа «С» — сочувствующие.

Поскольку работа на фабрике проводилась в две смены, мы в соответствии с этим расставили своих людей. Ни один, даже незначительный, процесс не был упущен. В работе поддерживали тесный контакт с французами и югославами. Нам оказывали помощь подпольщики-французы, руководимые тт. Диотом и Бенцем. Вместе с нами работал и чешский товарищ Франц Ландауер, бывший секретарь горкома комсомола гор. Праги, находившийся в заключении с 1938 г.

Все наше внимание было направлено на срыв производства. Каждому было понятно, что подневольные люди могут сделать не меньше для подрыва основ гитлеровской машины войны, чем английские летчики. И мы действовали. Остродефицитные материалы, как, например, хромоникель, заведомо шли в брак. Выбывали из строя машины конвейера. В ночной

[1] Deutsche Aufrüstung Werke — военный завод.

смене агрегаты работали на холостом ходу. Производство было так снижено, что приехавшие однажды начальники СС сделали настоящую головомойку мастерам-немцам. Было увеличено количество дежурных постов.

Начались репрессии. За невыполнение норм людей лишали выходного дня, порциона. Этим товарищам организовали помощь заключенные от своего скудного пайка. Все же выпуск продукции был низок, и не превышал в большинстве отделов 30 или 40% к установленной норме.

Как-то СС пошли на хитрость. Они объявили, что все, кто работает хорошо, будут получать добавочный суп и табак. Ответом на это был наш лозунг: «Премия фашистов — это кровь наших товарищей». Мероприятия администрации фабрики провалились.

Следует отметить работу политзаключенного Н. Матуненко, бывшего дорожного мастера ст. Дарница, и маленького Василия Яковлева из-под Ленинграда. Войдя в доверие мастеров-немцев, они искусно подменяли серии деталей, снизя выпуск продукции до 10% к норме.

На нашей фабрике работали также товарищи из «цивильных» лагерей. Наладив связь с отдельными лицами, координировали мероприятия по затяжке ремонта машин. Русские девушки при нашей помощи создали нелегальную группу, которая не только проводила активную политико-воспитательную работу, но и занималась саботажем на производстве.

Н. Исаков

Москва, п. о. Кусково,
Старо-Владычено, Петровка, 15.

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 109—110.— Гектограф.

№ 9

Показания В. Совицкого

Прячась от англо-американской авиации, немецкая промышленность уходила под землю.

Строительство одного подземного завода было начато в старой соляной шахте «Кальб» в Зальцунгене. Сюда из Бухенвальда в январе 1945 г. был отправлен транспорт заключенных в составе 500 человек. Перед отъездом один наш товарищ получил указание от представителя центра, как надо вести политическую работу среди заключенных и гражданских рабочих, насильно вывезенных в Германию; о методах подрывной работы, саботажа и осуществлении побегов заключенных из лагеря.

В одном из тоннелей шахты был отведен угол для лагеря. Немного древесных стружек, брошенных на соль, служили нам вместо постели. Едкая калиевая соль ела глаза, сушила губы, а о воде нельзя было и мечтать: ее выдавали по пол-литра в день на заключенного. Так началась наша подземная жизнь. Жизнь без солнечного света, воздуха и пищи. Эти адские условия до пределов возмущали заключенных, и мы все это учитывали при проведении политической агитации, призывая товарищей к саботажу. Вместо установленной нормы бетонировать ежедневно 250 кв. м выполнялось в среднем не более 45 кв. м. Никакие угрозы и побои со стороны эсесовцев и мастеров ни к чему не привели.

Группе товарищей было поручено разведать шахту в целях найти запасные выходы. Рискуя жизнью, наши разведчики Иван Квасов и Николай Безымянный пробирались незамеченными во все намеченные пункты. Неожиданно они обнаружили три склада: продовольственный, взрывчатых веществ и склад ценностей лейпцигского банка. Все это было спрятано глубоко под землей. Мы решили сжечь последний склад, что и было выполнено.

Позже мы связались с представителями других наций и действовали сообща. К нам, русским, относились с доверием и уважением.

Фронт приближался. Когда пушки и танки [за]грохотали совсем близко, эсесовцы решили эвакуировать лагерь в Бухенвальд, предварительно уничтожив всех слабых и больных, находящихся в лазарете.

Наши товарищи договорились об организации массовых побегов в пути. В первую же ночь ушло 7 человек, всего бежало во время эвакуации 67 заключенных.

Людей прятали в солому, на чердаки, в подвалах и т. д. Но не обошлось и без жертв. Иван Квасов — замечательный товарищ, убегая, был замечен конвоем и пойман. Его расстрелял перед строем фашистский бандит-командофюрер.

Путь эвакуированных из Зальцунгена в Бухенвальд можно без преувеличения назвать дорогой смерти. Сотни трупов заключенных лежали по обеим сторонам дороги. Это трупы наших товарищей, пристреленных эсесовцами [22]).

Прибыв в Бухенвальд, наши товарищи 11 апреля участвовали в штурме проволоки.

Киев, Тургеневская, 27.

В. Совицкий

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 110—111.— Гектограф.

№ 10

Показания А. Бандурко, Е. Хрень и Ф. Чеченина

На восточной окраине Веймара были выстроены в годы войны громадные корпуса завода, принадлежавшего тому же предводителю фашистов Тюрингии Заукелю. В непосредственной близости от завода был обнесенный колючей проволокой концлагерь, в котором томилось около 2500 заключенных. Здесь были русские, французы, поляки, чехи, испанцы, немцы. Они были рабами, на крови, поте, слезах которых наживался гитлеровский выкормыш, крупный заводчик Заукель.

Администрация завода, мастера из кожи лезли, чтобы увеличить выпуск продукции за счет нечеловеческой эксплуатации заключенных и военнопленных. Но, несмотря ни на что, производительность труда была крайне низкой, планы выпуска оружия систематически срывались. Работающие в цехах представители подпольной организации Бухенвальда делали смело и самоотверженно свое дело.

Начиная с июля 1944 г. саботаж в цехах проводился организованным путем, по заблаговременно продуманному плану. Заключенные русские тт. Великий и Страшнов, работая писарями, приписывали товарищам то, чего они не делали. Тысячи деталей, которые, по сведениям их, были якобы изготовлены, а на самом деле — нет. Тов. Давибаран, работая на последней операции по рассверловке деталей, делал заведомый брак, и в конечном итоге они выбрасывались. Михаил Кубанский однажды вывел из строя на 14 дней свою машину. На него был подан рапорт СС. Кубанскому грозила смертельная опасность, но выручили подпольщики.

Очень большой ущерб фашистскому производству наносили заключенные, работавшие в шлифовальном отделе, где обрабатывались инструменты для цехов № 1 и 2. Инструмент умышленно портили, пережигали, неправильно точили. Главные фрезы, вальцфрезы, изготовляемые из высококачественного металла, не были пригодны к употреблению. В делании брака здесь особенно отличался молодой парень — заключенный В. Виноградов из Ростова.

Ежедневно в лагере над людьми, делающими брак, дико издевались. Особенно свирепствовал палач Фишер. Тех, кто не желал работать, СС избивали и отправляли на штрафной блок. Они получали урезанный паек пищи, лишались отдыха. На помощь приходила подпольная организация. Со штрафниками солидаризировался весь лагерь, им товарищи приносили, отрывая от себя, суп, хлеб, табак.

Был у нас в лагере немец-бандит, выполнявший функции «капо». Звали его Отто Генинг. Не было ни одного заключенного, которого он не избил. В конечном итоге с помощью политзаключенных немцев этот пособник СС был нами уничтожен, как собака.

Подпольная работа проводилась нами, русскими, в тесном контакте с товарищами других национальностей. Политические беседы о Красной Армии, национальном вопросе в Советском Союзе, комсомоле, строительстве социализма в нашей стране были достоянием не только русских, но и французов, чехов, испанцев.

Среди заключенных проводилась и военная работа, которая была направлена на создание боевой единицы, чтобы в удобный момент взять оружие и освободить лагерь. Бомбардировка лагеря 9.2.45 г. вырвала из наших рядов многих товарищей, и этот план не был осуществлен.

Вскоре лагерь эвакуировали.

А. Бандурко, Е. Хрень, Ф. Чеченин

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 111—112.— Гектограф.

КРАТКАЯ СПРАВКА О РУКОВОДИТЕЛЯХ И АКТИВНЫХ ЧЛЕНАХ БУХЕНВАЛЬДСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ [1]

1. *Азаров Василий Николаевич* родился в 1919 г. в Мценском районе Курской области. Перед войной работал в райкоме комсомола и был оставлен на временно оккупированной территории. Летом 1942 г. попал в Бухенвальд. Участвовал в восстании 11 апреля 1945 г.

По возвращении на Родину находился на различных работах. Последнее время работает в Смоленском областном отделе сельского хозяйства.

2. *Бакланов Степан Михайлович* родился в 1920 г. в с. Канкино Белгородской области. В 1938 г. окончил Старооскольское педучилище и работал учителем истории в Курской области. В декабре 1939 г. был призван в ряды Советской армии и направлен в стрелково-пулеметное училище, по окончании которого в звании лейтенанта 31 июня 1941 г. прибыл в Гродненский укрепрайон. 8 июля в бою был взят в плен.

С февраля 1942 г. в концлагере Бухенвальд. Постоянный член Военно-политического центра, отвечавший за организацию боевых групп и заготовку оружия.

После войны окончил курсы экономистов, работает заместителем начальника лесопромышленного управления строительства Братской ГЭС.

3. *Бердников Степан Александрович* один из активных членов подпольной организации в Бухенвальде.

Когда Военно-политический центр взял курс на открытое восстание, Бердников был утвержден комиссаром резервной бригады в т. н. малом лагере. Он организовал хранение оружия и ножниц для разрезания колючей проволоки, окружавшей лагерь.

Участник восстания 11 апреля 1945 г. По возвращении на Родину работает в семилетней школе в Челябинской области.

[1] Справка дается о лицах, упоминаемых в публикации «Бухенвальдское сопротивление».

4. *Даниленко Борис Федорович* родился в 1919 г. в с. Поповка Полтавской области. До войны работал на Ореховском сахарном комбинате — зоотехником-селекционером.

13 декабря 1940 г. был призван в армию. Попал в плен и весною 1942 г. брошен в Бухенвальд. Там создал сильную группу сопротивления и был одним из активных членов подпольной антифашистской организации. По поручению Военно-политического центра организовал саботаж на одном из заводов Бухенвальда (ДАВ) и вел большую политико-массовую работу в рабочих командах лагеря.

По возвращении на Родину Даниленко работает старшим зоотехником Ореховского сахарного комбината Полтавской области.

5. *Карнаухов Александр Леонтьевич* родился в 1906 г. в с. Кошелиха Горьковской области. Перед началом Отечественной войны работал инженером-технологом пушного производства.

На второй день войны, как офицер запаса, призван в действующую армию. Раненым взят в плен. Совершал побеги и вел в лагерях антифашистскую пропаганду, за что был заключен в Бухенвальд. Работая в лагерной больнице, был вовлечен в подпольную организацию.

Смелый и находчивый, он принес большую пользу подпольной антифашистской организации: снабжал бензином товарищей, изготавливавших бутылки с самовоспламеняющейся смесью; добивался освобождения от работы сотням ослабевших товарищей, спасая их от верной гибели на каторжных работах, а также оказывал содействие в прямом спасении присужденных к смертной казни товарищей. Участвовал в восстании 11 апреля 1945 г.

После освобождения вместе с врачами Алексеем Гуриным — ответственным за больницу, Леоном Сусловым и др. спас сотни советских людей, находившихся к моменту освобождения на краю гибели. Умер 23 марта 1950 г.

6. *Котов Сергей Дмитриевич* родился в 1910 г. в семье рабочего, участника революционных боев 1905 г. Два брата его и сестра погибли в боях за Перекоп в ноябре 1920 г. До призыва в армию вступил в члены КПСС, окончил Московский институт философии, литературы и истории. В армии был политруком. В начале лета 1942 г. в боях под Харьковом, раненный, взят в плен.

В лагерях военнопленных проводил активную антифашистскую агитацию и саботаж, за что был брошен в Бухенвальд.

Был введен в Военно-политический центр и отвечал за политическую работу в сети подпольной антифашистской организации.

Котов с помощью С. А. Бердникова написал по заданию Центра «Воззвание», которое было прочитано в последний час перед восстанием 11 апреля 1945 г. После демобилизации работает учителем истории в школе им. Пушкина в гор. Коктале Сталинабадского района Таджикской ССР. Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Таджикской ССР.

7. *Кюнг Николай Федорович* родился в 1917 г. в с. Софьино Смоленской области. В 1935 г. окончил Вяземское педучилище и работал учителем истории и директором Семлевской железнодорожной школы № 21 Смоленской области. Заочно учился на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Одновременно работал внештатным инструктором Политотдела 2-го отделения (Вязьма) Западной жел. дороги.

В феврале 1940 г. призван в армию. Служил в Брестском гарнизоне в качестве замполитрука полковой школы 84 стр. полка. Накануне войны был принят кандидатом в члены КПСС.

Участвовал в обороне Бреста, Бобруйска, Чернигова, Киева, Нежина. При переправе через Десну в ночном бою был ранен в ногу и взят в плен осенью 1941 г.

За саботаж на бельгийской шахте, организацию побегов и антифашистскую агитацию брошен в Бухенвальд. В подпольную организацию вовлечен С. С. Швецовым. С начала 1944 г. был введен в состав Военно-политического центра, отвечал за обеспечение безопасности русской подпольной организации, по этой работе был

связан с немецким товарищем Рихардом Гросскопф. Одновременно вел занятия с детьми по истории и географии в организованной подпольной школе.

Участвовал в восстании 11 апреля 1945 г. После войны был демобилизован в звании лейтенанта запаса. В настоящее время работает в Щербинской школе № 3 Московской области. Член Советского комитета ветеранов войны.

8. *Левшенков Михаил Васильевич* родился в 1914 г. в д. Заречье Псковской губернии. В 1932 г. по путевке сельсовета поступил на восьмимесячные педагогические курсы и стал заведующим начальной школой, а в 1937 г. директором Кружцовской семилетней школы. К этому времени окончил педучилище.

С февраля 1940 в армии. Служил в г. Белостоке в 6 казачьем корпусе связистом. 15 июля 1941 г. в тяжелом бою был взят в плен. В октябре 1941 г. в группе 2000 чел. был привезен в концлагерь Бухенвальд. Вскоре создал вокруг себя прочное ядро надежных товарищей, присоединившихся к группе Симакова. Впоследствии был введен в члены Военно-политического центра, отвечал за хранение подпольного радиоприемника и принимал радиосводки Совинформбюро.

Явился одним из инициаторов создания подпольной детской школы. Направлял работу подпольных вечеров самодеятельности, одновременно был редактором подпольной газеты «Правда пленных» (выпущено 26 номеров).

По возвращении на Родину, после демобилизации окончил пединститут и работает учителем основ дарвинизма в средней школе Новоржева Псковской области.

9. *Логунов Валентин Васильевич* родился в Рязани. Военное звание — старший лейтенант. В Бухенвальд был заключен за неоднократные побеги из лагерей военнопленных. Один из самых смелых подпольщиков Бухенвальда.

Он в течение года создал сильный ударный батальон. Кроме трех боевых рот, входивших в батальон, он создал автороту, бойцы которой тайком изучали автодело и управление танками для того, чтобы овладеть фашистскими танками и автомашинами. Командиром этой роты был Вениамин Щелоков из г. Семенова. О действиях батальона см. «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 96—98.

10. *Руденко Константин Афанасьевич* родился 29 июля 1915 г. в семье рабочего. В 1930 г. после окончания семилетки поступил на Вендичанский сахарный завод. В 1939 г. окончил математический факультет Полтавского пединститута и получил назначение в Милорадовскую среднюю школу. В декабре 1940 г. был призван в армию. С первых дней участвовал в Великой Отечественной войне. Под Дзержинском был взят в плен. В феврале 1942 г. был брошен в Бухенвальд, где явился организатором подпольных групп сопротивления. Руденко отвечал за проверку и изучение вновь прибывающих политзаключенных и за материальное обеспечение отдельных нуждающихся товарищей. По заданию центра снабжал товарищей, готовящихся к побегу, гражданской одеждой. Участвовал в восстании 11 апреля 1945 г. После освобождения Бухенвальда тов. Руденко был назначен начальником отдела вещевого и продовольственного снабжения русской части Бухенвальда. По возвращении на Родину работает учителем математики в школе № 3 г. Полтавы.

11. *Симаков Николай Семенович* родился в 1915 г. в Новосибирске в семье железнодорожника. До призыва в ряды Советской армии окончил Новосибирский машиностроительный техникум. В 1939 г. был призван на действительную службу в 87 пограничный отряд. Война застала на границе в гор. Ломжа. В боях у Минска был ранен и взят в плен, брошен в лагерь военнопленных № 307 недалеко от Бреста. В октябре 1941 г. был заключен в концлагерь Бухенвальд, где установил связь с немецким коммунистом, руководителем немецкого антифашистского подпольного центра Вальтером Бартелем и чешским коммунистом — руководителем чешского подпольного антифашистского центра Кветом Винцейном. Впоследствии стал признанным руководителем русского подпольного Военно-политического центра. После войны вернулся в Новосибирск.

12. *Сироткин Борис Николаевич* родился в 1911 г. в семье московского рабочего. Окончил чертежно-конструкторские курсы и в 1929 г. начал работать на химзаводе им. Войкова. В 1941 г. призван в 14-ю Пролетарскую дивизию.

В конце июля 1941 г. раненым был взят в плен. Этапами через лагеря № 307 и № 310 был привезен в октябре 1941 г. в концлагерь Бухенвальд. В Бухенвальде был вовлечен в подпольную организацию, выполняя задания С. М. Бакланова. Будучи командиром подпольной роты и ответственным за саботаж на заводе «Густлоф-верке», тов. Сироткин по заданию центра наладил доставку оружия (по частям) в лагерь. Сконструировал ручную гранату, производство которой было налажено подпольщиками для вооружения боевых групп. Всего было изготовлено около 150 гранат. По возвращении на Родину работает токарем в Москве.

13. *Смирнов Иван Иванович* родился в 1899 г. в дер. Маслово Костромской губернии. Окончил второклассную учительскую школу.

В 1918 г. И. И. Смирнов, призваный в Красную Армию, на всю жизнь связывает с ней свою судьбу. Будучи начальником артиллерии дивизии в конце августа 1941 г. при выходе из окружения вблизи Великих Лук дважды ранен и взят в плен.

За антифашистскую агитацию в лагерях военнопленных брошен в Бухенвальд (лето 1943 г.). В Бухенвальде был вовлечен в подпольную организацию и введен в члены Военно-политического центра. Принимал активное участие в создании боевых подпольных групп. Разрабатывал вместе с товарищами Назировым, Задумоным, Баклановым, Карцевым и другими варианты планов вооруженного восстания. При подготовке к восстанию был назначен командиром боевого русского подпольного отряда. В день восстания, 11 апреля 1945 г., руководил действиями боевых групп.

При возвращении на Родину уволен из армии в отставку, живет в г. Семенове.

14. *Тычков Николай Петрович* родился в 1920 г. в с. Липовка Горьковской области. В 1937 г. в городе Иванове окончил семилетку и поступил учиться в техникум связи. В 1940 г. был призван в ряды Советской Армии и определен в воздушно-десантную бригаду. В конце июля 1941 г. в тяжелых боях у Шепетовки был взят в плен. За побег и саботаж на производстве в 1942 г. был привезен в Бухенвальд, где долгое время работал в каменоломне.

В концлагере создал группу сопротивления, по поручению Н. С. Симакова установил связи со всеми группами сопротивления политзаключенных. Создал также группу подпольщиков в лагерной больнице и позже был утвержден командиром санитарной подпольной роты. Участвовал в восстании 11 апреля 1945 г. По возвращении на Родину окончил Ивановский текстильный институт. Член КПСС.

15. *Холопцев Владимир Васильевич* родился в 1918 г. До призыва в армию окончил 2 курса Индустриального техникума в Киеве. В армии с 1941 г. На фронте с первых дней войны в качестве воентехника. В сентябре 1941 г. при прорыве врага на Полтаву он был взят в плен. За трехкратный побег из лагерей был брошен в Бухенвальд. В концлагере начал организовывать группу сопротивления, соединившись с товарищами Азаровым, Купцовым, Ивановым и другими. Был одним из активных участников подполья и одним из создателей подпольной детской школы в бараке № 8. Участвовал в восстании 11 апреля 1945 г. По возвращении на Родину работает в одном из универмагов г. Николаева.

16. *Швецов Сергей Семенович (Пайковский)* родился в 1910 г. в дер. Петрянки Ивановской области.

С 1925 г. начал трудовую жизнь в качестве дровосека. Членом ВЛКСМ стал в 1927 г., а в 1931 г. вступил в ряды КПСС. После службы в армии работал инструктором райкома партии, одновременно учился.

В 1938 г. — снова в армии в качестве политрука батареи. На фронте с первых дней войны. Часть, в которой находился Швецов, была окружена танковой дивизией фашистов, и он, израненный, взят в плен.

Летом 1944 г. Военно-политический центр поручил С. С. Швецову создание резервной боевой подпольной группы — бригады. Вместе с С. А. Бердниковым к декабрю 1944 г. создал сильную боевую группу, которая приняла участие в восстании 11 апреля 1945 г. По возвращении на Родину работает в г. Тейково Ивановской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Ошибка в показаниях. Рихард Гросскопф не работал в политотделе гестапо, но различными путями получал оттуда информацию.— 83.

2) Отто Кипп в настоящее время проживает в ГДР, является персональным пенсионером. Гельмут Тиеман также проживает в ГДР.— 83.

3) К. М. Крокинский (Бородаенко) работал старшим одной из комнат карантинного барака, но не был врачом.— 83.

4) Изнурительная работа в сырых каменоломнях способствовала заболеванию ревматизмом, чтобы облегчить страдания товарищей, Генрих Зундерланд организовывал для них примитивные электропроцедуры.— 83.

5) Ошибка в показаниях. Гельмут Тиеман был старшим санитаром операционного отдела № 2.— 83.

6) Даже в последние месяцы существования фашистского Рейха не прекращались «опыты» над людьми. Эсесовский гауптштурмфюрер врач С. Рашер еще 17 февраля 1945 г. докладывал Гиммлеру о своих «опытах» (ЦГАОР, ф. 7021, оп. 19с, д. 256, лл. 387—388). Обстановка, в которой проводились эти «опыты», подробнее описана в показаниях очевидца Антона Пахолега (Там же, д. 231, лл. 24—28).—87

7) Эрнст Буссе — капо ревира, бывший депутат рейхстага от Коммунистической партии. Умер вскоре после освобождения из концлагеря.— 88.

8) Матушек в настоящее время проживает в Чехословакии.— 89.

9) Кроме указанных, на этом совещании присутствовали С. Бакланов, М. Левшенков, И. Ногаец, А. Павлов, А. Васильчук.— 90.

10) Военнопленный инженер-полковник Советской Армии Н. Т. Потапов разработал технологию изготовления горючей смеси. Сахаров практически осуществлял эту операцию.— 93.

11) Эрнст Гаусман как коммунист был арестован гитлеровцами в 1934 г. В настоящее время живет в ГДР.— 97.

12) Вилли Сайферт в настоящее время проживает в ГДР.— 97.

13) Роберт Зиберт и Эрих Решке проживает в ГДР, в Берлине.— 97.

14) В апрельские дни 1945 г., когда заключенные Бухенвальда открыто отказались выполнить приказы эсесовцев, писал Логунов, Ганс Эйдеман являлся «как бы нашим полномочным представителем, нашим дипломатом во враждебном лагере, но дипломатом, который не обеспечивается никакими международными правами» («Исторический архив», 1957, № 4, стр. 96).— 97.

15) Матис — Отто-майер Гешке. Умер весной 1957 г. и похоронен на берлинском кладбище борцов немецкого рабочего движения.— 97.

16) 80-летний Н. В. Федосенко в настоящее время пенсионер, проживает в Днепропетровской области.— 99.

17) Б. Н. Сироткин проживает в настоящее время в Москве.— 101.

18) Леонид Орлов — Л. Я. Иосем в настоящее время работает на заводе им. Карла Либкнехта в Днепропетровске. В показаниях другого политзаключенного об Л. Орлове говорится: «для непосредственной работы по проведению саботажа на завод «Густлоф-верке» был послан Леонид Орлов. В сравнительно короткий срок ему удалось, несмотря на неимоверно тяжелые условия фашистско-эсесовского надзора, создать оперативно-руководящие группы по всем цехам, которые повседневно и последовательно проводили свою работу» (ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, л. 97).— 101.

19) Эту работу проводила группа Д. Слепухи. Далее в цитированном уже документе читаем: «В цехе № 3, где производился монтаж полуавтоматов, группа Анатолия Скобцева (Москва) благодаря тщательному изучению технологического процесса работы установила самые больные места оружия и благодаря этому смогла провести свою работу так умело и точно, что 25 000 полуавтоматов были возвращены фирме как непригодные» (ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, л. 97).— 102.

20) В цехе № 8 эту работу, а также ломку фрез ходких профилей алмазных резцов проводила группа Мельникова (Днепропетровск), в цехе № 9 работали группы Д. Федорова (Таганрог) и А. Позивая. В цехах №№ 4—7 — группа В. Ковалева (Днепропетровск) и Д. Михайлова (Москва) (Там же).— 102.

21) Завод «Густлоф-верке» подвергся первой массированной бомбардировке в полдень 24 августа 1944 г. (См. ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, л. 14).— 102.

22) Об аналогичных фактах расстрела заключенных в филиалах Бухенвальда — Веймаре, Эйзенахе и Готе — свидетельствуют показания бывшего шофера гестапо В. Кельнера (см. ЦГАОР, ф. 7021, оп. 19, д. 188, л. 7).— 105.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ТАИЛАНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(конец XIX — начало XX в.)

Начало проникновению европейцев в Таиланд (до 1939 г.— Сиам) положили португальцы еще в XVI в. Затем там появились испанцы, голландцы, англичане, французы. Они основывали торговые фактории, через посредство которых за бесценок скупали драгоценные камни, слоновую кость, медь, кожи, пряности и др.

По мере развития капиталистических отношений в основных странах Европы и в Северной Америке и создания мирового рынка, методы колониальной эксплуатации начинают изменяться. Если в эпоху первоначального накопления из Таиланда, как и из других азиатских стран, выкачивались преимущественно различные богатства, причем взамен не осуществлялось никаких поставок, то в XIX в. Таиланд постепенно становится рынком сбыта для промышленных товаров Англии, Франции и США, а также источником сырья и продовольствия. В 1826 г. был заключен неравноправный политический и торговый договор между Англией и Таиландом, а в 1833 г. подписан американо-таиландский торговый договор. По этим договорам англичане и американцы получили право свободной торговли в таиландских портах, чем они не замедлили воспользоваться для закабаления страны. Так, например, США направляли туда многочисленных миссионеров, а также ввозили в большом количестве спиртные напитки. Американский историк Вирджиния Томпсон пишет, что в Таиланд ехало два типа американцев: «одни — с целью обращать в христианство местных жителей, а другие — чтобы их спаивать» [1].

В дальнейшем Таиланду были навязаны новые неравноправные договоры с Англией и США (1856 г.), Пруссией (1862 г.) и Францией (1867 г.), в результате которых он превратился в зависимую страну.

Конец XIX в. явился тем периодом, когда капиталистический мир вступил в стадию империализма, знаменовавшуюся резким усилением колониальной экспансии великих держав в Африку и Азию, ожесточенной борьбой за рынки сбыта и источники сырья. Занимая выгодное стратегическое положение в центральной части Индокитайского полуострова, обладая такими важными природными богатствами, как олово, вольфрам, железные и медные руды, золото, свинец, сурьма, являясь крупным поставщиком риса и тикового дерева, Таиланд становится одним из основных объектов экспансии Англии, Франции и США.

После захвата Тонкина Францией в 1884 г. и Бирмы Англией в 1885 г. Таиланд оказался в окружении колониальных владений этих держав, которые стремились к полному его порабощению. Западные державы прибирали к рукам сырьевые ресурсы страны, сажали во все области государственного управления своих советников, отторгали от Таиланда его территории. В. И. Ленин писал по поводу книги Супана «Территориальное развитие европейских колоний»: «Особенно наглядно процесс грабежа туземцев европейскими странами выступает в изложении *дележа* Дальней

[1] V. Thompson. Thailand, the New Siam. New York, 1941, p. 203.

Индии (Сиам с британской «Бирмой» или Бирманией с запада и французским Индокитаем с востока)» [1].

В 1893 г. французские империалисты произвели вооруженное нападение на Таиланд и навязали ему кабальный договор, на основании которого добились для себя многих привилегий в этой стране, а также большой контрибуции. Однако даже столь неравноправный договор мало удовлетворял французских колонизаторов, и они стали на путь его нарушения. Начались более чем десятилетние переговоры между Францией и Таиландом, приведшие к заключению неравноправного договора 1904 г.

Таким образом, речь шла о подготовке к полной ликвидации государственной самостоятельности Таиланда, к разделу его между английскими и французскими империалистами.

Перспектива превращения Таиланда в колонию Англии и Франции побуждала таиландское правительство искать поддержку других держав, и прежде всего России.

В своей записке, составленной в сентябре 1897 г., русский генеральный консул в Нью-Йорке, впоследствии первый русский дипломатический представитель в Таиланде Оларовский писал: «Нет ничего удивительного, что при частых пограничных недоразумениях, случающихся с Францией, благодаря, хотя и косвенно, Англии, взирающей после покорения Верхней Бирмы завистливым оком на долину Менама, сиамский король не особенно спокоен за свою независимость и ищет нашей санкции для поддержания таковой. Король рассчитывает, что устройством императорской миссии в Сиаме мы санкционируем его независимость и тем самым окажем ему нравственную поддержку в его далеко нелегкой задаче охранять независимость своего королевства, очутившегося среди двух могущественных европейских держав, добивающихся захватов его территории...» (док. № 6).

Обращение таиландского правительства за поддержкой к России нашло благожелательный отклик. В 1898 г. русское правительство по его просьбе приняло решение установить с Таиландом дипломатические отношения. В инструкции первому русскому поверенному в делах в Таиланде Оларовскому подчеркивалось, что вся его деятельность «должна идти навстречу той искренности и приязни, кои положены Сиамом в основу отношений своих к России; равным образом она должна быть лишена всяких корыстных побуждений и стремлений исторгнуть те или иные выгоды; наконец, она должна отвечать и ожиданиям страны встретить со стороны России столь желанное к ее интересам участие и найти в последнем необходимую нравственную опору в неравной борьбе с ее могущественными соседями» (док. № 7).

Как показывают публикуемые документы, Россия по просьбе таиландского правительства и лично короля Чулалонгкорна, а также по собственной инициативе неоднократно оказывала Таиланду поддержку в разрешении спорных вопросов с Францией, что способствовало сохранению его независимого существования.

В результате между обеими странами сложились дружественные отношения, которые полностью соответствовали национальным интересам двух народов.

Ниже впервые публикуются документы, освещающие историю дружественных связей между Россией и Таиландом, а также показывающие экспансию западных держав в Таиланде.

Некоторые из документов приводятся в извлечениях; составителем опущены места, не имеющие отношения к рассматриваемому вопросу. Все документы хранятся в Архиве внешней политики России (АВПР).

О. Ф. Соловьев

---

[1] В. И. Ленин. Тетради по империализму, 1939, стр 250.

№ 1

Письмо русского нештатного вице-консула в Сингапуре Х. Вампоа командиру транспорта «Гиляк» К. Л. Энквисту о желании Таиланда заключить договор о торговле и дружбе с Россией

усское вице-консульство в Сингапуре Сингапур, 14 декабря 1865 г.

Сэр!

Имею честь сообщить Вам в порядке информации, что во время недавнего разго-ора с сиамским консулом в Сингапуре Фам Ким Чингом последний сказал, что его еличество король Сиама был бы очень счастлив встретить в своей столице Бангкоке редставителей его величества государя императора всея Руси в целях заключения оговора о торговле и дружбе, которого он очень желает. Ввиду вышеизложенного рошу Вас информировать об этом его светлость министра иностранных дел.

Имею честь и прочее Х. Вампоа

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1795, л. 37.— Подлинник на английском языке.

№ 2

Рапорт командира русского военного транспорта «Гиляк» К. Л. Энквиста в Азиатский департамент МИД России о посещении Бангкока

Мульмейн [1]), 24 декабря 1865 г.

В бытность мою в Сингапуре, в половине декабря прошедшего 1865 г., вице-кон-ул наш в этом городе г. Вампоа обратился ко мне с просьбою сперва словесно, а отом письменно довести до сведения его сиятельства господина министра иностран-ых дел о большом желании со стороны сиамского короля иметь официальные и тор-вые сношения с Россией. Желание это передал г-ну Вампоа сиамский консул в Син-пуре Фам Ким Чинг.

Представляя в Азиатский департамент Министерства иностранных дел подлинное исьмо ко мне от г-на Вампоа для доклада его вашему сиятельству, я, со своей сто-оны, долгом считаю присовокупить, что по скорому уходу из Сингапура не мог со-ать подробных сведений о выгодах, могущих последовать для нашей торговли от ошений с Сиамом, и в настоящее время в состоянии сообщить только то, что ngkok (столица королевства) ведет торговлю хлопчатой бумагой, сахаром, перцем, зовым деревом и в особенности тиком [2]) (teak), который здесь, как уверяет г. Вам-а, дешевле, чем в Мульмейне, откуда мы получаем тик для надобностей флота.

В Бангкоке уже есть консульства американское, английское, французское и пор-гальское.

Еще имею честь донести, что тик в Мульмейне дорожает и будет дорожать с каж-им годом по причине недостатков в самом лесе, добывание которого из внутренности раны становится все более и более затруднительным.

Более обстоятельное донесение, основанное на официальных и других наиболее стоверных источниках, я буду иметь честь представить по прибытии с вверенным не транспортом в Россию или с мыса Доброй Надежды, куда я, независимо от де-емых мною лично изысканий, просил г. Вампоа адресовать все собранные им све-ния по предмету предложения сиамского короля.

Командир военного транспорта «Гиляк» капитан-лейтенант К. Энквист

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1795, лл. 38—39. — Подлинник.

№ 3

Из донесения русского консула в Сингапуре А. И. Выводцева директору Азиатского департамента МИД России И. А. Зиновьеву о посещении Бангкока и желательности установления торговых отношений с Таиландом

Сингапур, 21 марта 1891 г.

Милостивый государь Иван Алексеевич!

В бытность мою в Бангкоке сиамский министр иностранных дел принц Дева вонгзе сообщил мне, по поручению короля, что, имея торговые трактаты почти с всеми государствами, его величество желал бы заключить таковой же с Россией, ко нечно, на правах наиболее покровительствуемых государств.

Прилагаемый у сего проект трактата[1] составлен по образцу последнего по вре мени трактата, заключенного между Сиамом и Японией. Предполагая подвергнуть че рез год пересмотру все трактаты, сиамское правительство добивается заключения та кого предварительного договора и с Россией.

Я, конечно, ответил принцу Девавонгзе, что я не считаю себя в праве высказат какое-либо, даже частное, мнение по сему поводу, но, с ведома его императорског высочества, которому сей проект был мною доложен, представлю на усмотрение Ми нистерства иностранных дел.

Через месяц сиамский король отправляет в Россию своего брата принца Дамро га, чтобы преподнести его императорскому величеству сиамский орден «Чакри». Прин цу же будет поручено хлопотать о трактате. Во всем Сиамском королевстве находя ся лишь трое русских, из них двое — гг. Саломон и Гейст находятся на государстве ной службе, а третий — г. Иви, вместе с другими лицами разрабатывает на север Сиама руды, в которых находят сапфиры и рубины.

Быть может, успех Иви привлечет и других наших соотечественников в богаты руды Сиама, где обилие риса и тикового дерева может со временем привлечь и ком мерческие пароходы под русским флагом. Я посему в принципе полагал бы в высше степени целесообразным заключение торгового договора с Сиамом, причем на перво время консул в Сингапуре мог бы быть аккредитован и в Бангкоке...

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1795, лл. 50—51. — Подлинник.

№ 4

Из донесения А. И. Выводцева директору Азиатского департамента МИД России Д. А. Капнисту о предстоящей поездке в Россию принца Дамронга и о французских планах в отношении Таиланда

Сингапур, 15(27) июля 1891 г.

Брат сиамского короля его королевское высочество принц Дамронг со свитой 6 человек едет с ближайшим пароходом в Европу по поручению короля, чтобы пр поднести его императорскому величеству государю императору высший орден сиа ский «Чакри», украшенный алмазами. Принц едет в Лондон, где заказаны орденск знаки, и по сношении с императорским посольством относительно времени, когда е величество изволит возвратиться из предполагаемой августейшей поездки в Дани принц Дамронг поедет в С.-Петербург.

Принц, которого я знаю хорошо из поездки моей в Сиам, был у меня, обедал меня со своей свитой и очень горд и счастлив, что на его долю выпала честь поеха в С.-Петербург. Он очень боится холода — неизвестной величины в наших тропич ских странах — и очень опасается, чтобы его приезд в С.-Петербург не совпал с

[1] Проект не публикуется.

чалом морозов. Принц хорошо владеет английским языком и занимает в Сиаме пост министра народного просвещения. В его свите находятся; маркиз де Деве, коммодор Дю Плесси де Ришелье, принц Пром, бароны: Сунторн, Рамчат и Сарагут.

Хотя принц уверяет, что он не имеет никакой особой политической миссии, кроме поднесения ордена его величеству, но я полагаю, что сиамские дела будут предметом разговоров, и считаю долгом отдать в распоряжение вашего сиятельства те сведения, какими я располагаю.

В одном из моих предыдущих донесений я имел честь описать внутреннее положение Сиамского королевства. Правильное и успешное развитие Сиама, преуспеяние его финансов и постепенное совершенствование его на пути к просвещению всецело зависит от сохранения мира, а миру этому грозит серьезный подвох со стороны Франции.

Известно, как мало успехов сделала Франция в Кохинхине. Неумелое управление туземцами, интриги посредственных личностей в погоне за дешевой славой, сделало французов непопулярными и нелюбимыми, особенно в Тонкине, где, как утверждают, проявляется зародыш опасного брожения, могущего очень скоро окончиться восстанием туземцев. На место слабого г. Пике генерал-губернатором Кохинхины назначен энергичный, но нетерпеливый г. де Ламессан, который, по-видимому, хочет преподнести отечеству новые владения в Азии...

В Сиаме не отрицают возможности подобного завладения и, помимо приготовлений к вооруженному сопротивлению, принимают меры, чтобы парализовать вторжение. Постройка железных дорог от Кората к Бангкоку привлечет к Сиамскому заливу все богатое население провинций, не симпатизирующих иностранцам, и Франции останется лишь новый повод к внутренним беспорядкам и продолжительные споры из-за границы с Сиамом и с Бирманией.

Во всяком случае, успех де Ламессана, если таковой будет, принесет ему временную славу, но мало выгоды его отечеству, ибо скоро обнаружится оборотная сторона мишурной медали.

Я не имею, конечно, притязания на непогрешимый взгляд, но таково мнение знатоков восточных дел вообще и сиамских в особенности. Меня поэтому не удивит, если принц Дамронг в С.-Петербурге выскажется по этому вопросу, и я был бы счастлив, если бы предыдущие строки могли в некоторой мере послужить министерству справочным материалом.

Мне кажется, что с заключением торгового трактата с Сиамом там представилось бы благоприятное поле для приобретения сведений об азиатских делах. Не менее интересно было бы аккредитовать агента в Сайгоне, где французы охотно дадут экзекватуру. Консулу в Сингапуре удобно совместить обе должности без затруднений и расходов, кроме поездок в Сайгон.

В заключение позволю себе предусмотреть возможность пожалования орденов лицам сиамского посольства и считаю долгом заранее заявить, что принц Дамронг и коммодор Ришелье, которых изволил представлять е. и. в. наследник цесаревич, вероятно, уже получат ордена раньше прибытия в Россию, судя по запросу вашего сиятельства по телеграфу. Что же касается остальных, то маркизу Деве можно пожаловать орден 2-й степени со звездой, принцу Пром — орден 2-й степени, а трем баронам — 3-й степени.

Принц Дамронг говорил мне, что он счел бы себя счастливым, если бы ему были пожалованы портреты государя императора и государыни императрицы с высочайшими подписями.

Покорнейше прошу, ваше сиятельство, принять уверение в отличнейшем моем почтении и преданности.

А. Выводцев

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1795, лл. 61—65. — Подлинник

№ 5

Депеша русского посланника в Китае А. П. Кассини министру иностранных дел России Н. К. Гирсу о вооруженном нападении Франции на Таиланд

Пекин, 28 июля 1893 г.

Милостивый государь Николай Карлович!

Телеграммою моею от 5-го сего июля я уже имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства о происшедшем в Сиамском заливе вооруженном столкновении между французскими военными судами «Comète» и «Inconstant» и небольшой сиамской эскадрой из шести канонерских лодок старого образца, поддержанных береговыми батареями. Дело кончилось в пользу двух небольших французских судов, которые, одолев силы противника, форсировали затем вход в реку Менам, защищенный торпедами, прошли до Бангкока и бросили якорь против королевского дворца.

Впечатление, произведенное на сиамцев этим энергическим шагом было чрезвычайно сильно; если только Сиам будет предоставлен собственным силам, то, я полагаю, он оставит всякие поползновения оказать серьезное сопротивление и поспешит уступить своему сильному противнику левый берег Меконга, согласившись на уплату 3 миллионов военного вознаграждения, потребованных французским правительством. Решившись вступить в вооруженное столкновение с Францией, сиамское правительство, очевидно, рассчитывало на поддержку Великобритании. Но, с завистью и беспокойством следя за военными событиями в Сиаме, последняя в то же время не сочла возможным открыто взять сторону этого королевства, дабы не вызвать серьезных и весьма неудобных для нее политических осложнений с Францией, чего, очевидно, Англия всячески старается избежать. С другой стороны, те же самые причины остановят, вероятно, и французское правительство от слишком широкого пользования легкою победою над противником, оказавшимся еще более слабым, чем это можно было предполагать, и, как уже было сказано выше, требования Франции ограничатся левым берегом Меконга, военным вознаграждением и возмещением убытков, понесенных живущими в Сиаме французами вследствие указанных осложнений.

С неменьшим, чем великобританское правительство, вниманием следило за разыгравшимися в Сиаме событиями правительство Китая и не без некоторого чувства страха наблюдало за отважным действием двух небольших французских военных судов, с такою легкостью справившихся с сиамскою эскадрою, береговыми батареями и минным заграждением, долженствовавшими защищать вход в реку Менам. При всем своем самомнении китайское правительство должно было увидеть в этом факте предостережение, быть может, даже угрозу для себя. Как бы ни было, военный успех этот поднял в глазах Китая обаяние Франции, которое, надо признаться, сильно пошатнулось за последние годы благодаря различным причинам, к которым я еще буду иметь честь возвращаться.

С глубочайшим почтением и проч.

А. Кассини

АВПР, ф. «Китайский стол», д. 111, лл. 74—75. — Подлинник.

№ 6

Из записки русского генерального консула в Нью-Йорке А. Е. Оларовского о Дальнем Востоке

Не позднее 12 октября 1897 г. [1]

Судя по последним событиям на Дальнем Востоке, мы не можем не порадоваться той симпатии и тому доверию, с которым начали относиться к нам азиатские на

[1] Датируется по времени поступления в МИД России.

роды вообще, а народы Дальнего Востока в особенности, за исключением, может быть, Японии. Наконец-то китайцы и другие народности Азии убедились, что постоянно внушаемая им западными державами мысль о наших территориальных захватах, о нашем якобы порабощении и уничтожении народностей, поддавшихся нашему влиянию, о нашей ненасытной жадности к завоеваниям и т. п. — несуществующий вымысел, создавшийся с целью устранения тяготения Дальнего Востока к нам, тяготения, которое в силу непредвиденно сложившихся обстоятельств уничтожить западным державам будет очень трудно. Весь Восток и вся Азия, как свободная, так и порабощенная, поняли, что сохранение первыми их независимости, а вторыми их индивидуальности зависит от России.

Горьким опытом убедились те из них, которые променяли дружбу и расположение России на дружбу некоторых европейских держав, доведшую их не только до унижения, но и до финансовых и политико-экономических затруднений. Нужно надеяться, что Китай и другие азиатские государства не впадут вторично в те ошибки и не променяют расположение России на расположение некоторых других европейских государств, основанное на личных выгодах без расчета взаимности. Нет также сомнения, что нам придется зорко следить за происками Англии и Германии как наиболее заинтересованных стран в преобладании на Дальнем Востоке и в интригах против нашего там влияния: политические ошибки часто делались всеми, и я отнюдь не делаю исключения для восточных государств, в которых иногда из личных денежных выгод лиц, стоящих во главе управлений, делались ошибки намеренные, как это было в Китае, Японии и Корее, но, мне кажется, в таких случаях обязанность наших представителей устранять подобные явления.

Сиамский король, следя внимательно за ходом событий на Дальнем Востоке и имея перед собой уже примеры вреда, приносимого его королевству интригами Англии, которые, благодаря только укрепившейся в Индокитае Франции, ограничиваются пока захватом промышленности Сиама, не решаясь на захваты территориальные, естественно должен был искать, как и другие восточные государства, покровительства государя императора, а пользуясь уже, со времени посещения государем императором Сиама, милостивым расположением его величества, завязать и дружественные сношения не только политического характера, но и торгово-промышленного. Нет ничего удивительного, что при частых пограничных недоразумениях, случающихся с Францией благодаря, хотя и косвенно, Англии, взирающей после покорения Верхней Бирмы завистливым оком на долину Менама, сиамский король не особенно спокоен за свою независимость и ищет нашей санкции для поддержания таковой. Король рассчитывает, что устройством императорский миссии в Сиаме мы санкционируем его независимость и тем самым окажем ему нравственную поддержку в его далеко не легкой задаче охранять независимость своего королевства, очутившегося среди двух могущественных европейских держав, добивающихся захватов его территории и не решающихся на это благодаря только антагонизму, существующему между ними. Король хорошо понимает, что если только Франция и Англия найдут исходную точку для согласования своих интересов, Сиамскому королевству не сдобровать, и что из независимого короля ему придется обратиться в вассала того, либо другого из могущественных своих соседей: чтобы отчасти парализовать действия вышеупомянутых двух государств, король сначала был доволен возраставшей германской торгово-промышленной деятельностью, побудившей Германию войти с ним в более дружественные отношения назначением министра-резидента в Бангкоке, но постоянно возрастающее торговое могущество Германии, заставляющее последнюю искать мест и территории для германской колонизации, возбудило в последнее время недоверие к ней короля и побудило его искать в других государствах опоры и поддержки и стараться завязать более тесные торговые и дипломатические сношения с ними. Он глубоко убежден, по словам лиц, прибывших недавно из Сиама, что с помощью государя императора, столь милостиво и сердечно относящегося к нему, ему удастся устранить и уладить все недоразумения, происходящие между Сиамом и Францией, и установить между ними более тесные и дружественные отношения, для восстановле-

ния которых почва в Сиаме подготовлена личными его симпатиями к Франции. Король сиамский убежден, что устранением недоразумений с Францией, благодаря нашему содействию, независимость Сиама будет обеспечена, и позволит ему заняться исключительно внутренним устройством государства, легко поддающегося просвещению и цивилизации. По моему крайнему разумению, нам, ввиду создавшегося на острове Цейлоне, центре чистого буддизма, движения к религиозно-духовному объединению всех старо-буддистов, маленьким Сиамским королевством пренебрегать не следует. Возникающее движение старо-буддистов, т. е. таких буддистов, которые сохранили учение Будды в первоначальном его духе, собирается, как носятся слухи между буддистами здесь, обратиться к его величеству королю Чулалонгкорну и просить его принять на себя звание главного духовного иерарха буддизма, положение, соответствующее положению папы. Слухи эти весьма правдоподобны ввиду именно того, что буддийское учение в первоначальной его форме сохранилось в настоящее время между независимыми государствами только в Сиаме; в Китае форма буддизма извращена, в первоначальном же его виде сохранилась только в виде буддийской секты на юге Китая, в Японии и Корее тоже; следовательно, последователям чистого буддизма нет другого выбора, как только выбор короля сиамского. Возникающее движение за сохранение буддийской религии в первоначальной ее форме — движение не новое, оно началось года два тому назад и оформилось, как мне говорили, только с нынешнего года, вследствие присоединения к буддизму некоторых американских якобы философов. Если движение это действительно существует и если сиамский король будет избран главным иерархом, значение и престиж его среди буддистов поднимется очень высоко...

Причиной натянутых отношений между Францией и Сиамом служит видимое тяготение Сиама к Англии, происходящее не столько от симпатии короля к Англии, сколько из боязни, а также отчасти и поневоле, ибо Англия при всяком удобном случае внушает королю, что ему, ввиду завоевательных стремлений Франции, спасение только в тесном сближении с Англией, а всякое сближение, конечно, возбуждает подозрения Франции, которая, и совершенно справедливо, видит, что все политические стремления Англии в Индокитае и на южной границе Китая направлены против нее. Раз найдена будет Францией возможность умалить значение Англии в Индокитае и устранить торгово-поступательное движение ее на южнокитайской границе, отношение ее к Сиаму изменится к лучшему.

Первый шаг в этом направлении Англия получила сближением Франции с Китаем, последствием чего явилась жераровская конвенция[3], по которой Китай согласился на исправление тонкинской границы, уступку территории к востоку от реки Меконг. На французские товары уменьшены внутренние пошлины, соединены французские и китайские телеграфные линии в Сымао (Шумао) и Монкае. Франция получила право на соединение своих железных дорог с китайскими линиями, имеющими быть устроенными в Юннане, Гуанси и Гуандуне, для французской торговли открыты города Сымао (Шумао), Хокхой и Тунхин. Жераровская конвенция бесспорно отстранила и помешала Англии в ее торгово-поступательном движении из Бирмы на Юннань, на что своевременно указывали правительству королевы не только английская пресса, но и различные торговые палаты и ассоциации. Сумеет ли Англия вновь парализовать приобретенные французской дипломатией выгоды и в каком направлении, покажут только последующие политические события Дальнего Востока, который бесспорно в настоящее время становится центром политического соревнования и политических комбинаций всех европейских держав, коих мы бесспорно должны явиться вершителями и ни в коем случае не допускать создания нового восточного вопроса со всеми его последствиями.

А. Оларовский

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, лл. 23—26, 34—35.— Подлинник.

№ 7

Из инструкции МИД России А. Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде

С.-Петербург, 21 февраля 1898 г.

Ввиду предстоящего отъезда Вашего к новому месту служения в Бангкок, где в ачестве поверенного в делах и генерального консула Вы явитесь первым из пред- авителей России на берегах Менама, считаю долгом снабдить Вас некоторыми ука- аниями, кои должны служить руководством в предстоящей Вам деятельности.

Указания эти будут главным образом носить характер общих начал и направ- яющих мыслей о соотношениях держав на почве их интересов в Индокитае и о ой политической роли, которая в данном случае могла бы быть уделом нашей могу- ественной империи.

В отношении же различных вопросов материального свойства [4] соответствующая струкция дана Вам будет тогда, когда, по изучению настоящего положения вещей стране, Вы доставите императорскому министерству весь необходимый материал я суждения об означенных вопросах.

История Сиамского королевства восходит к временам глубокой древности, и стные о ней предания представляют бесконечное сплетение мифов и легенд, не ддающихся какому бы то ни было критическому изучению. Лишь с половины V в. является возможность проследить ход внутренней жизни страны в связи с разованием и сменою царских династий на троне повелителей Сиама. Имеющиеся этой эпохе сведения не заслуживают, однако, особого внимания: за долгий период емени они сводятся исключительно к повествованиям о внутренних междуусобицах столкновениях с соседями, о частых дворцовых заговорах и возмущениях, состав- ющих отличительные черты истории многих государств азиатского Востока. Толь- с XVII в., когда Сиам стал входить в соприкосновение с Западом, дальнейшая дьба его становится интересной и начинает приобретать значение для европей- их государств, стремившихся завязать сношения с этой страной. Первыми в этом правлении выступили англичане и португальцы, а затем французы; причем обая- е, коим при Людовике XIV и в дальних краях пользовался Версальский двор, по- ужило даже основанием к дружелюбному обмену посольствами между Францией и амом. Но установившиеся сношения продолжались недолго. В течение всего VIII в. деятельность европейцев в стране ограничилась лишь учреждением несколь- х торговых факторий; но в начале текущего столетия она значительно оживилась, в Сиамском заливе вновь появились англичане, а затем американцы и французы, паривая друг у друга первенство в политическом и торговом отношениях, а в то время соперничая и на почве религиозной пропаганды. Бангкок стали посещать да западных держав; европейские консулы, миссионеры и торговые люди мало- малу образовали в столице государства довольно многочисленную колонию иност- нцев; а в 1833 г. американцам удалось даже заключить с Сиамом договор о друж- и торговле. Но лишь со вступлением в 1851 г. на престол отца нынешнего короля ам широко раскрыл свои двери европейцам, и недоверчивое к последним отношение тупило место вполне либеральным течениям. Последними не замедлили восполь- заться Франция и Великобритания для заключения договора с Сиамом, дабы путем им добиться уничтожения монополий, уменьшения таможенных пошлин и обеспе- ния права свободной торговли. Усилия их увенчались успехом, и с этого момента названные державы не перестают властно предъявлять свои права на преобла- ющее в стране положение в целях своей колониальной политики и, постепенно ня Сиам с запада, севера и востока, окружают его, наконец, непрерывною цепью их владений.

История постепенных захватов Франции и Англии в Индокитае отражает собой ьбу двух колониальных начал, воплощаемых этими державами.

Властители Индии не могут, конечно, спокойно смотреть, как в соседстве с последней растет и крепнет новая франко-восточная держава; всякий успех Франции в указанном направлении является угрозой для их интересов, отражаясь на обаяни Англии в этих краях. Понятно поэтому, что отношения двух соперников на почв Сиама носят на себе характер постоянной борьбы, глухой, но упорной, не доходяще до открытого разрыва лишь вследствие опасений Англии вызвать столкновение, которое в случае неудачного исхода может окончательно подорвать значение колониального могущества Великобритании. Предотвратить возможность подобной развязки представляется для Англии тем более важным, что всякое поступательное движение Франции на пути утверждения ее влияния в пределах загангетической Индии [5]) облегчает ей осуществление упорно преследуемой задачи — расширить област своей торговой и промышленной деятельности в южных провинциях Китая, составляющих в то же время предмет своекорыстных вожделений Англии. С этой точк зрения рамки вопроса расширяются и отношения двух держав в Сиаме ближайши образом затрагивают весьма существенные интересы их на обширном пространств сопредельных владений Поднебесной империи, ставшей ныне яблоком раздора межд государствами запада.

Вышеизложенными соображениями вполне объясняется стремление Англии пойти на соглашение со своей соперницей, дабы так или иначе связать ее известным обязательствами, которые могли бы служить некоторым обеспечением против поползновений Франции расширить свои индокитайские владения на счет соседнег королевства.

В начале 1896 г. лондонскому кабинету удалось обменяться декларацией с парижским относительно общего положения Сиама и определения границ между Тонкином и Бирмой вдоль по течению верхнего Меконга. Декларация эта служит ны положительной основой отношений двух соперников в долине Менама. Она имее целью нейтрализовать в известной степени территорию сиамского властителя, обязывая договаривавшиеся стороны воздерживаться от всяких захватов и агрессивны действий.

Едва ли, однако, возможно рассчитывать на вполне искреннее соблюдение сторонами принятых на себя обязательств. Вызывающий характер французской политики в отношении к Сиаму как бы служит подтверждением этой мысли, и по этом поводу нельзя не указать на препирательства бангкокского правительства с Францией из-за несомненно пристрастного толкования ею постановлений договора, зключенного с королевством в 1893 г. Такой образ действий в значительной степен подрывает авторитет местной власти, создает крайние затруднения в делах судебны в вопросах о воинской повинности, а главное дает Франции постоянное основан вмешиваться во внутренние распоряжения сиамского правительства, производить н него известное давление и стараться подчинить его своему влиянию.

Недоразумениям, возникающим по всем указанным поводам, трудно предвиде конец, так как все жалобы и объяснения Сиама оставляются без внимания и, по-вдимому, французское правительство вовсе не торопится окончательно упорядочи отношения свои к королевству на основании V статьи договора 1893 г. и приступи к установлению таможенного распорядка и правил о торговле в пограничной поло а также заняться пересмотром договора 1856 г., как бы намеренно сохраняя извесную неопределенность во всех этих делах, дабы пользоваться этим обстоятельств в целях своей политики.

С другой стороны Англия не перестает простирать вожделений своих на ве Малаккский полуостров, признающий свою вассальную от Сиама зависимость, и н конечно, сомнения, что вышеуказанный образ действий Франции дает лондонско кабинету достаточно оснований идти по намеченному выше пути и укреплять св положение в странах, столь близко лежащих к главному пути морских сообщен Европы с Крайним Востоком. Стремление овладеть Малаккою получает еще бол шее значение, если принять во внимание возможность осуществления в будущ возникшего предположения о том, чтобы прорезать перешеек Кра морским канал

и тем не только сократить упомянутый путь международных сообщений, но в значительной мере облегчить и местное передвижение, что, несомненно, представляет существенную важность для интересов Великобритании в этих краях.

Из всего вышеизложенного вполне ясно выступает печальная картина настоящего положения Сиама: с двух сторон медленно теснят его грозные противники, не щадящие усилий к достижению намеченной цели — постепенного поглощения богатейшей долины Менама, и едва ли возможно сомневаться в том, что в недалеком будущем более смелый и решительный соперник не оставит воспользоваться обстоятельствами, чтобы привести в исполнение свои корыстные замыслы.

Просвещенный правитель королевства не может не сознавать грозящей его государству опасности и, ввиду неравной борьбы с соседями, не искать извне хотя бы нравственной поддержки, которая облегчила бы ему возможность отстаивать самостоятельность своих владений и спокойно следовать по намеченному им пути цивилизации и прогресса.

При таких обстоятельствах взоры Сиама естественно обратились к могущественной империи Севера, служащей в глазах всего Востока носительницей высших начал права и справедливости в противность политике захватов и насилий, столь последовательно проводимой ныне просвещенным Западом.

В такой постановке вопроса следует искать объяснения обнаруженного Сиамом тяготения к мощной России и выражаемых королем Чулалонгкорном чувств искреннего доверия и приязни, проявление коих было с полным доброжелательством встречено нашим августейшим монархом и послужило ближайшим основанием состоявшегося учреждения русского представительства при бангкокском королевском дворе.

Значение нравственной поддержки России, хотя и смутно, еще ранее сознавалось в стране, и Сиамом сделаны была робкие попытки завязать с нами непосредственные сношения.

Таким образом еще в 1865 г. сиамский консул в Сингапуре высказывал нашему вице-консулу в этом порту пожелания своего правительства заключить торговый с нами договор. Подобное же желание было затем высказано в 1882 г. начальнику нашей эскадры в Тихом океане в бытность его в Сиаме, а после того бангкокское правительство через генерального консула Северо-Американских Соединенных Штатов просило уведомить о принятом решении по поводу сделанного нашему адмиралу заявления.

Но могучий толчок пробудившемуся влечению Сиама в сторону России был дан состоявшимся посещением бангкокского двора всемилостивейшим государем нашим в качестве русского престолонаследника в 1891 г. во время предпринятого на Дальний Восток путешествия.

Оказанный его императорскому величеству королем Чулалонгкорном и всем населением страны торжественный прием, полный самого искреннего радушия и внимания, явился той данью признательного уважения, которую король, а с ним вместе и все его подданные в лице высокого своего гостя желали воздать русскому царю и России, благодетельное влияние коей не перестает сказываться на общее течение мировых событий.

С этого момента король не переставал пользоваться каждым представлявшимся случаем, дабы в той или другой форме проявлять питаемые им чувства, и состоявшееся летом минувшего года посещение им императорского двора явилось последним, так сказать, заключительным шагом его в этом направлении.

Всего сказанного достаточно для того, чтобы в полной мере определить характер установившихся ныне с Сиамом отношений и того положения, которое необходимо будет Вам занять по приезде в Бангкок.

Ваша деятельность во всем ее объеме должна носить на себе отпечаток благожелательного внимания, которое августейшему монарху нашему благоугодно ныне проявлять как лично в отношении к его величеству королю сиамскому, так и к ближайшим судьбам управляемого им народа; она должна идти навстречу той искренности и приязни, кои положены Сиамом в основу отношений своих к России; равным обра-

зом она должна быть лишена всяких корыстных побуждений и стремлений исторгнуть те или иные выгоды; наконец, она должна отвечать и ожиданиям страны встретить со стороны России столь желанное к ее интересам участие и найти в последнем необходимую нравственную опору в неравной борьбе с ее могущественными соседями...

АВПР, ф. «Китайский стол», д. 103, лл. 3—12.— Подлинник.

№ 8

Выписка[1] из письма таиландского короля Чулалонгкорна Николаю II с просьбой оказать содействие в заключении договора с Францией

Бангкок, 7 марта 1898 г.

...Пользуясь этим случаем, хотел бы коснуться другого вопроса, а именно предполагаемой миссии принца Дамронга в Европу и, в частности, к вашему величеству с целью заключить от моего имени и при содействии дружественной и мощной поддержки вашего величества такое соглашение с Францией, которое было бы основано не на уступках, противоречащих ныне действующим трактатам и не совместимых с моими верховными правами и с независимостью моего королевства, а на истинном и справедливом применении и истолковании этих трактатов. Как никогда раньше, я желаю подобного соглашения и продолжаю сожалеть, что мое предложение передать все дело на арбитраж вашего величества, на что Вы с такой готовностью согласились, не было принято французским правительством. Тем не менее, я надеюсь, что французский министр-резидент г-н Дефранс, которого ожидали здесь два месяца и который должен, наконец, прибыть на днях, будет снабжен надлежащими инструкциями, могущими облегчить улажение этого затруднения. Во всяком случае верю, что ваше величество согласится со мной, что лучше задержать здесь принца Дамронга до тех пор, пока я не выясню этот вопрос, а также до того, как я увижу поверенного в делах вашего величества, который, возможно, привезет с собой какие-либо новые сообщения, с которыми принцу Дамронгу будет полезно до отъезда ознакомиться.

Чулалонгкорн

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, л. 39.— Подлинник на английском языке.

№ 9

Телеграмма МИД России русскому послу во Франции Л. П. Урусову с предписанием содействовать Таиланду в решении вопроса о Чантабуне

С.-Петербург, 15 апреля 1898 г.

Со времени посещения Бангкока генерал-губернатором Думером переговоры между сиамским правительством и французскими властями в Индокитае по вопросам пограничным приняли благоприятный оборот.

Вследствие сего государю императору благоугодно было высочайше повелеть Вам оказать возможное содействие к разрешению в желательном для Сиама смысле дела по очищению Чантабуна.

АВПР, ф. «Китайский стол», д. 103, л. 38.— Подлинник.

[1] Выписка сделана в бывшем МИД России.

№ 10

Письмо МИД России Л. П. Урусову с предписанием обратить внимание французского правительства на жалобы Таиланда по поводу действий французских консульских агентов в Индокитае

С.-Петербург, 2 июля 1898 г.

Согласно сообщениям нашего поверенного в делах в Бангкоке, сиамское правительство крайне озабочено продолжающимися между Францией и Сиамом недоразумениями как по делу о границах, отделяющих пределы королевства от колониальных владений Французской республики, так и по стоящему в тесной связи с оным вопросу о подданстве племен, населяющих правый берег Меконга.

Еще в минувшем году, в бытность короля Чулалонгкорна в С.-Петербурге, его величество обращался к императорскому правительству с просьбой об оказании с нашей стороны возможного содействия к улажению этих недоразумений к обоюдным выгодам соседних государств. Но так как пребывавший в то время в Париже сиамский посланник вступил с бывшим французским министром иностранных дел г. Гано в непосредственные переговоры, которые он надеялся привести к благополучной развязке, то мы не считали удобным принимать какое-либо участие в этом деле.

Между тем, как замечено выше, последние известия из Бангкока указывают, что взаимные между Францией и Сиамом препирательства продолжаются; королевское правительство главным образом жалуется на то, что французские колониальные власти, исходя, будто бы, из ложного толкования некоторых статей заключенного в 1893 г. между обоими государствами договора, стремятся подорвать авторитет и значение короля среди обитателей Меконгских прибрежий, причем консульские агенты республики снабжают последних, без всяких к тому оснований, французскими национальными видами, открывая таким образом исконным подданным Сиама возможность уклоняться от воинской повинности, либо укрываться от законных судебных преследований и т. п.

Все обстоятельства эти побудили сиамского министра иностранных дел вновь обратиться к нам, через посредство г. Оларовского, с ходатайством о нашем заступничестве.

Принимая во внимание, что задача России, не имеющей непосредственных интересов в Сиаме, заключается, между прочим, в оказании полного содействия к охранению добрых соседственных отношений между Сиамом и Францией, дабы соперничающая с последней в Индокитае Англия не могла воспользоваться какими-либо осложнениями в этой части Азии для своекорыстных видов, мы не видим препятствий к тому, чтобы ваше сиятельство, воспользовавшись удобным случаем, в самой дружеской форме обратили внимание министра иностранных дел Французской республики на сетования сиамского правительства по поводу продолжающихся между местными властями и французскими консульскими агентами недоразумений, устранение коих было бы желательно в интересах обоих государств.

АВПР, ф. «Китайский стол», д. 103, лл. 26—27. — Подлинник.

№ 11

Телеграмма министра иностранных дел России М. Н. Муравьева Л. П. Урусову в дополнение к письму от 2 июля 1898 г.

С.-Петербург, 4 июля 1898 г.

Pour compléter ma lettre du 2 juillet.[1]

Во избежание каких-либо недоразумений благоволите предварительно беседы с Делькассе[6)] по содержанию сего письма объясниться с сиамским посланником в Париже, предупредив его о возложенном на Вас поручении и сообщив ему общий смысл данных вам указаний.

АВПР, ф. «Китайский стол», д. 103, л. 28. — Подлинник.

[1] В дополнение к моему письму от 2 июля (см. док. № 10).

№ 12

Донесение Л. П. Урусова М. Н. Муравьеву о предпринятом им перед Т. Делькассе демарше в пользу Таиланда

Париж, 22 июля (3 августа) 1898 г.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

В конце прошлой недели по возвращении в Париж сиамского посланника я име
с ним совещание относительно своевременности сделать французскому министр
иностранных дел представление по поводу существующих недоразумений межд
сиамскими властями и французскими консульскими агентами в Сиаме.

Я объяснил посланнику свойство полученных мною от вашего сиятельства инст
рукций: что мне поручено, не входя в сущность и в разбор дела, обратить внима
ние парижского кабинета на неудобство продолжающихся между Францией и Сиа
мом препирательств и поставить на вид, что императорскому кабинету, весьма дру
жески расположенному к Сиаму, было бы приятно увидеть конец такого прискорб
ного положения дел.

Г-н Пья Сурия был крайне обрадован моим сообщением. Он сказал мне, что ви
дит в этой благосклонной заботливости нашего правительства новое доказательств
неоценимого участия государя императора к Сиаму и к его королю. Король Чулалон
корн, в бытность свою в Европе, был уже много обязан его императорскому величе
ству, не только облегчившему, но сделавшему возможным его приезд во Францию
что для него было весьма важно. Ныне же благодарности короля не будет предел
за оказанное с нашей стороны милостивое содействие. Говоря вообще о делах свое
родины, посланник прибавил, что положение их трудное, что Франция своею резко
политикою как бы заведомо бросает Сиам в объятия Англии и что в настоящую ми
нуту переговоры о протекционных билетах, выдаваемых французскими консулами
приостановлены вследствие нерасположения здешнего министерства, но что, тем н
менее, он считает крайне полезным и благовременным мое обращение по сему пред
мету к г. Делькассе.

Сообразно такому мнению г-на Пья Сурия, я воспользовался первым случаем пе
реговорить об этом деле с министром иностранных дел. Я сказал ему, что искренни
дружеские отношения между нашими двумя правительствами ставят нам в обязан
ность оказывать друг другу услуги; что настоящее вмешательство императорског
кабинета в дело, в коем Россия не имеет никаких непосредственных интересов, до
казывает лишь наше желание отвратить опасность, угрожающую в будущем инте
ресам Франции в тех странах; что мне поручено не давать советы парижскому каби
нету, а обратить только его внимание на положение дел, которым не преминет вос
пользоваться стоящая настороже Англия; эти соображения и вредные последстви
конечно, не ускользнули от проницательности французского правительства, но можн
предполагать, что находящиеся в отдалении агенты превышают свои инструкци
упуская из вида общую политическую пользу и увлекаясь чрезмерно местными ра
четами.

Г-н Делькассе отнесся самым чистосердечным образом к моим словам. Он изъя
вил искреннюю благодарность за участие императорского кабинета, а равно и сво
намерение воспользоваться этим предостережением. Хотя, по его мнению, сетовани
сиамского правительства неосновательны, так как число французских «протеже» н
увеличилось с 1893 г., однако он сам ознакомится ближе с этим делом и, кроме тог
сделает распоряжение о полном его рассмотрении в Министерстве иностранных де

Покорнейше прошу, ваше сиятельство, принять уверение в отличном моем по
тении и совершенной преданности.

Л. Урусов

P. S. 23 июля (4 августа). Сиамский посланник был у меня сейчас и настоятельно просил о том, чтобы императорское министерство благоволило сообщить нашему поверенному в делах в Бангкоке о моем разговоре с г. Делькассе касательно франко-сиамских отношений.

Л. Урусов

На документе помета Муравьева: Просьба сообщить содержание этой депеши г-ну Оларовскому в Бангкок.

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, лл. 67—70.— Подлинник.

№ 13

Телеграмма министра-резидента в Таиланде А. Е. Оларовского в МИД о благодарности таиландского короля за помощь в разрешении спорных вопросов с Францией

Бангкок, 9 (21) апреля 1899 г.

Думер уезжает завтра, базы новой конвенции определены согласно вчерашней телеграмме. Король телеграммою благодарит государя императора за помощь, оказанную нами, просит содействия в Париже и безусловного очищения Чангабуна.

Оларовский

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, л. 76.— Копия.

№ 14

Телеграмма М. Н. Муравьева Л. П. Урусову с предписанием содействовать Таиланду в решении вопроса об очищении французами Чантабуна

15 апреля 1899 г.

Со времени посещения Бангкока генерал-губернатором Думером переговоры между сиамским правительством и французскими властями в Индокитае по вопросам пограничным приняли благоприятный оборот.

Вследствие сего государю императору благоугодно было высочайше повелеть Вам оказать возможное содействие к разрешению в желательном для Сиама смысле дела по очищению Чантабуна.

М. Муравьев

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, л. 63.— Копия.

№ 15

Телеграмма МИД А. Е. Оларовскому с ответом на просьбу таиландского короля

Петербург, 16 апреля 1899 г.

От имени государя императора передайте королю сиамскому нижеследующую телеграмму:

«Осведомившись о желании вашего величества, я повелел послу своему в Париже оказать возможное содействие к благоприятному для Сиама разрешению вопроса по очищению Чантабуна».

АВПР, ф. «Китайский стол», д. 103, л. 39. — Подлинник.

№ 16

Телеграмма таиландского короля Чулалонгкорна таиландскому посланнику в России Борираксу с просьбой о содействии русского правительства в деле урегулирования разногласий с Францией

Не позднее 23 апреля 1899 г. [1]

Сообщите пожалуйста его императорскому величеству о дружеском визите ге
нерал-губернатора Индокитая и примите к сведению, что имеется некоторая надеж
да достичь окончательного урегулирования (два слова пропущены) [2] с Францией
Обращаюсь к его величеству с тем, чтобы русскому послу в Париже можно было бы
дать инструкции поддержать мое ходатайство, как естественный результат восста
новления взаимного доверия, о безусловной эвакуации Чантабуна.

Примите мою благодарность за Вашу доброту и засвидетельствуйте мое глубо
чайшее уважение императрице

Чулалонгкорн

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, л. 82.— Копия на английском языке.

№ 17

Депеша русского поверенного в делах в Таиланде А. Д. Калмыкова М. Н. Муравьеву о радушном приеме, оказанном экипажу русской канонерки «Гиляк», прибывшей с визитом вежливости в Бангкок

Бангкок, 11 (24) мая 1900 г.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Вечером 29 апреля (12 мая) к Бангкоку подошла канонерская лодка «Гиляк»
стала на якорь в Менаме. Прибытие ее произвело необыкновенное впечатление. Вну
шительный боевой вид судна и оригинальная постройка его вызывали всеобщее вни
мание, а гостеприимство и внимательная любезность наших моряков быстро приобре
ли им симпатии здешнего общества. Командир судна барон Индрениус, страдая о
нарыва на ноге, полученного в Персидском заливе, переехал в императорскую мис
сию, где пользовался услугами заведующего французским госпиталем доктора Пуа
высказавшего полную и совершенно бескорыстную заботливость, и благодаря сов
местным стараниям его и судового доктора Свечникова в здоровье командира пр
отъезде его было заметно улучшение.

Его величество король пожелал, чтобы все офицеры были ему представлены,
любезно беседовал с ними. Простившись с офицерами, король выразил мне свое удо
вольствие видеть русский флаг на Менаме, изъявил сожаление по поводу болезн
командира и с участием спрашивал меня о нашем министре-резиденте действитель
ном статском советнике Оларовском.

Морской министр принц Прачак дал обед в честь наших моряков, где присут
ствовали все командиры и старшие офицеры сиамского флота. 2 (15) мая был прие
в императорской миссии, и после него все иностранные представители посетили «Ги
ляк», где были встречены с соответственными почестями.

7 (20) мая «Гиляк» вышел в море, направляясь в Сайгон.

Посещение нашего судна было крайне приятно сиамцам, которые весьма ценя
всякий знак внимания к их отдаленной и как бы отрезанной по своему положени
стране.

Особенное внимание к нам было выказано французской и американской часть
общества.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашег
сиятельства покорнейшим слугою

А. Калмыков

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1782, лл. 11—12.— Подлинник.

---

[1] Датируется по времени получения телеграммы.

[2] Так в тексте.

№ 18

Депеша А.Е. Оларовского министру иностранных дел России В. Н. Ламздорфу о деятельности главного советника таиландского правительства бельгийца Роллен-Жакемина

Бангкок, 26 марта 1901 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич!

24 марта (6 апреля) главный советник сиамского правительства Роллен-Жакемин выехал из Сиама навсегда, департамент юрисконсультов, которым он управлял, уничтожен. Уезжая из Сиама, однако, г. Роллен-Жакемин не совсем покидает службу у сиамского правительства, так как последнее назначило его постоянным представителем сиамского правительства в Гааге при Международном третейском суде с жалованьем в две тысячи фунтов стерлингов в год. Последнее положение создано ввиду того, что г. Роллен-Жакемин находился на службе сиамского правительства всего 9 лет, и, следовательно, не мог получить пенсии. Большинство правительственных сфер в Сиаме довольно отъездом Роллен-Жакемина, считая его не без основания причиной многих политических и финансовых неудач страны. Большинство сиамцев совершенно справедливо упрекают его, во-первых, в создании инцидента с Францией в 1893 г., последствия которого до сих пор ощущаются изредка во взаимных отношениях Сиама и Франции; во-вторых, в понесении убытков по делу наследников американца Чика, которое могло быть окончено миролюбиво за 150 или 200 тысяч долларов, на уплату которых Роллен-Жакемин противился, несмотря на то, что другие советники были за сделку, и уговорил сиамцев предложить американскому правительству отдать дело на третейское разбирательство, на что, конечно, американское правительство согласилось, вполне убежденное в своей правоте. Дело это разбиралось главным английским судьей в Шанхае Ганеном, избранным обеими сторонами, решение Ганена было в пользу наследников Чика, и сиамцы присуждены были к уплате более шестисот тысяч долларов, т. е. более миллиона тикалов; в-третьих, наконец, по последнему третейскому разбирательству с Джардином и Матисоном, представителями Кларка, по поводу отобрания концессии Коратской железной дороги от последнего за невыполнение условий концессии, сиамцы дело проиграли и должны заплатить три миллиона тикалов с лишком, хотя дело это, как и дело Чика, могли покончить по взаимному соглашению за семьсот с небольшим тысяч тикалов.

В общем Роллен-Жакемин стоил очень дорого сиамскому правительству, и я не удивляюсь, что большинство сиамских государственных сановников довольно, что он уехал.

С другой стороны, нельзя также отвергать, что хотя пребывание Роллен-Жакемина в Сиаме не принесло пользы, а скорее было вредно в политическом и финансовом отношениях, но в законодательном он несомненно оказал Сиаму громадную пользу: благодаря ему Сиам скоро опубликует свод законов, составленный и выработанный Роллен-Жакемином с его сотрудниками — Шлессером и Франкфуртером, и нужно отдать полную справедливость Роллен-Жакемину, что там, где он не выходил из сферы своей специальности, как юриста, он несомненно был Сиаму полезен, но, к сожалению, честолюбие его влекло быть во главе всех отраслей управления, а главное — управлять политикой Сиама, в последнем же он оказался вполне несостоятельным.

Уезжая, г. Роллен-Жакемин объявил, что он издает книгу о деятельности своей в Сиаме и что он уверен, что книга эта обезоружит всех, кто нападал на него за его деятельность здесь.

С глубоким почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугой

Оларовский

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1782, лл. 72—75. — Подлинник.

№ 19

Нота таиландского посланника в России Пья Магибала В. Н. Ламздорфу с просьбой сделать представление в пользу Таиланда Т. Делькассе во время посещения им Петербурга

Петербург, 11 (24) апреля 1901 г.

Господин граф!

Не имея возможности засвидетельствовать Вам свое уважение сегодня днем, беру на себя смелость прибегнуть к перу, чтобы сделать Вам сообщение, которое при других обстоятельствах я предпочел бы передать Вам устно.

Ободренный тем высоким и благосклонным интересом, который его величество император, Ваш августейший повелитель, так же как и его правительство, неоднократно к нему проявляли, мое правительство поручило мне воспользоваться пребыванием в Петербурге Делькассе, чтобы обратиться еще раз к любезным услугам вашей светлости и просить Вас, г-н граф, если бы представился благоприятный случай, использовать Ваше влияние на Делькассе в наших интересах. Мое правительство хочет надеяться, что совет вашей светлости мог бы, вероятно, содействовать установлению сердечного и прочного согласия между обоими правительствами в вопросах, которые до сих пор не получили окончательного решения; такого согласия, само собой разумеется, которое пошло бы лишь на пользу хорошим отношениям, существующим между двумя странами.

Не желая утруждать вашу светлость лишними деталями, полагал бы возможным свести эти вопросы к трем группам:

1. Вопрос о покровительствуемых лицах и французских выходцах в Сиаме.
2. Окончательное разграничение между Францией и Сиамом.
3. Эвакуация порта Чантабуна.

Мое правительство с сожалением отмечает, что переговоры, начатые в октябре 1899 г. с целью урегулировать эти вопросы, были прерваны в марте месяце прошлого года в тот самый момент, когда участники переговоров, благодаря важным уступкам, сделанным моим правительством, достигли договоренности по главным пунктам и, следовательно, мое правительство могло льстить себя надеждой, что основа окончательного соглашения была заложена. Усилия, предпринятые с тех пор моим правительством, чтобы возобновить и продолжить эти переговоры, не увенчались успехом. В этих условиях мне было поручено сделать демарш перед вашей светлостью и мое правительство смеет надеяться, что не будет отказа в меру возможности оказать ему свое благожелательное содействие. Заранее выражая Вам благодарность, г-н граф, за прием, который Вы не преминете оказать настоящему сообщению, пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вам самое высокое уважение.

Пья Магибал

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, лл. 120—122.— Подлинник на французском языке

№ 20

Депеша В. Н. Ламздорфа Л. П. Урусову с предписанием содействовать урегулированию франко-таиландских отношений

19 апреля 1901 г.

Милостивый государь князь Лев Павлович!

Здешний сиамский посланник, в бытность г. Делькассе в С.-Петербурге, обратился ко мне с просьбой оказать путем личных объяснений с министром иностранных дел республики возможное содействие к скорейшему разрешению некоторых спорных между Францией и Сиамом вопросов.

Не имев возможности коснуться вопросов этих в беседах моих с г. Делькассе, но ризнавая, однако, желательным в интересах обеих сторон способствовать улажению х взаимных отношений, обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой оспользоваться первым удобным случаем, дабы объясниться с французским министром иностранных дел по содержанию прилагаемой у сего в копии ноты г. Пья Маибала от 11 апреля по настоящему предмету.

В ожидании Вашего уведомления о результате таковых объяснений пользуюсь лучаем, чтобы и т. д.

P. S. Здешний сиамский посланник только что передал мне проект соглашения[1] способе разрешения спорных вопросов между Францией и Сиамом, каковой счиаю долгом приложить при сем на зависящее распоряжение вашего сиятельства.

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, л. 128.— Отпуск.

№ 21

Письмо В. Н. Ламздорфа Л. П. Урусову с предписанием предпринять демарш перед французским правительством в пользу Таиланда

17 августа 1902 г.

Милостивый государь князь Лев Павлович!

Его величество король сиамский обратился к государю императору с письмом, в ем, указывая на происходившие в последнее время переговоры по спорным вопром с Францией, выражает надежду, что его императорское величество и впредь не кажет в милостивом посредничестве к поддержанию и улучшению отношений межу республикою и Сиамом.

В ответном письме его императорскому величеству благоугодно было уведомить роля сиамского, что российскому представителю в Париже даны соответственные казания и что государь император надеется, что и король, со своей стороны, прижит все старания к поддержанию добрых отношений к Франции.

Сообщая об этом и препровождая у сего для личного Вашего сведения перевод высочайшего письма к королю Чулалонгкорну на английском языке, обращаюсь к ам с покорнейшей просьбою не отказать при случае и в самой осторожной форме ть понять правительству республики, что нельзя, казалось бы, не признать желальным при нынешнем положении дел на Дальнем Востоке установление дружестнных отношений между Францией и Сиамом.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совеpенной предапности.

P. S. При сем прилагается пакет с подлинным выс[очайшим] письмом, каковой, гласно указаниям его императорского величества, имеет быть передан сиамскому инцу Чира для доставления по принадлежности.

АВПР, ф. «Японский стол», д. 1779, л. 186.— Черновик.

№ 22

Депеша русского поверенного в делах во Франции К. М. Нарышкина в МИД о демарше перед Делькассе в пользу Таиланда и об условиях франко-таиландского соглашения 1902 г.

Париж, 25 сентября (8 октября) 1902 г.

В предшествующих беседах с г-ном Делькассе я не преминул в самой осторожй форме дать понять о желательности, при нынешнем положении дел на Дальнем стоке, установления дружественных отношений между Францией и Сиамом.

[1] Не публикуется.

Ныне, при свидании моем с французским министром иностранных дел, я нашел его чрезвычайно довольным соглашением, только что подписанным им и сиамским посланником в Париже.

Имею честь представить при сем вашему сиятельству печатный текст сообщения агентства Гаваса [1].

Г-н Делькассе полагает, что и сиамское правительство встретило с удовольствием заключение этого соглашения. Главные статьи договора обнимают собою вопрос о выводе французских войск из Чантабуна и об уступке в пользование Сиама полосы земли шириною в 25 километров на правом берегу р. Меконга. Взамен Чантабуна, французское правительство выговорило себе несколько смежных с колонией провинций, поверхностью в 25 000 квадратных километров.

Нейтральная полоса в 25 километров шириною по правому берегу р. Меконга отдается в пользование Сиама, который может содержать на ней свои войска, под условием, чтобы войска эти и офицеры, командующие ими, были исключительно сиамской национальности.

Франции предоставлена постройка железных дорог, портов, каналов, ежели на таковые сооружения у Сиама не оказалось бы достаточных рабочих сил или денежных средств 7).

Г-н Делькассе надеется, что, оценивая по достоинству сношения с Францией, сиамское правительство будет впредь смотреть более дружелюбно на французов и предоставит им в Сиаме такое же положение, каким пользуются лица других национальностей.

С глубочайшим почтением и т. д.

К. Нарышкин

АВПР, ф. «Канцелярия», 1902 г., д. 74, т. I, лл. 207—209.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Мульмейн (совр. Моулмейн) — порт в Бирме.— 113.
2) Тиковое дерево широко применялось в кораблестроении.— 113.
3) Жераровская конвенция — франко-китайское соглашение 1895 г. об установлени границы между французскими колониями в Индокитае и Китаем. Подписан от имени Франции Жераром.— 118.
4) Имеется в виду вопрос о развитии экономических связей между Россией Таиландом.— 119.
5) Загангетическая, или дальняя, Индия — так иногда называли страны, лежащи к востоку от реки Ганг,— Бирму, Таиланд, Индокитай.— 120.
6) Делькассе Т.— французский дипломат. В 1898—1905 гг. занимал пост министр иностранных дел Франции.— 123.
7) Соглашение 1902 г. не было ратифицировано французским правительством по давлением колониальных кругов, добивавшихся еще больших уступок Таиланда.— 130.

[1] Сообщение не публикуется.

ПОСОЛЬСТВО И. ГОФМАНА В ЛИВОНИЮ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1559—1560 гг.

Начало 1560-х годов ознаменовалось изменением внешней политики Русского ударства, совпавшим с падением правительства «Избранной рады». Этому паде- ю, начавшемуся назначением главы «Избранной рады» А. Ф. Адашева в мае 1560 г. зводой в Ливонию, предшествовала ожесточенная борьба в верхах московского щества, объектом которой было определение очередных задач внешней политики. ану завоевания Крыма, за который боролась «Избранная рада» при поддержке кционного боярства, Иван Грозный противопоставлял программу присоединения вонии с целью *«дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообще- я с Европой»*[1]. За эту программу стояло дворянство и купечество и на поддержку как показывает в своей «Реляции» Гофман, мобилизовались народные массы сквы.

Феодально раздробленная Ливония давно стала анахронизмом среди сильных трализованных держав и падение ее обозначалось уже до начала Ливонской ины. Мощные удары русских войск в походах 1558 и 1559 гг. довели Ливонию до нчательного развала. Договоры ордена и рижского архиепископа летом 1559 г. ольским королем установили протекторат последнего над этими княжествами, сентябре того же года епископ курземский и сааре-ляанесский продал последнее э епископство датскому королю.

В условиях общего замешательства, вызванного мощным подъемом влияния ского государства в международной политике, Аугсбургский рейхстаг 1559 г. и тановил, между прочим, отправить в помощь Ливонии посольство в Москву. сполнение этого решения рейхстага император Фердинанд отправил Гофмана ктябре 1559 г. в Ливонию и в Русское государство, препоручив ему в «Инструк- » собирать информацию, а также оказывать негласную поддержку домогатель- м польского короля на признание его протектората над Ливонией. Тем же жела- м поддержать притязания польского короля, который в 1550-е годы со всей ительностью боролся против признания царского титула Ивана Грозного рав- императорскому, объясняется, может быть, и упорство Гофмана в этом вопросе. сяком случае в его «Реляции» нет ни малейшего намека на то, что он, поступая действовал по собственному почину. Этим обстоятельством, а также тем, что ман, в нарушение правил международной вежливости (по московским поня-), приехал без подарков, была решена судьба его посольства. Царской аудиен- ему не дали, и официальных переговоров с назначенной для того правитель- нной комиссией ему вести не пришлось, вследствие чего он, ведя только не- циальные переговоры с руководителями внешней политики в Москве, мог по- ить себя информационно-разведочной деятельности.

Для этой трудной роли — выступать официально в качестве полномочного анника, на деле же быть собирателем информации — Гофман, по-видимому,

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165.

подходил в полной мере. Выявленные и приводимые в литературе данные о н крайне скудны. Странным образом, мы не знаем даже его точного имени. П «Реляцией» он подписался Иеремией Гофманом, и это было именем, которое с стало быть, предпочитал. Но в то же время в «Инструкции» и в других официал ных документах его именуют Иеронимом Гофманом. Тот факт, что в лит ратуре его называют конным солдатом, лучником (хатширом), является, возможн указанием на его предшествующую деятельность. Лучники использовались в нае ных войсках того времени в качестве жандармов и разведчиков. Гофман не явля ся заурядным гонцом-разведчиком — это явствует из того, что, по Рейману [1], был камергером. В «Реляции» он и показывает себя хорошим знатоком придво ного этикета. В той же «Реляции» он проявляет себя, как человек, способный вполне приемлемой для того времени форме, в основном ясно и точно, переда письменно все то, что он видел и разузнал. «Реляция» Гофмана является док ментом, который требует особого подхода и тщательной проверки приводим в ней данных при помощи сравнения и сопоставления с другими источниками, кр которых остается до сих пор ограниченным.

«Инструкция» предписывала, между прочим, Гофману, собирать слухи и «толк Эти «толки», передачей которых в основном и приходилось ограничиваться Го ману, не всегда точны и верны. Не свободен он, как почти все дипломатическ агенты того времени, и от желания показать себя в «Реляции» более и луч информированным, чем на самом деле. Человек пронырливый, умеющий войти в верие всех тех, с кем ему приходилось иметь дело, он мог в основном с успех выполнять даваемые ему поручения, и не случайны, по всей вероятности, те вторные указания в «Реляции» (чем Гофман, по-видимому, особенно гордится), ему будто бы выбалтывали государственные тайны не только гонец шведск короля, но и видные личности в Москве. За счет исключительной ловкости эт дипломата-разведчика следует отнести и тот факт, что он, находясь некоторое вре чуть ли не под стражей, сумел связаться с бывшим тартуским епископом Гер ном и с каким-то пленным ливонским дворянином и получить от них письма с п ными для императора сведениями.

«Реляция», конечно, важный и до сих пор недостаточно использованный ист ник по внешнеполитическим отношениям Русского государства и Ливонии. Изв ный интерес вызывают и данные, приводимые в «Реляции» о русско-польских, рус шведских, русско-крымских отношениях, о развале Ливонии и русской торг через Нарву, о восстании в бывшем Казанском царстве и пр. Но, наряду со в этим, «Реляция» представляет значительную ценность как источник для изуче борьбы в московском обществе и придворных кругах перед падением правитель «Избранной рады». То обстоятельство, что Гофман черпал свою информацию только у посольского дьяка Висковатого, но, возможно, и у главы «Избранной ра А. Ф. Адашева, который, по мнению Бахрушина [2], ведал до своего падения странными делами, придает «Реляции» особое значение. В ней имеются, нако и определенные данные об обострении классовой борьбы в связи с растущим довольством народных масс тяготами войны.

Перевод «Реляции» сделан по копии, снятой по поручению профессора Гау на [3]. Р. Гаусман, бывший профессором истории средних веков в Тартуском уни ситете с 1871 по 1896 г., считался лучшим знатоком истории Ливонии, в особе сти XVI в. Копия снята с оригинала «Реляции», хранившегося в государствен

---

[1] E. Reimann. Das Verhalten des Reichs gegen Livland in den Jahren 1 1561. «Historische Zeitschrift», 1876; B. 35, стр. 362.

[2] С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного. «Исторические запи 1945, т. 15, стр. 44. См. также «Очерки истории СССР. Конец XV в.— начало XVI М., 1955, стр. 375—376.

[3] См. о нем: Г. В. Левицкий. Биографический словарь профессоров и подавателей Юрьевского, бывш. Дерптского университета, т. II, 1903, стр. 394

рхиве в Вене, где ее Гаусман, по всем данным, впервые разыскал, так как до того были известны только две копии в центральном архиве тевтонского ордена Вене[1]. На основе биографических данных представляется наиболее вероятным, то Гаусман использовал для работы над «Реляцией» Гофмана и другими первоисточниками 1560 г. командировки во время летних вакаций 1880—1887 гг.[2]. Поскольку в связке рукописей Гаусмана, где была найдена копия «Реляции», имеется опия с первого листа оригинала, снятая лично этим историком, и еще полная копия Реляции», сделанная другой рукой, дело представляется в следующем виде: Гаусан провел предварительные работы над «Реляцией» в одну из своих командировок, о за отсутствием времени не смог сам снять полной копии. Сличение же копии оригиналом он осуществил потом, сделав при этом свои примечания, которые риводятся мною в «Примечаниях» к данной публикации.

Копия «Реляции» обнаружена мною в отделе рукописей фундаментальной библиотеки Тартуского государственного университета, в связке рукописных материаов профессора Гаусмана, надписанной им самим: «Deputationstag zu Speier u. Hofmanns Sendung». Она написана на линованной бумаге в половину листа ясным четким почерком, почти без поправок. Перевод «Инструкции» сделан по копии, сняой Гаусманом с копии этого документа, найденной им в государственном архиве в исбадене. При переводе соблюдались по возможности особенности слога оригинала. Все вставки даются в прямых скобках. Слова и выражения, перевод которых связан известными затруднениями и т. п., даются в подстрочных сносках. Оба документа убликуются впервые.

Ю. К. Мадиссон

№ 1

Инструкция императора Фердинанда I И. Гофману

22 октября 1559 г.

Фердинанд [1]). Инструкция нашему любезному и верному Иерониму Гофману том, как он в теперешней своей, по нашему повелению предпринимаемой, поездке Ливонию и в Московское государство от нашего имени должен действовать, поступать и что выполнять.

Прежде всего и немедленно он должен через Моравию[3] и Силезию и далее ратчайшим путем проехать в Пруссию и Ливонию и послания, которые мы дали му для высокочтимых наших князей: для любезного, богобоязненного архиепископа ижского Вильгельма [2]) и для магистра[4] тевтонского ордена в Ливонии Вильгельма Фюрстенберга [3]), безотлагательно вручить их преосвещенствам и разузнать там на есте, как наилучшим, кратчайшим и безопаснейшим путем проехать к великому нязю московскому [4]). И как только он это разузнает и буде найдет, что знанием ольского языка ему в дальнейшем не обойтись [5]), то на границе Московского осударства может он нанять себе переводчика и после этого спешным порядком олжен отправиться к московскому двору и по прибытии туда передать великому нязю имеющееся у него послание и вслед за тем добиваться благоприятного решеия и ответа[5]. В течение времени до получения ответа он должен всячески, поскольу это возможно по праву, разузнавать и разведывать, как обстоит дело с войной ежду Московским государством и Ливонией, какую часть территории Ливонии вели-

---

[1] См. E. Winkelmann. Bibliotheca Livoniae historica. 1878, стр. 226, № 5217.

[2] См. Личное дело Гаусмана в фонде архива Тартуского университета (ЦГИА ЭССР в Тарту, ф. 402, д. 393, лл. 85—170) и R. Hausmann. Über das Verhältnis es livländischen Ordens zum Römisch-deutschen Reiche in 16 Jahrhundert. «Baltische Monatschrift», 1907, B. LXIII, стр. 9 и сл.

[3] durch Mehrherrn.

[4] hoffmaister.

[5] Bescheidt. Expedition und Annwort.

кий князь московский[1] завоевал, помышляет ли он возвратить эту территори или же, возможно, думает наступать дальше. Каковы бы ни были причины начато и ведомой войны, можно ли надеяться, что великий князь московский заключит снов мирный договор с Ливонией в результате переговоров и настояний нашего друга любезного сына и двоюродного брата, короля польского[6]), и примерно на каких усло виях. Каковы толки о нас в Москве и какое значение придают нам московские люди

Обо всем этом и прочем, что сможет разузнать, он имеет представить нам п возвращении полную и основательную реляцию и всячески постараться в кратчай ший срок прибыть к нам. Сим исполнит он нашу милостивую волю и окончател ное решение. Дано в Вене, 22 октября [тысяча пятьсот] пятьдесят девятого года.

№ 2

Реляция И. Гофмана о Русском государстве и Ливонии[7])

1 июля 1560 г.

Наисветлейший, всемогущественный император и пр., всемилостивейший госу дарь. Ваше римское императорское величество всемилостивейше соизволили по слать меня 21 октября [15]59 г. к его княжеской милости великому князю Моско вии. Там я передал ему 11 февраля [15]60 г. вашего римского императорского вели чества и пр. верительную грамоту и, как только сего 1 июля снова прибыл сюда подаю тотчас же о выполнении [инструкции] и о моей деятельности нижеследую щее всеподданнейшее донесение. Во-первых, как только я 9 февраля [15]60 г. при был в Москву, великий князь всея Руси послал встречать меня, как посланника ва шего императорского величества, на 80 конях, принял меня таким образом и вмест с тем велел спросить: Иероним, царь и великий князь всея Руси желает знать, пере даешь[2] ли ты подарки от моего дорогого брата и друга, избранного императора верховного короля и пр. На это я дал следующий ответ: я не привез на этот ра никаких подарков, а ваше римское императорское величество всемилостивейш послали меня с верительной грамотой к его великокняжеской милости. Вслед з тем я запросил, когда я мог бы явиться к его великокняжеской милости, дабы вру чить всемилостивейшую грамоту. После этого они поехали к великому князю и до несли ему об этом.

Во-вторых, он вскоре снова велел спросить меня, не привез ли я подарков личн от себя[3] царю и великому князю всея Руси. На это я дал следующий ответ: я н знал, что таков обычай при дворе его великокняжеской милости, а то бы что нибудь привез.

В-третьих, он вскоре снова послал спросить меня: велели ли ваше римско императорское величество, как его дражайший брат и друг, избранный императо и верховный король, титуловать его в верительной грамоте императором, как цар и великого князя всея Руси. На это я им ответил: ваше римское императорско величество всемилостивейше послали меня к великому князю всея Руси, а н к императору. Вслед за тем они поехали к великому князю и донесли ему об этом Затем он еще дал мне знать, что я теперь нахожусь во власти[4] и в руках царя и ве ликого князя всея Руси и потому должен титуловать его императором. А если я этог не сделаю, то он поступит со мной, как его отец, который в былые годы велел по садить под стражу[5] ливонское посольство и отправил его обратно домой[8]). На эт я ответил: я не могу титуловать его великокняжескую милость императором, та как не получил никакого на то повеления от вашего римского императорског

[1] Moscowitter.

[2] berngest.

[3] vor meine perschon.

[4] gewalt, macht.

[5] einsaltzen.

величества, а также и потому, что ваше императорское величество в верительной грамоте не титулуете его великокняжескую милость императором, из чего его великокняжеская милость, как высокомудрый князь, может милостивейше заблагорассудить, что и мне не подобает делать этого. Вслед за тем ничего об этом не говорилось [1], а через несколько дней ко мне приступили с весьма строгими внушениями [2] и не давали мне и моим людям ни пищи, ни питья в течение двух дней и дали мне к тому же знать, что в их власти держать меня под стражей или нет [3], но поскольку я не согласен титуловать его императором изустно, то, если я соглашусь сделать это письменно, он даст мне в подарок собольих, куньих и рысьих мехов и всего, что я пожелаю. На это я велел сказать, что нахожусь сейчас в руках всемогущего бога и его великокняжеской милости и поэтому он может сделать, что захочет, но я не могу титуловать его великокняжескую милость императором, а за высокую честь в виде подарка приношу покорную благодарность [4]. Вслед за тем по истечении 8 дней меня отпустили [9)].

Ниже следует то, что в разъездах по Московии и Ливонии [5] я усерднейшим образом разузнал [10)].

Во-первых, я встретился на дороге во время поездки [6] в Москву, в 150 милях от нее, с гонцом, которого шведский король [11)] послал к великому князю. Гонец уведомил меня, что у великого князя столько железа в огне, что он совершенно не знает, какое в первую очередь ковать. Кроме того, он сказал мне, что если великий князь будет благожелателен [7], то и король будет таким же, если же нет, то его королевское величество будет держаться по отношению к великому князю так же, как и другие государи.

И, как только я прибыл в Москву, я узнал от великокняжеского канцлера [12] что его величество король Швеции вскоре пошлет своих послов к великому князю, так как хочет получить обратно земли, которые у него отняты его великокняжеской милостью. Если же они теперь не сговорятся, то между ними начнется великая война, ибо, по словам канцлера, великий князь согласен возвратить эти земли обратно шведскому королю разве только в том случае, если его королевское величество предложит за них большую сумму денег. Гонца он задержал, считая дорогу в Москву и обратно и в самой Москве, в течение 24 недель. Все это сказал мне канцлер, хотя об этом я его не спрашивал.

Далее я разузнал о причинах начатой великим князем войны с Ливонией, а именно, что будто бы бывший дерптский епископ Герман [13)], оказавшийся впоследствии изменником, имел с великим князем общие границы; названный епископ, совокупно со своими подданными из дворянства, бюргерства и крестьян пользовался с незапамятных времен бортями в пределах земель великого князя. И, как говорят московиты, великий князь многократно указывал [8] на это дерптскому епископу и жаловался на него герцогу Вильгельму [14)], магистру тевтонского ордена в Ливонии, чтобы его княжеская милость вышеназванный епископ принудил своих людей платить дань великому князю за эти борти или же доставить ему столько меду, сколько они собрали за столь долгие годы. Вышеназванного же епископа он уже семь лет с излишком [9] увещевал многократными посланиями и напоминал ему об этом и все-таки не получил от него никакого окончательного ответа и, так

---

[1] darauf nix des.

[2] gantz erstlichen Worthen.

[3] mir das geleith halthen.

[4] gantz hochlichen bedancken.

[5] ihn der Gros Muschca und in Liflandt aus und ein.

[6] ihm neinenzieher.

[7] woll.

[8] beschwerdt.

[9] bis ihn das achte jar.

как он не добился этого своими предыдущими[1] жалобами, то вынужен был под конец этого потребовать. На это епископ написал великому князю, что даже всей Ливонии, не говоря уже о маленьком дерптском епископстве, не под силу заплатить за такое количество меда, которое было собрано в течение столь долгого времени. Потом князья отправили посольство к великому князю и велели вести с ним переговоры; вслед за тем[2] посольство вело переговоры с великим князем и согласилось на уплату его княжеской милости дани, которую должно было платить дерптское епископство и за которую должна была поручиться вся Ливония, а именно в следующем размере: за каждого человека, который родился в дерптском епископстве в течение 40 лет, надлежало уплатить по одной марке, которая равна двадцати крейцерам, что он [великий князь] и согласился считать в сумме равным пятидесяти тысячам талеров; в последующее же время за год[3] по тому, сколько народится людей в дерптском епископстве, что решено считать равным тысяче венгерских дукатов. Это подлежит уплате в год дерптским епископством великому князю на вечные времена.

Великий князь ухватился за эти обещания, которые посланники дали ему в [15]55 г. [15]) и сказал посланникам, что он хочет скрепить этот договор крестным целованием и буде он хоть в малейшем нарушит постановленное в договоре, то да поглотят его четыре стихии. Такую клятву он дал в присутствии посланников.

Вслед за тем в скором времени он отправил посольство к князьям и всей Ливонии, чтобы они в свою очередь скрепили заключенный договор печатью, подписью и клятвой, как это сделано его великокняжеской милостью в присутствии их посланников. Это, по его мнению, они должны выполнить в присутствии его посольства, скрепить заключенный договор и исполнить обещания, данные их посланниками. Вслед за тем в замке Рунденбурге [16]) князья скрепили этот договор, подписались под ним и произнесли клятву над золотым распятием на бархатной подушке. Если же они этот договор не выполнят хоть в малейшей части, то да поглотят их четыре стихии. Так была дана клятва.

После того, как настало время и дерптский епископ должен был внести деньги, его княжеская милость, магистр тевтонского ордена в Ливонии, отправил посольство к великому князю, и дерптский епископ сделал то же самое. Запросив у посольства дерптского епископа, привезло ли оно с собою деньги, посольство его княжеской милости получило утвердительный ответ. После такого ответа великий князь в свою очередь велел посольству его княжеской милости придти к себе на аудиенцию, и великий князь тотчас же спросил: привезло ли оно деньги. На это посольство ответило утвердительно. После такого ответа великий князь пожелал, чтобы эти деньги были внесены[4], ибо он хочет их принять. Когда же посольство его княжеской милости отправилось к посольству дерптского епископа и захотело внести великому князю деньги, то посольство дерптского епископа ответило, что оно не имеет и на этот раз никаких денег, за исключением того, что нужно на дорожные издержки[5]. Тогда посольство его княжеской милости испытало великий страх, но все же должно было снова пойти к великому князю и сказать ему, что посольство дерптского епископа дало знать, что привезло эти деньги, теперь же когда у него их затребовали, сказало, что не имеет никаких денег, но хочет от имени дерптского епископа заключить новый договор с его великокняжеской милостью. По этому случаю великий князь велел через канцлера еще раз спросить у них, неужели они совсем не имеют никаких денег. Они же ответили, что имеют деньги, но только в таком количестве, сколько нужно на дорожные издержки. Тогда

[1] zu dem esten.
[2] auf sulches.
[3] gerlichen.
[4] kauffen bringen.
[5] was ein notturff wehr auf zerrungk.

еликий князь разгневался на них и в великой ярости стал рвать на себе одежду сказал обоим посольствам, не считают ли они его за дурака, и вслед за тем велел адержать посольства в течение весьма долгого времени и держать их в наихудших словиях[1], а потом тотчас же стал советоваться со своими князьями и боярами и тправил вслед за тем князя[2] Яновича[17)] с 400 боярами и многими другими ростыми воинами и велел опустошать дерптское епископство и всю Ливонию гнем и после этого отказать всей Ливонии в мире. Так я разузнал в Москве от ояр, князей и дьяков, а потом также и в Ливонии, что так все и произошло. Таковы общем причины[3] начатой великим князем войны с Ливонией.

В связи с этим ливонские князья собрали в [15]57 г.[18)] ландтаг в Вольмаре[4], а котором участвовал и дерптский епископ. На этом ландтаге, после того как поч-энные земские чины их княжеских милостей согласились дать шестьдесят тысяч алеров, было единодушно решено, что князья отправят эти деньги с посольством великому князю, чтобы удовлетворить его. По этому случаю дерптский епископ, ак как вольмарский ландтаг был вскоре закрыт, писал обо всем этом великому кня-о и извещал его днем и ночью, как все это было решено на вольмарском ландтаге и то на первый случай решено отправить ему шестьдесят тысяч талеров, чтобы удов-этворить его согласно договору; с этим, однако, он не должен соглашаться, но реши-эльным образом[5] продолжать начатую им войну — в этом случае он [епископ] пе-эдаст ему все епископство[19)]. Вследствие этого великий князь продолжал войну, а пископ, как он ему это обещал, передал ему все епископство. И названный епископ, тало быть, как говорят об этом московиты, добровольно перешел на сторону вели-эго князя. Там его великий князь еще и посейчас держит в великой почести и дал му, к тому же, в управление большие земли, с людьми, как я это слышал от мно-их услужливых московитов. И говорят также, что великий князь пожалует ему еще ного больше, если он таким образом сохранит благосклонность[6] великого князя. Но ни, кроме того, говорят также, что он может легко убедиться, что наисправедли-эйший царь и великий князь дает ему заслуженное вознаграждение.

Далее, 3 марта сего [15]60 г. написал мне в Москве этот бывший дерптский пископ Герман[7]; в своем письме он сообщает, что хочет перед вашим римским мператорским величеством и всей Священно-Римской империей оправдаться, как го ваше римское императорское величество всемилостивейше может усмотреть з его написанного мне и приложенного здесь письма[20)].

Великий князь завладел[8] нижеследующими городами и замками и, кроме того, жег несколько сот деревень[21)]: во-первых, замок и город Дорпте[9]; хорошо укреп-энный монастырь Фалкенау[10]; Нейгаузен[11]; замок Кирремпэ[12]; замок Вербек; амок Ринген, который, однако, отвоеван обратно и стоит пустым; замок Ранден; алый замок Кунгтульден[13]; малый замок Кавалейхт; малый замок Ульзен; замок город с хорошей гаванью в Нарве; Нейшлосс[14]; замок Тальсбург; замок Везен-

---

[1] gantz besslichen halten lassen.
[2] knes Janowitz.
[3] gantz ursach.
[4] zu Wolmehr.
[5] nohr strax.
[6] wolgehalten hat.
[7] mit namen Hermannus.
[8] eingenommen.
[9] Dorpthe.
[10] das closter Falckenau, ein fein haus.
[11] Das Neuhe haus.
[12] Kirrempehe.
[13] Kungthulden.
[14] Neue schloss.

бург [1]; замок Этц; Калбов замок [2]; замок Рахалм [3]; замок Лайс; замок Мариенбург [4]; замок Адзель [22]).

Далее, до моего прибытия в Москву, пребывали также в течение восьми недель у великого князя два посольства его величества короля польского [23]). Первое посольство, состоявшее в общей сложности из тринадцати лиц, прибыло в Москву 6 декабря [15]59 г. и получило от великого князя следующий ответ: он велел полностью отказать его королевскому величеству, так как он [король] осмелился стать покровителем ливонских князей [5], и задержал посольство до пяти недель и не дал потом никакого другого ответа.

12 января сего [15]60 г. прибыло в Москву другое посольство его величества польского короля, состоявшее из 22 лиц, которое великий князь задержал на три недели. И дал после этого такой же ответ, как и предыдущему, а именно, что он велел полностью отказать его королевскому величеству, и вместе с тем он приказал ответить его величеству королю, что тот не должен отправлять к нему в дальнейшем никаких посольств, так как он хочет сам отправиться вместо посольства. Так бояре и говорят, что царь и великий князь всея Руси начал войну и только богу в небесах известно, как война будет доведена до конца. Таковы совсем открытые толки среди князей, бояр и простого народа в Москве. Жалуются также бедные люди и говорят кроме того, что если царь и великий князь всея Руси не перестанет воевать, то его вскоре накажет бог. Люди московские говорили мне все это, как самое достоверное [6].

Далее говорят они, что их царь и великий князь всея Руси ценит его величество польского короля не выше своего мизинца. Это он велел передать его королевскому величеству. После того, как тот осмелился стать покровителем ливонских князей, он не может вдоволь надивиться тому, что его королевское величество дерзнул стать покровителем страны, принадлежащей другим [24]). Он велел также передать его королевскому величеству, что тот прежде должен мечом отвоевать у него землю смоленскую [7] вместе с 72 крепостями [8], которые он, великий князь, отнял у его покойного отца, и только тогда пусть дерзнет объявить себя покровителем ливонцев. Все это великий князь велел обнародовать в Москве.

Далее, его величество датского короля великий князь считает только за короля воды и соли. Таковы открытые толки московских людей [9].

И его величество шведского короля он считает только купцом и мужиком. Что таким бранным и презрительным образом его народ должен выражаться о великих государях, это я многократно слышал от московских людей. И сами же они говорят, что бог накажет великого князя, но они должны так говорить по приказу великого князя после того, как он велел это повсеместно разглашать.

Далее, великий князь послал 17 ноября [15]59 г. в Казань 2000 московитов, которые должны были привезти ему дань от татар Казани [10]. Тогда жители города договорились с другими татарами, живущими в окрестностях, которых насчитывают до 15 000 [11], о том, что они будут самым сердечным образом встречать и принимать названные две тысячи московитов, как людей, посланных великим князем, пока не смогут привести их в город, Так и произошло. Тогда они напали на них большими силами и отрезали им уши и носы и дали через них знать великому князю, что

---

[1] Wesenburgk.
[2] Der Kalben hauss.
[3] Rachhalm.
[4] Margenburgk.
[5] der aus Lieflandt ihr schützher.
[6] vor gewis und glauwierdig.
[7] Grosschmolentzki.
[8] schlessern.
[9] von den Muschcawitern ihn der Muschca.
[10] von Groskasan den Thather.
[11] В тексте, по-видимому, ошибка: «15 000 тысяч.».

они не должны платить никакой дани, разве что он лично приедет и учинит присягу на верность. Так, и случилось наверняка[1] с посланными великого князя, как мне это сказали бояре в Москве[25].

Потом великий князь отправил послание крымскому хану[2], в котором высказал желание о заключении с ним мира. Если же это не случится, то великий князь хочет переехать на Белоозеро[3], что находится на Белом озере[26], как мне без запроса с моей стороны говорили князья и бояре, ибо эта крепость считается самой лучшей и надежной крепостью в стране и там он хранит свою большую казну, и находится эта крепость в 150 милях от Москвы.

Далее, имеются[4] 72 приморских города[27], в частности Любек, Гамбург и Бремен, которые в наибольшей мере увеличивают могущество великого князя. Они привозят ему не только купеческие товары, но также и всякий провиант, в особенности всякого рода амуницию и военное снаряжение, чем в высшей степени хвастается великий князь вместе со своим народом. Это относится также и к купцам Любека, о которых у его княжеской милости нового магистра тевтонского ордена в Ливонии Готарда Кетлера[28], можно разузнать много подозрительного[5]. Если что-нибудь, как мне кажется, уже стало известно вашему римскому императорскому величеству, то ваше римское императорское величество может еще всемилостивейше об этом разузнать из приложенного здесь письма, которое мне написал в Москве пленный немецкий дворянин[29].

Далее, великий князь велел 17 февраля сего [15]60 г. сообщить мне, что ливонцы просили стать их покровителем, в первую очередь, его величество шведского короля, потом его величество датского короля и, в-третьих, его величество польского короля, которому ливонцы уступили и передали шесть великолепных замков[30]; Мариенгаузен, Бауссенбург, Дуненбург, Розиттен, Зельбург, Лудтзен, чтобы его королевское величество стал их покровителем, и только под конец обратились к вашему римскому императорскому величеству, его дорогому брату и другу, а в случае, если бы они это сделали в первую очередь, было бы ливонским князьям куда лучше, если бы они подумали, как в наибольшей степени угодить великому князю московскому, он же не перестанет воевать, пока не завоюет всю Ливонию, разве что ваше римское императорское величество напишет ему более дружелюбно и будет титуловать его императором. Так, всемилостивейший император, он велел мне сказать.

Далее, как только я приехал из Москвы, прибыл 4 мая [15]60 г. в епископство эзельское и вирляндское герцог гольштинский Магнус[6], дражайший брат его величества короля датского, которого призвал епископ эзельский Иоган Мюнхгаузен и уступил и передал ему все епископство и вслед за тем со всеми своими высланными вперед сокровищами отправился в Любек[31]. После этого, 22 мая, дворянство присягнуло его княжеской милости на верность, именно как наследственному государю[7], а также в том, что его княжеская милость может произвести [в договоре] изменения, когда захочет, что его княжеская милость также и себе выговорил. По этому случаю его величество король датский отправил к своему дражайшему брату, герцогу Магнусу, именитое[8] посольство, которое в первую очередь должно было напомнить и доложить всему епископству эзельскому и вирляндскому, в особенности же дворянству, что оно должно присягнуть на верность его княжеской милости

---

[1] ganz gewieslich.
[2] an das Grostatter Krimtzki.
[3] auf das Belosehr, so ihn der weissen seherfigk.
[4] seindt... do.
[5] fiel schief entnomen.
[6] Mannus von Holdenstein.
[7] als nemlichen vor ein erbliches gut.
[8] stadtlich.

таким же образом, как оно присягало прежним[1] епископам, и если бог дозволит, что дражайший брат его королевского величества станет изменником[2], то его королевское величество должно стать покровителем епископства, и если то же сделает с божьего соизволения его королевское величество, то епископство должно перейти под власть всей Священно-Римской империи. Так все епископство эзельское и вирляндское должно присягнуть на верность дражайшему брату его величества короля датского[32]). Но дворянство и все епископство присягнуло на верность так, как выше доложено.

Далее, была общая молва при дворе великого князя в Москве, что его княжеская милость герцог Магнус женится на дочери[3] великого князя, и московиты, кроме того, говорят, что царю и великому князю всея Руси больше нравится иметь соседом короля соли и воды, чем магистра тевтонского ордена в Ливонии[33]). Таковы общие толки в Москве, а также и в Ливонии, как я слышал от ливонцев.

Далее, его княжеская милость бывший магистр тевтонского ордена в Ливонии Вильгельм фон Фюрстенберг вручил мне список некоторых жалоб для передачи вашему римскому императорскому величеству, как это ваше римское императорское величество из приложенного перечня жалоб всемилостивейше усмотрит.

Сим остаюсь я, всеподданнейше исполнив великой милости вашего римского императорского величества всемилостивейшие повеления, вашего римского императорского величества всеподданнейший и всепокорнейший слуга.

Иеремия Гофман

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Фердинанд I Габсбург, император священно-римский с 1556 по 1564 г. Даты правления здесь и в дальнейшем даются по синхроническим и т. д. таблицам Л. Арбузова: L. Arbusow. Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, 1918, стр. 314—343.— 133.
2) Вильгельм Гогенцоллерн, архиепископ рижский с 1539 по 1563 г.— 133.
3) Вильгельм Фюрстенберг, магистр ливонского ордена с 1557 по 1559 г.— 133.
4) То есть Ивану Грозному.— 133.
5) Владение польским языком было, очевидно, одним из доводов за назначение Гофмана посланником. См. об этом: H. Uebersberger. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. I (в дальнейшем Uebersberger) 1906, стр. 325.— 133.
6) Сигизмунд II Август, король польский с 1548 по 1572 г.— 134.
7) В заголовке копии «Реляции» примечания архивиста, снявшего копию, в которых говорится, что: 1) «Реляция» написана на 10 листах бумаги ин-фолио, из которых использованы $12^1/_2$ страниц; 2) на отдельном, приложенном листе заглавие: «Всеподданнейшая реляция и донесение Иеронима Гофмана о его действиях и расследованиях во время поездки в Москву. Вена 1 июля 1560 г.», и на обороте: «Реляция посланника в Москве от 2-го июля 1560 г.»; 3) при сличении копий «Реляции», указанных Винкельманом (см. E. Winkelmann. Bibliotheca Livoniae historica. 1878, стр. 226, № 5217), с оригиналом, оказалось, что точной копией была только первая из них, вторая же является переработкой, по содержанию совпадающей с оригиналом.— 134.
8) У нас нет других подтверждающих и уточняющих известий об этом, будто бы имевшем место, конфликте Василия III с ливонским посольством. Конфликт с ливонским посольством был в конце царствования Ивана III, в 1503 г., в связи с вопросом о месте (Новгород или Москва) заключения перемирия. См. об этом: Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО), т. 35, 1882, стр. 403 и сл. Арестовано было и выслано из России ливонское посольство конца 1557 и начала 1558 г. См. об этом в дневнике посольства: C. Schirren. Quellen zur Geschichte des Untergangs Livländischer Selbständigkeit (в дальнейшем Schir-

---

[1] zuvormollen andern.

[2] abfille.

[3] thachter nemen sulde.

ren, Quellen u Neue Quellen). I. 1861, Nr 8, стр. 20—33. Ср. суммарное и неточное описание этих событий в самой «Реляции».— 134.

9) Гофман здесь выразился неточно, но его слова нельзя истолковывать в смысле отъезда из Москвы уже в это время т. е. 24—25 февраля, как это делает Юбербергер (Uebersberger, стр. 329 и сл.), так как сам Гофман пишет в «Реляции», что он еще 3 марта был в Москве.— 135.

10) Гофман разъезжал по Ливонии не спеша: 27 ноября 1559 г. он был у архиепископа рижского в Кокнесе, 3 декабря у магистра ордена Готарда Кеттлера в Кяркна, оттуда он поехал к бывшему магистру ордена Вильгельму Фюрстенбергу и только 19 января 1560 г. выехал из Ливонии в Москву. Из Москвы он прибыл в Таллин к магистру ордена 2 мая, 10 мая он был у В. Фюрстенберга в Вильянди (см. J. Renner. Livländische Historien. Herausgegeben v. R. Hausmann und K. Höhlbaum (в дальнейшем Renner, Livländische Historien). 1876, стр. 269 и сл., 280 и 302) 22 мая он, по «Реляции» был, вероятно, еще в Ливонии. Даты пребывания в Москве даются в самой «Реляции».— 135.

11) Густав I Ваза — король шведский с 1523 г. по 1560 г. О шведском посольстве в январе 1560 г. см. Сб. РИО, т. 129, 1910, № 6, стр. 67—72.— 135.

12) По примеру иностранных, в особенности ливонских дипломатов, Гофман называет канцлером, по всей вероятности, посольского дьяка. См. об этом, например, в дневнике ливонского посольства конца 1557 и начала 1558 г. Schirren. Neue Quellen 1, 1883, Nr. 2, стр. 8—30 и Schirren, Quellen I, 1861, № 8, стр. 20—33. С 1549 по 1561 г. посольским думным дьяком состоял Иван Михайлович Висковатый.— 135.

13) Герман II Везель — тартуский епископ с 1552 по 1558 г.— 135.

14) Вильгельм Фюрстенберг. Магистры ливонского ордена имели титул не герцога, а имперского князя. См.: R. Hausmann. Über das Verhältnis des livländischen Ordens zum Römischdeutschen Reiche im 16. Jahrhundert, стр. 8 и сл.— 135.

15) Гофман приводит здесь неверную дату. Договор был заключен уже в 1554 г. В 1555 г. ливонские князья скрепили договор. См. H. Kruus. Vene-Liivi sõda. (на эстонском языке), 1924, стр. 21 и сл.— 136.

16) Рауна, нем. Роннебург, у Гофмана — Рунденбург — главный замок и резиденция рижского архиепископа в латышской части этого княжества. Магистр ордена скрепил договор в своей резиденции в Венденском (Цесисском) замке. См. J. K. Gadebusch. Livländische Jahrbücher. I, 2; 1780, стр. 449.— 136.

17) Видимо, Петр Иванович Шуйский. В начале 1558 г. было два похода русских войск в Ливонию. В первом, зимнем, походе, о котором пишет Гофман в «Реляции», командовал войсками Шах-Али. Главнокомандующим войсками в следующем походе и был П. И. Шуйский, которого ливонские источники того времени нередко называют князем Петром Ивановичем. См., например, Renner. Livländische Historien, стр. 196 и сл.— 137.

18) Ландтаг в Валмиере (Вольмаре) был созван не в 1557, а в 1558 г., после зимнего похода русских войск. См. «История Латвийской ССР», т. I, 1952, стр. 159.— 137.

19) Вопрос об «измене» епископа Германа окончательно еще не решен. Гофман передает версию, которая, очевидно, была в ходу в правящих кругах Ливонии. См. специальный источниковедческий экскурс акад. Х. Крууса в его труде «Vene-Liivi sõda», стр. 147—150.— 137.

20) В конце копии «Реляции» написанное Р. Гаусманом примечание: «Названных приложений: писем епископа Германа и ливонца в Москве [в архиве] нет».— 137.

21) На полях оригинала «Реляции» на этом месте примечание: «Сделать выписку этой статьи и скопировать ее в 7 раз».— 137.

22) Тарту, нем. Дерпт, у Гофмана — Дорпте — город и замок тартуского епископа; резиденцией епископа был замок в Тарту. Кяркна, нем. Фалькенау,— укрепленный цистерианский монастырь к северо-западу от Тарту. Вастселийна, нем. Нейгаузен,— главный пограничный замок тартуского епископа недалеко от русской границы. Кирумпэ, нем. Кирремпэ,— епископский замок на юге тартуского епископства. Ууэ-Кастре, нем. Варбек, у Гофмана Вербек,— епископский замок на реке Эмайыги (Эмбах), к востоку от Тарту. Рынгу, нем. Ринген,— вассальский замок в северо-западной части тартуского епископства. Ранну, нем. Ранден,— вассальский замок, находился там же. Конгута, нем. Конгота, называется в грамотах также и Конгталем (отсюда у Гофмана — Кунгтульден) — вассальский замок, находился там же. Кавильда, нем. Кавелехт,— вассальский замок, находился там же.Ваабина, нем. Юльцен, у Гофмана — Ульзен,— вассальский замок в южной части тартуского епископства. Васкнарва, нем. Нейшлосс,— орденский замок у Чудского озера на левом берегу р. Нарвы. Тоолсе, нем. Тольсбург, у Гофмана — Тальсбург,— орденский замок на берегу Финского за-

лива. Раквере, нем. Везенберг, у Гомфана — Везенбург,— орденский замок и город в северо-восточной Эстонии. Эдисе, нем. Этц,— вассальский замок к западу от Нарвы. Замка Рахальм в Ливонии не было; Гофман, наверное, написал, не разобравшись в документе, которым пользовался, вместо Боркгольм Рахальм. Поркуни, нем. Боркгольм,— замок таллинского епископа к югу от Раквере. Калбов замок, наверное, Кальви, нем. Педдес. Замок этот в то время принадлежал вассальской фамилии Кальф. Калб и Кальф, как слова, равнозначащи. Лайусе, нем. Лайс,— орденский замок к северу от тартуского епископства. Алуксне, нем. Мариенбург,— главный орденский замок в северо-восточной Латвии. Гауена, нем. Адзель — орденский замок к западу от Алуксне. См. A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland, 1942; K. Löwis of Menar. Burgenlexikon für Alt-Livland, 1922.— 138.

23) См. об этих посольствах польского короля. Сб. РИО, т. 59, 1887. стр. 591.— 138.

24) То есть царю. Русская дипломатия защищала, особенно с 1559 г., точку зрения, по которой Ливония уже со времени Киевских великих князей является неотъемлемой частью Русского государства. См. Uebersberger, стр. 327.— 138.

25) Известные нам восстания 1550-х годов в бывшем Казанском царстве были усмирены в 1557 г. В связи с этим в 1557 г. из Казани были выселены татары; этим исключается возможность их восстания в 1559—1560 гг. в Казани. См. об этом «Очерки истории СССР. Конец XV в.— начало XVII в.», 1955, стр. 364 и сл. Возможно, но требует исследования и то, что в ноябре 1559 г. русские войска были отправлены против какого-то кочевого народа востока или юга страны, которые всеми западноевропейскими авторами назывались татарами. Возможно, что в этих слухах о татарском восстании, сказывается ожесточенная борьба двух курсов русской внешней политики, ибо известие об этом восстании Гофман получил, согласно «Реляции», от бояр в Москве.— 139.

26) Исправлена ошибка Гофмана, написавшего «на Белом море». Может быть, это описка Гофмана, поскольку на немецком языке названия озера (der See) и моря (die See) отличается друг от друга только грамматическим родом.— 139.

27) 72 приморских города, ведущими из которых являются Любек, Гамбург и Бремен, конечно, ганзейские города. О торговле их с Россией см. «Очерки истории СССР. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 272, и H. Kruus. Ук. соч., стр. 94.— 139.

28) Готард Кеттлер — магистр ливонского ордена с 1559 по 1562 г.— 139.

29) См. примечание 20.— 139.

30) Вилака, нем. Мариенгаузен,— пограничный замок рижского архиепископа к востоку от Алуксне. Бауска, нем. Бауске, у Гофмана более древнее название Бауссенбург — орденский замок недалеко от литовской границы. Даугавпилс нем. Дюнабург, у Гофмана — Дуненбург, орденский замок к востоку от теперешнего города. Резекне, нем. Розиттен — главный орденский замок в Латгалии. Селпилс, нем. Зельбург,— орденский замок на левом берегу р. Даугавы. Лудза, нем. Лудзен — орденский замок в Латгалии. Литература: см. примечание 22.— 139.

31) Вирляндского епископства в Ливонии не было. Иоган фон Мюнхгаузен, епископ курземский (курляндский) с 1540 г. и епископ сааре-ляанесский (эзельсковикский) с 1541 г., продал последнее свое епископство в 1559 г. датскому королю. Герцог Магнус приобрел в 1560 г. и епископство курземское. Магнус (1540—1583), брат датского короля Фридриха II, называемый, обыкновенно, герцогом гольштинским по унаследованным им землям, которые он променял по договору на купленное датским королем епископство сааре-ляанесское. См. об этом: K. H. v. Busse. Herzog Magnus, könig von Livland, 1871 u Schirren, Neue Quellen II, 1884, Nr. 140, 141, 142, 146, 147, стр. 171—189. Прибыл Магнус в Кингисепп (Аренсбург) не 4 мая, а 16 апреля 1560 г.— 139.

32) Вступление Магнуса во владение епископством описывается Гофманом, очевидно, по слухам, которые были в ходу в ведущих орденских кругах. Сословия епископства присягнули на верность не 22-го, а уже 13 мая 1560 г. См. об этом в донесениях Магнуса Фридриху II: Schirren, Neue Quellen II, Nr. 189, 190, стр. 318—325. Никакого нового датского посольства не прибыло в мае 1560 г. в Аренсбург. В дальнейшем передаются, в общих чертах верно, отличия в содержании тех двух договоров от 26 сентября 1559 г. (см. Schirren. Neue Quellen II. № 146 и 147, стр. 180—189), по которым епископство сааре-ляанесское перешло во владение Дании.— 140.

33) Это по времени наиболее раннее известие о планах женитьбы Магнуса на родственнице Ивана Грозного и раздела Ливонии между Россией и Данией.— 140.

Дневники
Воспоминания

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

И. А. ЧИЧАЕВ

1917 год вошел в историю нашей Родины как год великих революционных потрянний. В феврале был свергнут прогнивший царский режим. К власти пришло Временное правительство, антинародная политика которого не могла удовлетворить рану. Поднялась новая волна широкого недовольства. Росло количество забастовок, сширялось движение крестьян за конфискацию и раздел помещичьих земель, все ще и громче повторялось требование трудящихся о передаче власти в руки Сотов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Назревал революционный крис. Отчаянные попытки буржуазии и ее прислужников — эсеров и меньшевиков едотвратить этот кризис, обмануть народные массы иллюзорной надеждой на Учретельное собрание, направить их активность по руслу западного парламентаризма рпели крах.

Бурные события в тылу находили живой отклик среди солдат на фронте.

После провала июньского наступления, на которое толкнуло русскую армию в оду Англии и Франции правительство Керенского, на Юго-Западном фронте в йоне Черновиц, где окопался наш полк после отступления, наступило относительзатишье.

Однако это не успокаивало бывалых фронтовиков; они по опыту знали, что оно надежно, обманчиво, временно, что война продолжается и каждый из них в люю минуту может расстаться с жизнью. Постоянный страх, усталость от войны, от опной жизни, тоска по своим семьям, по мирному труду чувствовалась во всем поведении, в бесконечных разговорах на эти темы. Проклиная тех, кто затеял йну, и заодно свою злосчастную судьбу, они хотели одного — скорее вырваться окопов и вернуться домой. Это желание было настолько сильным, что многие чтали о том, чтобы получить легкое ранение, и завидовали тем, кому выпадало кое «счастье».

О событиях в стране узнавали из скудной информации командиров и от побывавих в тылу солдат. Газеты получали редко, больше эсеровские или других мелкоржуазных и буржуазных партий, печатные же органы большевиков в окопы почти попадали; их задерживали комиссары Временного правительства и всякие армейие комитеты, в которых было засилье эсеров и меньшевиков. А солдат, открыто щищавших политическую платформу партии большевиков, преследовали как опасых смутьянов, дезорганизаторов и даже шпионов.

Такое отношение к большевикам высшие власти старались внушить даже выборым войсковым организациям. Например, в секретном циркуляре от 28 сентября 17 г., адресованном этим организациям, военный комиссар Временного правительва при Румынском фронте Э. Тизенгаузен писал:

«...Ложным является мнение, что якобы шпионом может быть назван только т человек, который продает враждебному государству планы и указывает располож ние частей. Гораздо больший вред, пожалуй, приносят те тысячи мелких агент рассеянных в войсковых и тыловых районах, деятельность которых сводится к с дующему:

1) распространение волнующих войсковые массы и население ложных слух

2) натравливание одной части населения на другую;

3) примыкание к крайним «левым» течениям для злостной пораженческой п паганды;

4) проникновение в войсковые части и комитеты для возбуждения недовольс и волнений, отказов от повиновения и т. д.

С такими именно агентами германской разведки необходима самая энергичн и широкая борьба, тем более что уставшие от кровопролитной войны войсковые м сы легко поддаются ложным призывам германских продажных агентов»[1].

В нашей роте служил солдат Ступин. На вид ему было лет 35. Держался скро но, разговаривал тихим голосом, не торопясь. Его уважали за то, что он умел, к хороший педагог, просто и понятно разъяснять любые политические вопросы, с торыми к нему обращались. При этом он очень искусно направлял мысли собес ников против капиталистов и помещиков.

«Во Временном правительстве,— говорил он,— 10 министров-капиталистов, т чьи интересы они будут защищать, как вы думаете?» Ответ напрашивался сам бой. О своей принадлежности к какой-либо партии он не говорил, но в роте его п звали большевиком, и, видимо поэтому, власти решили его убрать.

Однажды его послали с каким-то поручением в штаб полка, оттуда в штаб ди зии, и с тех пор он исчез. Куда он делся, никто из солдат не знал. Позже выясн лось, что его отправили в штаб армии, где арестовали за подрыв дисциплины армии.

И все же, несмотря на эти препоны, лозунги большевиков: «Долой империа стическую войну!», «Земля крестьянам!», «Вся власть Советам!», проникали в око и горячо обсуждались. Правда, большинство солдат плохо еще разбиралось в по тических делах и верило в эсеровскую пропаганду, но призывы к прекращению в ны и конфискации помещичьих земель в пользу крестьянства находили широ сочувствие.

Лето шло к концу, приближалась знаменательная осень 1917 г. Пока стояли гожие дни и относительное затишье на передовых позициях, жизнь в окопах бы сносная. Но вот погода изменилась, начались дожди, похолодало, в окопах обра валось месиво из вязкой грязи, по стенкам прикрытий потекли змейки ручейк одежда отсырела, паразиты терзали давно немытое тело,— все это раздража озлобляло и без того недовольных солдат. Усилился ропот, начались столкновени офицерами, стали открыто требовать смены и отдыха в тылу.

Ухудшение настроения солдат не могло остаться незамеченным, и, видимо, этому командование решило дать передышку полку. Приказ об отводе полка на дых поднял настроение солдат. Подобрели глаза, озарились улыбками лица, жа бы и ругательства сменились веселыми шутками. В тяжелых условиях фронто жизни даже эта незначительная перемена быта была приятной,— ведь впереди бы столько удовольствий: отдых, баня, тепло, регулярное питание и меньше опаснос

Ночью пришла, наконец, смена. Передача позиций закончилась быстро. Собл дая осторожность, роты бесшумно тронулись по ходам сообщения в тыл. В ближа шей балке полк построился по батальонам и направился к месту назначения.

Прошли уже более половины пути, когда в первой роте, возглавлявшей коло ну, возник и стал нарастать, передаваясь по рядам, гул недовольства. И тотчас по цепи передали приказ: первому батальону возвратиться в окопы. Это было т неожиданно, что в первую минуту не верилось, что нужно возвращаться. Но ш

---

[1] ЦГВИА, ф. 2210, оп. 1, д. 629, лл. 415—418.

лосов усиливался, казалось, заговорил весь батальон. Возмущенные солдаты выкривали: «Это издевательство!», «Мы измотались!», «Мы должны отдохнуть!», «Не поднимся!», «Пусть офицеры возвращаются одни, а мы пойдем на отдых!», «Не оставливаться! Пошли, ребята, на стоянку!».

Напрасно офицеры и ординарцы бегали взад и вперед, пытаясь остановить, успоить и возвратить волновавшихся солдат. Их не хотели слушать. Не помогли и розы: батальон продолжал маршировать вперед. Чувствуя свое бессилие сломить пимость солдат, офицеры не рискнули применить крутые меры против вооружен-го батальона. Батальон не подчинился приказу. Это был уже открытый бунт.

На рассвете полк прибыл на стоянку в небольшое местечко. Уставшие солдаты местились в халупах, сараях и под навесами. Постепенно утихли разговоры, и , кроме дежурных, погрузились в глубокий сон.

Утром началась обычная солдатская жизнь: завтракали, чистили оружие, чини одежду и обувь, стриглись, писали письма, обменивались впечатлениями, знакольсь с окружающей обстановкой. Внешне все шло будто своит чередом; ничто не оминало о ночном событии. Но это была только видимость: отказ выполнить вой приказ внес смятение в настроение солдат. С одной стороны, это ободрило, дняло их в собственных глазах, поскольку они считали себя правыми, вселило еренность в свои силы; с другой стороны, такой поступок не укладывался в приные нормы поведения, казался чересчур смелым и потому тревожил.

Моросивший всю ночь дождь к утру прекратился.

Ощущение сытости после горячей пищи, отдых на солнышке, сознание отдаленсти от передовой линии,— все это располагало к благодушию, к бездумию. Беспойные мысли постепенно отодвигались, рассеивались, уступая место чувству безотности: зачем думать о будущем, когда так хорошо сейчас? И все же таившаяся лубине души тревога напоминала о себе, заставляла прислушиваться и приглядыться к голосам и поведению офицеров.

Солдаты не знали, что в тот же день ставленник правых эсеров председатель опусного комитета прапорщик Тарасов телеграфировал в штаб нашей дивизии:

«Спешно. Бо[евой] ком[итет] 47 сообщил, что батальон 638-го полка отказался иснить боевое приказание. Примите меры, виновных предать революционному воно-полевому суду» [1].

Во второй половине дня объявили, что около школы состоится собрание, на коом должны присутствовать все солдаты и офицеры 1-го батальона. Хотя о цели рания не сообщалось, нетрудно было догадаться, что будет обсуждаться поведе- нашего батальона. В ожидании открытия собрания солдаты тихо переговариваь, дымили махоркой, подозрительно посматривая на группу офицеров и комитетков, собравшихся около трибуны. Их внимание привлек незнакомый худощавый ицер с погонами военного врача, с которым почтительно разговаривали окружаюе его командиры.

Открывая собрание, представитель полкового комитета — прапорщик пояснил, в связи со вчерашним происшествием в 1-м батальоне к нам прибыл уполномоный комиссара Временного правительства, которому он предоставляет слово. Солы молча ждали, устремив взоры на нового офицера.

Уполномоченный начал свою речь высокопарными словами о важности и знании свободы, которую получил народ после свержения царизма. Но, продолжал — царское правительство оставило нам в наследство разрушенное хозяйство. Полась угроза анархии. Для того чтобы справиться с разрухой, не допустить анари и довести войну до победного конца, нужны твердая власть, порядок в тылу строгая дисциплина в армии. Эти тяжелые задачи взяло на себя Временное правительство. Но его деятельности мешают безответственные элементы, авантюристы демагоги, которые ведут преступную агитацию против войны, против политики

[1] ЦГВИА, ф. 2210, оп. 1, д. 366, л. 5.

законных властей. Это измена Родине, воскликнул он патетически, нельзя терпеть изменников.

Связав все это с отказом нашего батальона выполнить боевой приказ, уполномоченный стал обвинять солдат в недостойном поведении, в нарушении воинского долга и святости присяги, сравнивать их действия с трусостью, дезертирством и даж с изменой. В конце речи он потребовал выдачи зачинщиков и смутьянов и, кром того, предложил разоружить первую роту как инициатора бунта.

Солдаты угрюмо молчали. Уполномоченный повторил свои требования, пообщав простить батальон, если будут выданы зачинщики и обезоружена первая рот Ему никто не ответил. Подождав немного, он сделал еще попытку уговорить солда но безуспешно,— они смотрели на него безмолвно. Это, видимо, вывело его из терпния.

— Ну, что вы молчите? —спросил он с раздражением и, не дождавшись ответ запальчиво прокричал:

— Если вы не выполните эти требования, я прикажу обезоружить и наказа весь батальон!

Неизвестно, чем кончилось бы собрание, если бы уполномоченный вел себя б лее выдержанно и не угрожал всему батальону. Тут он явно пересолил. Его угро подействовала на солдат, как вода на горячую плиту. Тотчас же начался гул нед вольства, возбуждение захватило всю толпу, в общем шуме слышались угрожающ слова:

— Не запугаете!

— Убирайся отсюда, пока цел!

— Долой защитника буржуев!

— Ребята, не верьте этой тыловой крысе!

— Пошли за оружием, мы ему покажем «разоружение»!

Председатель призывал к порядку, уполномоченный пытался еще что-то говрить, но их голоса тонули в общем гомоне. В это время кто-то пустил слух, что наш оружие, оставленное в расположении батальона, забирают. Толпа быстро ста таять. Встревоженные солдаты бегом побежали к стоянке своих рот.

Тревога оказалась ложной: винтовки стояли на том же месте, в козлах, под охр ной своих часовых. Опасаясь, однако, какого-либо подвоха со стороны офицеро солдаты быстро разобрали свои винтовки и уже больше не расставались с ними.

Хотя настроение батальона было решительным, но угроза уполномоченного неизвестность будущего тревожили солдат. Чувство неуверенности вызывало еще то обстоятельство, что не было централизованного руководства, которое бы объед нило и направило это движение: полковой комитет, находившийся в руках эсеро занял какую-то неопределенную позицию, а ротные комитеты растерялись.

День и ночь прошли спокойно, угроза уполномоченного пока не приводила в действие. На следующий день, когда о результатах собрания 1-го батальона узн весь полк, к нам приходили солдаты из других подразделений полка, чтобы узна подробности происшествия. Мы, в свою очередь, интересовались, как они относят к поведению нашего батальона. Нам не только сочувствовали, но давали даже обещния поддержать, если против батальона применят силу. При этом ссылались на ' как полк реагировал на введение правительством Керенского смертной казни армии. Когда был объявлен этот приказ, весь полк собрался на митинг с оружи и единодушно заявил решительный протест против этого акта. Такой же проте выразили тогда и другие полки нашей дивизии.

Не принес изменений и следующий день. Солдаты занимались будничными де ми и готовились к санобработке, которую наш полк проходил в соседней дереви Вечером объявили, что завтра очередь нашей роты мыться в бане.

Рано утром рота построилась и после переклички направилась в соседнюю ; ревню. Любители попариться запаслись вениками, связанными из веток садовых , ревьев, поскольку не было под рукой березы. Предвкушая удовольствие, солда оживленно переговаривались, вспоминали домашние бани, шутили. Но вот кто-

аметил, что вслед за нашей ротой из расположения полка выступили другие части. Вскоре выяснилось, что за нами идут остальные три роты 1-го батальона. Это вызвало недоумение, так как до сих пор на санобработку посылали по одной роте. Тотчас же возникли различные предположения и догадки.

— Не скрывается ли за этим какая-либо хитрость со стороны уполномоченного комиссара? — тревожно спрашивали солдаты друг друга.

Веселое оживление уже исчезло, но винтовки и патроны были при себе, и это как-то успокаивало.

Через полчаса были уже на месте. Весь батальон расположился на окраине деревни, заняв приусадебные сады и пустые постройки.

Составив винтовки «в козлы» и разбившись на группы, солдаты ждали команды идти в баню. Однако время шло, а командиры молчали. Так прошло часа два, когда оповестили о сборе всего батальона на митинг. Сначала это вызвало удивление, но оно быстро рассеялось, когда в расположении батальона появился уже знакомый нам уполномоченный комиссара; он прибыл верхом на коне в сопровождении охраны из казаков.

Митинг собрали на выезде из деревни. Уполномоченный выступил с речью, заняв место поодаль от батальона и не слезая с коня. На этот раз он не стал обличать и уговаривать нас. Поднявшись на стременах, он поднял руку, как бы призывая к тишине. Затем, стараясь придать своим словам выразительность и важность, он громко отчеканил:

— Слушать внимательно! Объявляю приказ командующего армией: за невыполнение боевого приказа о возвращении в окопы, отказ выдать зачинщиков и разоружить первую роту, начавшую бунт, командующий приказал: первый батальон 638-го полка расформировать по другим частям.

— Поняли? Расформировать! — повторил он раздельно.— На основании данных мне полномочий приказываю: немедленно сдать оружие и ждать дальнейших указаний. Оружие принять фельдфебелям рот. Предупреждаю,— повысил он голос,— в случае неподчинения этому приказу против батальона будет применена вооруженная сила! Видите? — обвел он горизонт поднятым хлыстом,— эти силы приготовлены на случай невыполнения вами приказа. Немедленно исполняйте!

Пока уполномоченный объявлял приказ, все слушали и смотрели на него. Но когда он показал хлыстом, взоры всего батальона обратились на окружающую местность. Перед нами открылась грозная картина, которой раньше никто не замечал.

Примерно в километре от нашей стоянки в направлении расположения нашего полка раскинулась цепь пулеметчиков с пулеметами, обращенными в нашу сторону; слева на пригорке заняла боевую позицию батарея, орудия которой также были направлены на нас; справа — кавалерийская часть; в тылу, на другом конце деревни, занимал позиции вооруженный отряд пехоты (как выяснилось потом, это был ударный батальон).

Объявив приказ, уполномоченный повернул коня и в сопровождении своей охраны рысью поскакал в сторону артиллеристов. Изумленные солдаты некоторое время смотрели ему вслед, а потом, бросив взгляд на окружившие нас войска, побежали за своим оружием. Тут выяснилось, что в батальоне нет ни одного офицера, они незаметно исчезли, пока мы собирались на митинг и слушали уполномоченного.

Таким образом, батальон остался без офицерского состава.

Положение создалось тяжелое. Батальон оказался в кольце. Ждать помощи не от кого: от своего полка нас отрезали, с другими частями контакта не было. Сопротивляться бесполезно, а сдаваться на милость уполномоченного и стоящих за его спиной реакционных генералов страшно, так как каждый знал, что пощады не будет. Расставаться с оружием также не хотелось,— ведь это была последняя надежда в наших руках. Что же делать, как поступить? Ждать развязки на месте или податься в какую-либо сторону? На эти вопросы никто из нас не мог ответить, а общего руководства ни в ротах, ни в батальоне не было: взводные и отделенные унтер-

офицеры чувствовали себя, как и все солдаты, беспомощными, члены же солдатски комитетов совершенно растерялись.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы это беспомощное топтание на ме сте, если бы из общего гвалта не выделился чей-то звонкий призыв:

— Товарищи, надо пробиваться к своему полку!

Этот призыв будто выразил невысказанное желание всего батальона.

— К полку! К полку! — подхватили его со всех концов стоянки.

И тотчас же все роты, смешавшись в толпу, направились в ту сторону, где стоя наш полк.

Наш путь к полку преграждала пулеметная цепь и примыкавшая к ней кавале рия. Выходя из деревни, мы увидели, что около пулеметов началось движение. Ясн было, что пулеметчики готовились встретить нас пулеметным огнем. Одновремен началось оживление и среди кавалеристов. Однако батальон не остановился. Где-т в подсознании таилась еще слабая надежда на то, что стрелять в нас не будут.

Вдруг слева от нас, куда только что ускакал уполномоченный, совсем близк прогремел залп батареи и в ту же секунду в воздухе почти над нашими головам оглушительно разорвались снаряды. Это был предупредительный залп. Солдаты при тихли, сжались, но не остановились, продолжая двигаться в том же направлени Через минуту грохнул второй залп. Снаряды разорвались еще ближе. После третьег залпа снаряды разорвались над батальоном, поразив шрапнелью несколько челове Громко вскрикнули первые жертвы жестокой расправы, расправы без суда и сле ствия, расправы по приказу генералов и комиссаров Керенского.

— Братцы, нас расстреливают! — пронзительно закричал кто-то.

— За что, за что?! — воплем отозвалось несколько голосов.

— О—о—о—о—о! — прокатилось по толпе.

Минуту — две артиллерия молчала, как бы выжидая и проверяя эффект свое действия. Потом последовал новый залп. Шрапнелью ранило еще несколько челове Укрыться от нее было некуда, солдаты закрывали только руками головы и приг бались, когда разрывались снаряды. Тяжело раненные падали, зажимая кровоточа щие раны, но им никто не помогал.

— Братья, товарищи, что вы делаете, в кого стреляете?

— За что убиваете нас?

— Остановитесь, не стреляйте!

— Проклятые убийцы! — истерически кричали солдаты.

А батальон обреченных все шел и шел навстречу новой опасности. Уже отчетл во были видны приготовившиеся к бою пулеметные расчеты, еще один миг, и пул метная очередь могла бы покосить, как траву, беззащитную толпу солдат. Но в это момент кто-то догадался поднять на штыке белую рубаху, за ним тотчас же стал поднимать различные куски белой материи и размахивать ими. Этот призыв прекра тить огонь относился скорее к пулеметчикам, чем к артиллеристам, так как напра ленные на нас пулеметы были ближе и страшнее. Но артиллеристы также заметил белые «флаги» и прекратили стрельбу.

Пулеметчики поднялись, вглядываясь с любопытством в нашу сторону. За и цепью началось движение, то же самое происходило и в отряде кавалерии. Дв всадника от кавалеристов подскакали, видимо, к командиру пулеметной части, что-т сказали, показывая на нас, и затем рысью направились навстречу нашему батальо ну. Остановив коней у передних рядов, они спросили:

— Кто вы такие? В чем тут дело?

Солдаты, перебивая друг друга, взволнованно стали объяснять, кто мы и чт произошло, но в общем шуме трудно было разобрать, кто и что говорит. Тогда оди всадник, показав знаком, что ничего не понимает, громко скомандовал:

— Смирн-о-о!

Когда водворилась тишина, он спросил:

— Кто здесь старший?

Не получив ответа, он предложил:

— Тогда пусть говорит кто-нибудь один.

Солдаты оглядывались кругом, ища глазами, кто бы мог за всех рассказать им трагическую историю. Проталкиваясь сквозь толпу, вперед вышел небольшого роста, плотный, широколицый младший унтер-офицер.

— Позвольте, я объясню все,— заявил он.

— Хорошо, рассказывай,— поощрил его всадник.

— Командиров у нас нет, все наши офицеры сбежали, так что...

— Они заманили нас в ловушку, а сами скрылись,— перебил его взволнованный голос из толпы.

— Тише, не мешайте, пусть рассказывает один.

— ... так что остались мы, как овцы без пастуха. Мы из 638-го Ольтинского полка, первый батальон. Наш полк стоит вон в той деревне,— показал он рукой.— Наш батальон отказался выполнить неправильный приказ. Комиссар и офицеры хотели разоружить и расформировать нас за это. Мы дали им отпор. Это было позавчера, а сегодня утром они под предлогом санобработки заманили нас вон в то местечко и, как видите, устроили нам кровавую баню. Хорошо, что вы приехали к нам, иначе расстреляли бы весь батальон ни за что,— закончил унтер-офицер.

— А за что вас хотели разоружить, какой приказ вы не выполнили?

— Мы долго находились в окопах, на передовой линии. Понятно, заскорузли, запаршивели, завшивели, оборвались. Сами знаете, какие дожди лили в последнее время. Наконец, нам прислали смену, а потом, когда мы пошли на стоянку в тыл, нас с дороги хотели вернуть снова в окопы. А мы потребовали, чтобы нам дали отдых, и не подчинились, пришли на стоянку. К нам приехал комиссар, который вместо того, чтобы разобраться в нашем деле, стал нас ругать, обвинять в том, что мы не желаем воевать, и потребовал выдать зачинщиков и разоружить первую роту. Мы послали к черту этого прислужника царских офицеров. Вот за это они и решили расправиться с нами.

— Правильно, правильно! — поддержали столпившиеся солдаты.

— Теперь все ясно,— ответил всадник.— А нам сказали о вас, что вы — немецкие военнопленные, поднявшие бунт и перебившие русскую охрану. Выходит нас так же обманули, как и вас. Ну, теперь мы поговорим со своими офицерами. А вы можете идти к своему полку, вас пропустят, не волнуйтесь!

Сказав это, всадники повернули коней и галопом поскакали к своей части. Повеселевшие солдаты вслед им кричали:

— Спасибо, товарищи, спасибо вам! Уррр-а-а!

— Пошли к полку! К полку!

Радостно возбужденный батальон двинулся в том же направлении. Тем временем приезжавшие к нам всадники-делегаты уже информировали своих товарищей о коварном обмане, и цепь пулеметчиков и кавалеристов расступилась, чтобы освободить нам путь. А когда мы проходили через эти ворота, они, улыбаясь, приветливо махали нам руками.

Едва мы успели пройти через цепь окружавших нас частей, как увидели большой отряд вооруженных солдат, который быстрым шагом шел навстречу. Оказалось, что это часть нашего полка спешит к нам на помощь. Там каким-то образом проведали о нашем положении и решили пойти на выручку. Разумеется, офицеры не участвовали в этом деле.

Встреча со своими однополчанами поистине была трогательной. Наэлектризованные минувшим избавлением от гибели и взволнованные братским сочувствием товарищей, мы со слезами радости бросились их обнимать, изливая нахлынувшие чувства. Наше волнение передалось и встретившим нас однополчанам, которые также горячо обнимали нас.

По дороге к стоянке полка мы рассказывали, как устроили нам ловушку, как были обмануты окружившие нас части, как открыла огонь по батальону артиллерия и как мы избавились от гибели. Наши рассказы распалили и без того возмущенных товарищей. Тут же вспомнили о трагических последствиях июньского наступления,

когда по вине командира полка Селяво наш полк, брошенный в наступление, натknулся на неразбитые при артиллерийской подготовке минные поля и проволочные заграждения. Встреченный ружейным и пулеметным огнем австрийцев, полк возвратился тогда в свои окопы с огромными потерями. Вспомнили также и о том, как в конце прошлого года в 12-й роте были наказаны розгами рядовой Хиненко и отказавшийся его пороть ефрейтор Шиков. Добрым словом помянули и бывшего командира той роты поручика Ильинского, который был отстранен от должности за то, что отказался привести в исполнение приказ о наказании этих солдат.

— К штабу полка! К штабу полка! — раздались крики.

На окраине местечка к нам присоединились остальные роты, и весь полк направился к штабу. Настроение солдат было боевое, грозное. Если бы в этот момент показался командир полка или другой офицер из нашего батальона, ему бы не сдобровать.

Штаб полка занимал двухэтажное деревянное здание школы с большими окнами. Надвигались уже сумерки, когда возбужденные солдаты окружили штаб. Однако ни в окнах, ни в дверях никто не появлялся, здание казалось нежилым.

Из общего шума толпы выделялись крики:

— Требуем полковника Селяво!

— Выходи на улицу, палач!

— Пусть выходят все офицеры!

Стоявшие у входа в штаб солдаты стали стучать прикладами в запертую дверь. Под сильными ударами запоры сломались, и дверь открылась. Ворвавшиеся в помещение солдаты нашли только двух перепуганных писарей.

— Где полковник Селяво? Куда спрятались офицеры?

— В штабе никого, кроме нас, нет, можете обыскать помещение,— ответил высокий с рыжими усами старший писарь.— Командир полка Селяво уехал в штаб дивизии, а штабные офицеры ушли из штаба тотчас же, как узнали о выпуске из окружения первого батальона. Где они находятся сейчас, мы не знаем.

Осмотрев помещение штаба, солдаты вышли и сообщили ожидавшим товарищам, что ни одного офицера в штабе нет, все они скрылись, а полковник Селяво, по словам дежурных писарей, уехал в штаб дивизии, иначе говоря, сбежал.

Уже стемнело, когда разочарованные тем, что не удалось отвести душу, и несколько успокоившиеся солдаты стали расходиться по своим ротам. Но события дня долго еще обсуждались в этот вечер.

Весть о затеянной расправе над первым батальоном 638-го полка быстро разнеслась по всей 160-й дивизии, в которую входил наш полк, и по некоторым частям корпуса. Этому способствовало то, что к участию в этой жестокой затее были привлечены несколько частей корпуса, бригада сводной кавалерийской дивизии с конной батареей (которая обстреляла наш батальон), 19-й драгунский полк, ударный батальон и др. Как мы узнали потом, дивизионные, полковые и другие комитеты этих частей бурно обсуждали это событие, требуя привлечения к ответственности виновных офицеров и комиссаров.

Волнение в нашем полку и резкая реакция на событие в других частях встревожили командование не только дивизии и корпуса, но и 8-й армии, в подчинении которой находился наш полк. Это видно из следующих телеграмм начальника штаба корпуса:

«Начдив 160. Комкор ожидает сегодня же подробное донесение о всем происшедшем в 638 полку. 23 августа. № 5747» [1].

Но штаб армии, видимо, настойчиво требовал немедленного доклада, поэтому штаб корпуса в тот же день доносил:

«Наштарм 8. Особая 262. По приказанию комкора доношу, что подробное донесение будет представлено завтра. 23 августа № 5748» [2].

---

[1] ЦГВИА, ф. 2210, д. 358, л. 43.

[2] Там же, л. 47.

Не дожидаясь доклада начальника дивизии, в полк выехал комиссар с зада-
ием выяснить подробности на месте и успокоить солдат. К этому времени волне
ие в полку несколько улеглось, и комиссар, ознакомившись с положением и пере-
оворив с представителями полкового и ротных комитетов, информировал штаб
орпуса, что дело можно считать улаженным.

Получив информацию комиссара, начальник штаба корпуса донес в штаб
рмии:

«По сообщению комиссара, 638-й полк дал ему слово, что больше подобных
лучаев не будет, и комиссар просил считать это дело ликвидированным, к чему
омкор вполне присоединяется, тем более, что́ *батальон уже в достаточной мере
острадал* (курсив мой.— *И. Ч.*).

Бригада сводной кав. дивизии с взводом конной батареи отправилась обратно
Новосельцы» [1].

А когда комиссар возвратился в штаб корпуса и лично доложил о результатах
воих наблюдений и переговоров, то командир корпуса послал следующее донесе-
ие командующему 8-й армии:

«Командарм 8. 24 августа. № 0207.

Я полагаю, что комиссар сделает Вам подробный доклад о происшедшем в
олку.

Представляя донесение командира 638-го полка, сообщаю, что комиссар после
азговора с комитетами сказал мне, что дело улажено, что солдаты дали ему слово
олее не нарушать дисциплины и исполнять все приказы и что на этом следует
читать инцидент исчерпанным, тем более, что все дело приняло такой оборот благо-
аря горячности и неопытности помощника комиссара.

Разоружение же батальона не случилось благодаря неопытности одного из офи-
еров драгунского полка, который их впустил в д. Рингач (место стоянки 638-го
олка.— *И. Ч.*), как это видно из объяснения командира 19-го драгунского полка.

Теперь 638-й полк станет сегодня на позицию, и я полагаю, ввиду разговора
омиссара с ним, считать это дело законченным.

Чтобы оградить офицеров, против которых возбуждены солдаты, штабом диви-
ии приняты меры: все ротные командиры первого батальона будут направлены
запасный батальон, как требовалось распоряжением штарма, для обучения попол-
ений, так как они подходят по своим служебным качествам и ранениям. Младшие
фицеры возвращены в полк, но будут переведены в другие батальоны. Командир
атальона подполковник Варшавский будет назначен вр. командующим 162-м пол-
ом. Комкор 16 Щедрин» [2].

Однако комиссар и командир корпуса поторопились со своими выводами. «Инци-
ент», как они назвали расправу над батальоном, еще не кончился, и солдаты ока-
ались совсем не такими послушными «овечками», как изобразил их комиссар.

Встретив сочувствие и поддержку в других частях дивизии и соседних подраз-
елениях, они оправились от растерянности, обрели уверенность и предъявили свои
ребования. Прежде всего, они переизбрали тех членов ротных и полкового коми-
етов, которые занимались уговорами или держались пассивно во время расправы
ад батальоном, выбрав вместо них более энергичных и стоящих на левых пози-
иях. В число вновь избранных членов полкового комитета попал и автор этих
трок, занявший сначала пост секретаря, а потом товарища председателя полкового
омитета и члена дивизионного комитета. Одновременно они потребовали привлече-
ия к ответственности виновных в расправе над батальоном, смены командира
олка и всех офицеров первого батальона. Впрочем, эти офицеры и сами побоялись
озвратиться на свои места, а полковник Селяво, числясь формально командиром
олка, скрывался где-то в расположении дивизии. Солдаты отказались выступить
а передовые позиции, пока не будут удовлетворены все их требования.

---

[1] ЦГВИА, ф. 2210, оп. 1, д. 671, л. 90.

[2] Там же, д. 572, л. 22.

Обновленный полковой комитет, отражая настроение полка, стал действовать активнее и смелее, заняв независимую позицию. Он связался с солдатскими комитетами соседних частей и через своих делегатов информировал их о том, что произошло в нашем полку и какие требования предъявлены солдатами.

Случай с 1-м батальоном оказал большое влияние на умонастроение солдат нашего полка. Если раньше большинство верило обещаниям эсеров и меньшевиков или колебалось, то теперь стало высмеивать их и расценивать события в стране так, как их объясняли большевики. Правительство Керенского критиковали открыто, без оглядки на офицеров. Лозунги большевиков воспринимали как свое кровное дело. На офицеров смотрели косо, к их приказам относились с подозрением. Офицеры чувствовали это и держались настороженно. Полк заметно полевел, и командование отказалось от своего намерения перебросить его на передовые позиции.

Но полевел не только наш полк, такой же процесс происходил и в других полках дивизии. Этот сдвиг влево наблюдался во всей армии. Эсеры, меньшевики и другие правые деятели, имевшие раньше большинство во многих армейских комитетах, с каждым днем теряли свое влияние.

Большевистских организаций в 160-й дивизии, вероятно, не было, точнее, мы не знали, существовали ли они, но среди солдат были отдельные большевики, сочувствовавшие им и близко стоявшие к ним в то время левые эсеры. Эти люди вели активную борьбу против правых эсеров, меньшевиков и реакционного офицерства, вытесняя их из солдатских комитетов. Они распространяли и разъясняли широким массам идеи и лозунги большевиков. Таких активистов было еще мало, но их деятельность имела большое значение для завоевания масс на сторону большевиков.

Одним из них был рядовой Георгий Рогачев. Среди солдат он выделялся своим общим и политическим развитием. Благодаря этим качествам Рогачев быстро выдвинулся, заняв пост председателя дивизионного комитета (позднее он был избран председателем корпусного комитета 16 корпуса). В своих выступлениях он отстаивал лозунги партии большевиков и резко критиковал политику Временного правительства. В дивизии был популярен.

В начале октября 1917 г., когда на политическом горизонте сгущались тучи и надвигалась гроза социалистической революции, в штабе 160-й дивизии состоялось объединенное заседание дивизионного, полковых и равных им комитетов. На повестке дня стоял доклад вернувшегося из Петрограда делегата крестьянских организаций дивизии Говоркова о «переживаемом моменте».

Делегаты внимательно слушали о том, что происходит в стране и что слышал и видел своими глазами Говорков в Петрограде. В горячих прениях, развернувшихся по его докладу, отчетливо выразилось недовольство политикой Временного правительства и желание покончить с войной. Выступая от имени своих полков, делегаты требовали передачи власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. По предложению Рогачева собрание приняло две резолюции: о государственной власти и о войне и мире. Вот как они изложены в сохранившемся протоколе заседания № 18 от 6 октября 1917 г.:

«1. О государственной власти. Народ, испытавший всю тяжесть царского режима и 39-месячную кровавую бойню, своим могучим взмахом, казалось бы, сбросил все негодное, отжившее и гнилое. Народ стал свободным и по русской широкой доверчивости допустил к государственной машине новых царей в другой одежде — царей капиталистов. Солдаты, перенесшие все ужасы войны, вздохнув свободно, верили, что Временное правительство поставит себе в обязанность выполнить волю трудового народа — заключить демократический мир.

Семимесячный опыт совместной работы во Временном правительстве с буржуазией и цензовыми элементами тормозил укрепление и дальнейшее завоевание русской революции, приведя нас к кризису власти, корниловщине и новому опыту коалиции. Война продолжается, продолжается и хозяйственная разруха, и уже близится финансовая катастрофа.

Соглашаться снова на совместную работу во Временном правительстве с бур

уазией — это значит еще больше ухудшить развал России и обречь на смерть революцию. Демократическое совещание, хотя поддержавшее в незначительном превосодстве министерство соглашательства с буржуазией, ясно показало в громадной оловине бесполезность установления коалиционной власти, отражающей только нтересы имущих классов.

Признавая, что только демократическая революционная власть, возглавляемая оветом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, отстаивая интересы трудяцегося народа, может дать успокоение и пойдет по пути к скорейшему заключению мира. Объединенное заседание заявляет, что вся 160-я дивизия, поддерживая доверяя Всероссийскому съезду Советов солдатских и рабочих депутатов, имеюцему быть 20 октября в Петрограде, находит, что вся власть должна принадлежать оветам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, ответственных перед трудоым народом.

Надеемся, что власть, представляющая Совет солдатских, рабочих и крестьянских эпутатов, созовет Учредительное собрание в непродолжительном времени.

2. О войне и мире. Великой русской революции грозит серьезная опасность продолжении капиталистической войны с ее захватническими целями. Прежде сего революция должна принести мир всем народам и ослабить мировой милиаризм.

Временное правительство проводило внешнюю политику, противоречащую интеесам трудового народа. Продолжая войну во имя интересов империалистов и буруазии, мы заживо погребаем Великую русскую революцию, разъединяемся с мироэй демократией и отдаляемся от мира.

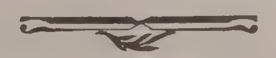
Исходя из этого, считаем необходимым: 1) немедленное предложение Временым правительством перемирия на всех фронтах всех воюющих держав; 2) уничэжение тайных договоров и признание их недействительными; 3) твердо стоя на траже интересов революции, требуем немедленно приступить к переговорам об словиях демократического мира и 4) немедленный созыв социалистической конфеенции.

Только действительная борьба революционной демократии за прекращение войы приведет народы к заключению мира» [1].

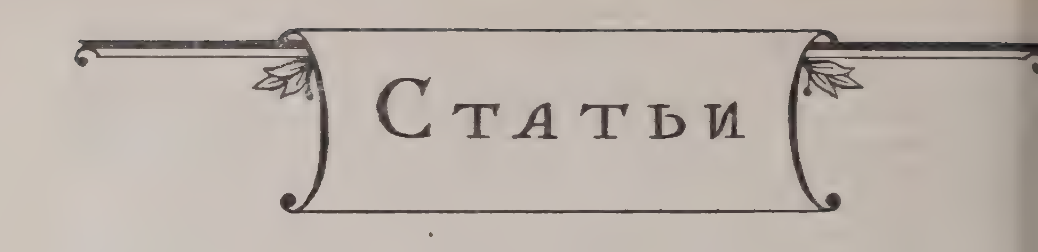
За эту резолюцию проголосовало 89 делегатов из 91, присутствовавшего на аседании. А для того, чтобы резолюции были действенными, т. е. не оставались на умаге, объединенное собрание решило: во-первых, «настаивать, чтобы корпусной омитет созвал пленарное заседание и вынес аналогичную резолюцию от лица всего 3-го корпуса»; во-вторых, «просить редакцию газеты „Известия армейского комиэта" опубликовать в очередном номере настоящий протокол»; в-третьих, «прочиать его солдатам 160-й дивизии и, опираясь на согласие их, твердо и неуклонно ровести в исполнение».

Кроме того, «для разъяснения действительного положения и настроения солдатраждан» собрание избрало тайным голосованием из своего состава двух представителей для посылки в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Избранными оказались солдат Рогачев и штабс-капитан Соболев.

Весть об Октябрьской революции в Петрограде, об образовании Совета Народых Комиссаров во главе с В. И. Лениным, о первых декретах Советской власти земле и мире мы встретили на фронте, как исполнение своих заветных чаяний.

[1] ЦГВИА, ф. 2210, оп. 1, д. 7, л. 390.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ

Член-корр. АН СССР Д. С. ЛИХАЧЕВ

В номере 6 «Исторического архива» за 1956 г. опубликована статья «О приема
научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.». Статья принадле
жит А. А. Зимину, имеющему большой и плодотворный опыт изучения и издания
текстов документов, актовых и повествовательных, и поэтому заслуживает самого
серьезного внимания, так как только опыт большой собственной работы дает прав
на теоретические обобщения в области текстологии. Тем не менее, мне хотелос
бы защитить и развить те мои положения, с которыми А. А. Зимин спорит в свое
статье. При этом, если статья А. А. Зимина написана как бы под лозунгом «проти
недооценки реконструкции текста», то я свою статью хотел бы посвятить теме
«в защиту документа в вопросе о реконструкции текста».

Вопрос о реконструкции древних текстов чрезвычайно важен. Но рассмотрени
этого вопроса можно производить только с учетом опыта всей науки, как нашей, та
и зарубежной. В этом отношении поучительна судьба текстологической школ
К. Лахмана, влияние которой было чрезвычайно сильно повсюду (в том числе
в России) в XIX в. Задача реконструкции авторского текста была основной задачей
филологической критики и публикаций этой школы. Поиски авторских чтений в ру
копиях приобретали у К. Лахмана и его последователей порой характер мании и на
воднили филологические и исторические работы различного рода реконструкциями
к которым мы сейчас можем относиться только с улыбкой, несмотря на то, что
выполнялись они на основе строго методических приемов, продуманных и одно
образных.

Школа К. Лахмана в целом потерпела полное крушение, однако отдельные
методические приемы издания реконструированных текстов продолжают сохранять
ся в практической работе текстологов. Поэтому одна из задач науки — четко опре
делить точки соприкосновения и зоны расхождения с различными текстологически
ми школами прошлого и, прежде всего, со школой К. Лахмана. Изучение истори
текстологии позволило бы быстрее преодолеть некоторые упрощенные и предвзяты
представления о жизни текста памятников[1] и принесло бы существенную помощ
в развитии текстологической теории.

Издания реконструкций классических и средневековых памятников К. Лахмана
и его учеников давно признаны «длинным рядом фальсификаций».

---

[1] О наличии этих упрощенных и устарелых убеждений в современной западно
текстологии говорит в своей книге A. Dain («Les manusrits», P., 1949, стр. 155 и сл.)
Впрочем, следует отметить, что некоторые из положений самого Дена представляются
нам упрощенными, отнюдь не оправдывающимися на древнерусском материале.

Изучение истории текстологии поучительно и еще в одном, частном отношении: ясно показывает недолговечность всех изданий реконструкций и долговечность изданий документов, по преимуществу дипломатического типа. Разве не подивает время даже такие великолепные реконструкции, как реконструкции А. Шахматова, тогда как изданные им реальные летописные тексты стоят нелемо и будут служить еще много десятилетий.

Необходимость резко различать издание реальных текстов от изданий реконкций все решительнее осознается сейчас и в наиболее значительных работах дно-европейских ученых по текстологии[1].

А. А. Зимин утверждает, что «нельзя проводить столь резкую грань между реконкциями и „критическим" изданием» текста (стр. 134), как это делаю я, что «элеты реконструкции имеются во всяком издании памятника, сохранившегося не длиннике, а в позднейшем списке» (стр. 133) и что «одной из особых форм, редачи текста (разрядка моя.— *Д. Л.*) является научная реконструкция чника, не сохранившегося в подлиннике или сохранившегося в дефектном » (там же).

Между критическим изданием текста и его реконструкцией есть принципиаль- и очень резкое различие. Реконструкция может быть только реконструкцией тника или вида памятника, не дошедшего до нас. Реконструируется несохрашийся авторский текст, несохранившийся архетип наличных списков или ко архетип какой-то части этих списков (редакции, вида, извода и т. д.). тому-то и нельзя говорить, что реконструкция — это одна из форм передачи ста. В критическом же издании предлагается реально дошедший текст. В этом те могут быть отдельные исправления, но их отнюдь нельзя отождествлять конструкцией, ибо сама реконструкция — ни в коем случае не есть простое равление текста.

В критическом издании мы исправляем описки, часто не зная, кому они прилежат: может быть, что ошибки последнего переписчика, может быть — его предтвенников, может быть, составителя одной из редакций памятника, а может , и самого автора. Эти исправления вносятся даже в реально дошедший до нас рский текст, не говоря уже о тексте архетипа редакции, вида, группы списков. довательно, мы не можем говорить, что в критическом издании реконструируется й-то определенный вид памятника. По существу текст остается текстом списка, только удобочитаемым, удобопонимаемым и удобоцитируемым. Перед реконкцией же стоят совсем иные цели. Реконструктор не «исправляет» текст одный для реконструкции текст может быть вполне исправным или неисправ- — это неважно), а на основании точного изучения истории сохранившихся тов стремится восстановить состав памятника какого-то определенного а его истории, восстановить его текст по содержанию, его языковые формы д.

Реконструктору приходится делать не отдельные, разрозненные исправления поступали только в первой половине XIX в. и ранее), а целостное восстановне, сплошь и рядом заменяя по различным соображениям понятный и ясный т более сложным, менее доступным, внося изменения в конструкцию памятника, го состав, содержание, идейную сторону, изменяя иногда языковые формы д. Реконструируя памятник, приходится большей частью не «снимать» напластония», «наслоения» и исправлять описки, а восстанавливать древний текст ого-то одного и притом вполне определенного этапа в жизни памятника.

Неправильно думать, что памятник претерпевает в различных списках и редак только «искажения», приобретает описки, «напластования» и «наслоения», т. е. ет якобы только путем механических изменений, которые могут быть механи-

---

[1] Критику теории К. Лахмана см. в первой главе книги G. Pasquali «Storia a tradizione e critica del testo. 2-da edizione, con nuova prefazione e aggiunta di appendici». Firenze, 1952, XXIV + 525 p.

чески же удалены при помощи легкой хирургической операции. В основном, в сво наиболее глубоких изменениях, дающих новые этапы в жизни памятника, тек развивается в результате органических, целостных изменений, изменений взаим связанных, совершающихся путем замен, изменений, перестановок, сокращений, д полнений, *сознательно* вносимых в него его переписчиками и редакторам Описки, ошибки, конечно, в изобилии вносятся в памятник, но роль их в появлени новых этапов в жизни памятника не так велика, как роль тех изменений, котор вносятся в памятник под влиянием новых идейных и стилистических требовани органически изменяющих состав памятника и его текст. Только *сознательны* изменения приводят к образованию новых редакций: механические же изменен этих новых редакций составить не могут.

Реконструкция ставит перед собой задачей восстановление всей идейной и ст листической сути определенного этапа в жизни памятника[1]. Критическое же изд ние исправляет только механические изменения, проникшие в текст на всех этап его жизни. Критическое издание реально дошедшего до нас текста ни в коем сл чае не вносит в него идейных и стилистических изменений. Между тем, мы видел что определенные этапы в жизни памятника (его редакции) определяются имен идейными и стилистическими изменениями, а отнюдь не механическими искаж ниями и напластованиями. Отсюда ясно, что удаление механических изменени которое допускается в критическом издании памятника, по самому существу свое не способно восстановить, реконструировать какую-либо из предшествующих реда ций памятника, крупных этапов в истории его текста. Удаляя механические изм нения в тексте памятника, мы можем восстановить авторский текст или тек какой-либо редакции *только* в том случае, если издаваемый в критическом изд нии текст уже по существу представляет собой именно этот авторский текст и именно этот текст редакции, но только искаженный механическими изменениям Называть такое очищение текста от ошибок реконструкцией ни в коем случае нель так как, по существу, этим способом ничего не реконструируется, не вносится н каких изменений в самую «конструкцию» текста — в его идейную и стилистическу суть.

Вместе с тем, если в разночтениях критического издания можно оговорить в изменения основного текста и характер исправлений *механически* измененно текста может быть ясен читателю без особых пояснений, то пояснить «исправлени *сознательных* изменений текста в обычных разночтениях, помещенных вни страницы, нельзя, да и называть их «исправлениями» также невозможно. Рекон рукции текста должно предпосылаться особое исследование, в котором и долж оправдываться все переделки реально дошедших текстов, легших в основу рек струкции.

Может возникнуть вопрос: не приближают ли отдельные исправления, котор допускаются в критическом издании, текст к первоначальному и не являются они, следовательно, «элементами реконструкции текста?». Несомненно, что испра ления в подавляющем большинстве случаев восстанавливают старые чтения, это восстановление отнюдь не является *задачей* исправлений критического изд ния. Исправления вносятся не для того, чтобы реконструировать какой-то определе ный пройденный этап истории текста; для реконструкции текста отнюдь нель ограничиваться разрозненными исправлениями непонятных, явно ошибочных ме Поэтому я продолжаю оставаться при убеждении, что *задачи* критического изд ния текста и *задачи* реконструкции ни в коем случае нельзя смешивать, хо соблазн такого рода смешения постоянно возникает перед публикатором. Чтобы ум рить этот соблазн, необходимо точно разграничить допустимые и недопустимые

---

[1] К вопросу о том, почему реконструкция должна восстанавливать какой- определенный этап в истории текста памятника, а не быть реконструкцией «во ще», без определенных задач, реконструкцией, лишь «приближающей» реально шедший текст к авторскому, мы вернемся в дальнейшем.

ления. Исходя из опыта лучших наших публикаторов, нужно считать, что в ическом издании допустимы исправления только таких мест, которые явно не осмысленного чтения (разумеется, с соответствующими оговорками в примеях). Замены же осмысленных чтений «лучшими», как бы соблазнительны они ыли, не допустимы.

Реконструктор должен восстанавливать и язык памятника, а это самое опасное работе. Одна из самых слабых сторон реконструкции «Повести временных лет» . Шахматовым — это ее «гипотетический», искусственный древнерусский язык. реконструкция неприемлема для нас прежде всего с точки зрения ее языка. . Шахматов затратил очень много усилий на то, чтобы восстановить язык «По», но восстановил его, само собой разумеется, согласно тем представлениям, рые он сам имел о литературном языке начала XII в. Не следует забывать, что лема языка стоит почти во всех случаях реконструкций, если эти реконструкпретендуют на некоторую законченность [1].

Реконструкции только условно могут быть включаемы в классификации публий текстов. Они имеют очень большое значение в научной интерпретации источв. Но реконструкции всегда связаны с тем или иным исследователем, их создав. Они конкретизируют его положения, наглядно подтверждают его выводы, иллюруют их, дают возможность будущим исследователям удобно ссылаться на вывовоего предшественника. Документ же должен существовать независимо от того, его опубликовал. Реконструкции «приходят и уходят», двигая вперед изучение мента, но сам документ остается незыблемым.

Итак, из всего сказанного ясно принципиальное и резкое различие между измеями, вносимыми в текст списков при реконструкции, и изменениями, вносимы текст списков в критическом издании.

Текст критического издания памятника — это реальность. Текст реконструкции, бы она тщательно ни была выполнена и какую бы уверенность в своей праности она не внушала ее составителю,— всегда гипотеза, точность которой мобыть доказана только одним путем: находкой нового подлинного списка с этим м реконструированным текстом. Но в этом, последнем случае необходимость нструкции исчезает, и она должна быть заменена изданием найденного списка. Ш. В. Ланглуа пишет: «Ученые, предающиеся со страстью занятиям гадателькритикой, рискуют, в пылу увлечения, заподозрить подлинные тексты и предть для искаженных мест смелые гипотезы. Они с а м и э т о з н а ю т (разрядка — *Д. Л.*), а потому считают для себя законом ясно разделять в своих изданиях сы сохранившихся рукописей от текстов, установленных ими самими» [2].

В своей статье А. А. Зимин перечисляет различные «действительно научные» нструкции русских памятников XI—XVII вв. Приводимых А. А. Зиминым прив на самом деле более чем достаточно, чтобы опровергнуть его собственную точрения. Примеры, которые А. А. Зимин приводит, ясно показывают, что сами ав реконструкций делали определенное и притом резкое различие между реконстиями и изданиями подлинных текстов. Иными словами, они «сами знали» (выние Ш. В. Ланглуа), что тексты сохранившихся рукописей следует отделять от тов, ими установленных. В качестве первого примера реконструкций А. А. Зиприводит реконструкции А. А. Шахматова «Повести временных лет» и предвующих ей сводов. Несомненно, что эти реконструкции заслуживают самого езного внимания как итог его исследования древнейшего русского летописания, от, что писал А. А. Шахматов в рецензии на книгу М. Д. Приселкова «Очерки ерковно-политической истории Киевской Руси» (СПб., 1913) по поводу попытки еднего использовать его реконструкции в качестве исторического источника:

---

[1] О необходимости в реконструкциях восстанавливать язык памятника будет еще ано ниже.

[2] Ш. В. Л а н г л у а и Ш. С е н ь о б о с. Введение в изучение истории. СПб., 1899, 63.

(автор, т. е. М. Д. Приселков. — *Д. Л.*) должен был бы стать в теснейшую и неп
(посредственную) связь с основным для него источником — русскою летописью, меж
тем он поставил между этим источником и собою мое исследование о древнейш
русских летописных сводах. М. Д. Приселков идет при этом настолько далеко, ч
редко ссылается на Лаврентьевский или Ипатьевский списки, излагая события X
XI вв.: летописные тексты приводятся им по моему п р е д п о л о ж и т е л ь н о м
(разрядка моя.— *Д. Л.*) чтению»[1].

Подробно анализирует А. А. Зимин реконструкцию Пространной редакции «Ру
ской Правды», предложенную М. Н. Тихомировым в «Исследовании о Русской Пра
де» (М.— Л., 1941, стр. 233—254), но характерно, что М. Н. Тихомиров, хотя и п
местил свою реконструкцию в это исследование, но в отдельном издании текста «Ру
ской Правды»[2] дает не эту реконструкцию, а точный текст Троицкого списка. Бо
ше того, свою реконструкцию М. Н. Тихомиров называет только «опытом восстан
ления». Следовательно, и М. Н. Тихомиров решительно отделяет издание рекон
рукции от издания документа.

Еще более ясна недопустимость смешения задач реконструкции первоначальн
го текста с задачами издания подлинного текста на приводимом А. А. Зиминым пр
мере реконструкции текста «Задонщины», выполненном В. П. Адриановой-Пере
которая свою реконструкцию издала отдельно от подлинных текстов «Задонщины
В томе V «Трудов Отдела древнерусской литературы» ею издана «Задонщина»
всем спискам. И именно эту свою публикацию Адрианова-Перетц называет «т
стом» (см. подзаголовок публикации)[3]. В томе же VI «Трудов Отдела древнерусск
литературы» ею отдельно издана реконструкция «Задонщины», и эту свою рекон
рукцию В. П. Адрианова-Перетц именует только «опытом» (см. подзаголовок ее и
следования)[4]. Ясно, что и В. П. Адрианова-Перетц резко отделяет задачи издан
подлинного текста от издания реконструкции. Задачи реконструкции текста архе
пов с задачами издания подлинных текстов соединял в своих публикациях «П
вести о Савве Грудцыне и «Повести о Петре и Февронии»[5] М. О. Скрипиль. В эт
отношении А. А. Зимин имел, действительно, в лице М. О. Скрипиля своего един
мышленника. Однако удивительно, что именно с ним по вопросу о правильности и
дания им текста «Повести о Петре и Февронии» больше всего спорит сам А. А. З
мин: «Однако с е р ь е з н о й о ш и б к о й (разрядка моя.— *Д. Л.*) издате
(М. О. Скрипиля.— *Д. Л.*).— пишет А. А. Зимин.— является то, что он искусствен
оторвал предисловие и заключение («Похвалу») от основного текста „Повести"[6], п
местив их петитом в конце издания» (стр. 140). Следовательно, в данном приме
перед нами обратный случай: издатель реконструкции считает ее подлинным тексто
а А. А. Зимин отказывается признать ее таковым, несмотря на то, что сам же
вполне правильно) утверждает, что издание М. О. Скрипиля «осуществлено пос
глубокого предварительного изучения литературной истории и текстологии памятн
ка» (стр. 140). Таким образом, этим примером А. А. Зимин только подтвержда

---

[1] «Новый исторический журнал», 1914, № 4, стр. 45.

[2] М. Н. Т и х о м и р о в. Пособие для изучения Русской Правды. Изд. МГУ,
1953, стр. 87—112.

[3] В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Задонщина. Текст и примечания. Труды О
дела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. V, М.-Л. 19
стр. 194—224.

[4] В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Задонщина (опыт реконструкции авторск
текста). Там же, т. VI, 1948, стр. 201—255.

[5] М. О. С к р и п и л ь. Повесть о Савве Грудцыне. Там же, т. V, М.-Л., 19
стр. 225—308; Повесть о Петре и Февронии. Там же, т. VII, М.-Л., 1949, стр. 215—2

[6] Мне кажется, что в данном случае А. А. Зимин не учел всей вескости сооб
жений М. О. Скрипиля, отделившего предисловие и «Похвалу» от основного текс

кость всякого рода реконструкций и недопустимость смешивать их задачи с за-ами критического издания текста.

Самым «разительным», в смысле опровержения собственных взглядов А. А. Зи-а, является, пожалуй, приводимый им пример попыток реконструировать текст ова о полку Игореве», принадлежащих М. В. Щепкиной, Л. А. Дмитриеву и мне. , собственно, нами «реконструируется» — авторский текст, протограф, архетип? , нами в известной мере «реконструируется» всего лишь тот нереконструированный текст, который первые издатели имели перед собой, но из-за их неправильных представлений о необходимости «активного отношения» к тек- не решились издать абсолютно точно, дипломатически, без всяких упрощений восстановлений. Однако и эту «реконструкцию» нереконструированного текста тавители никогда, конечно, не решатся выдать за документ и смешивать с текста- первого издания и Екатерининской копии.

В самом деле, на примере первого издания «Слова о полку Игореве» совершенно о видно, какой огромный вред для русской культуры принесло неправильное от-шение его первых издателей к передаче текста подлинника. Пропагандируемое сей- некоторыми исследователями «активное отношение к тексту источников» в из-тной мере было присуще и первым издателям «Слова». Они упростили орфогра-о подлинника, отменили часть букв, бывших, несомненно, в тексте (юсы, некото- лигатуры), по-своему разделили текст на слова и т. д., и тем нанесли непопра-ный ущерб изучению «Слова». К счастью, первые издатели «Слова» допускали ько облегчение текста и некоторые его прояснения и не слишком увлекались ре-струкциями, сохранив часть «темных мест» в памятнике без особых попыток их ысления, иначе исследователи «Слова» были бы в еще более затруднительном по-жении, а скептики получили бы новые «подкрепления» своему скептицизму.

Иногда, впрочем, задачи издателя подлинного текста и издания реконструкции можно соединять. Я имею в виду те случаи, когда подлинный текст и реконст-ция действительно могут совмещаться, а не вытеснять друг друга: в реконструк-х утраченных мест документов (берестяных грамот, актов, известных только дном списке, и т. п.). Здесь совмещение — чисто механическое, издательское.

Реконструированный текст, поскольку это позволяют утраченные части подлин-ка, можно печатать и вместе с последним («впритык»), набирая их различными ифтами, и отдельно: по существу в реконструкции и в подлиннике от этого ни-о не меняется и между собой они не смешиваются. Поэтому приводимые А. А. Зи-ным примеры реконструкций отдельных утраченных мест грамот в настоящей тье не рассматриваются.

Допустимы также такие совмещения, при которых утраченная часть списка с тветствующей оговоркой восполняется по другому списку[1]. Такого рода механи-кое восполнение текста не является по существу его реконструкцией.

Что же касается до издания сочинений И. Пересветова, выполненного А. А. Зи-ным и приводимого им в качестве примера реконструкции, то в основном это из-ие критическое, а не издание реконструкций. Жаль только, что А. А. Зимин не гда ограничивался в нем исправлением явных ошибок.

Чтобы спор был плодотворным, необходимо условиться о терминологии. Установ-ие единства в терминологии поможет найти «общий язык» и до известной степе- прояснит наши представления о существе дела.

Прежде всего необходимо установить различие в понятиях «авторский текст», хетип» и «протограф». Авторский текст и архетип — вовсе не одно и то же. Су-ствующие редакции памятника или тексты его списков могут восходить к общему хетипу, но этот архетип вовсе не во всех случаях обязательно должен быть автор-м текстом. Так, например, все существующие тексты памятника могут восхо-ть к тексту, уже изменившему текст автора. Как отмечает Д. Паскуали, авторского

[1] См. издание Я. С. Лурье текста Первого послания Грозного Курбскому в книге ослания Ивана Грозного», под редакцией В. П. Адриановой-Перетц (М.-Л., 1951).

текста памятника вообще могло не существовать или этих авторских текстов могло быть несколько. Я. С. Лурье установил, например, что «Просветитель» Иосифа Волоцкого дошел до нас в двух различных авторских редакциях[1]. Следовательно, здесь два авторских текста. С другой стороны, нельзя говорить об авторском тексте памятников, создававшихся постепенно и коллективно.

Летописи и хронографы могли составляться одновременно несколькими «авторами» и при этом на основе ранее существовавших текстов. Говорить в этих случаях об «авторском тексте» летописи, как и об авторском тексте «Русской правды» или, в отдельных случаях, об «авторском тексте» житий, петериков, сводов повествовательного материала и т. д.— просто невозможно. В Древней Руси очень часто создавались компиляции, «своды», новые произведения возникали в результате пополнения или продолжения текста уже существовавших памятников и т. д. В древнерусской литературе коллективное начало в создании отдельных литературных произведений было чрезвычайно сильно. Последующие переделыватели и переписчики выступали часто как соавторы, и с этим, прежде всего, должен считаться исследователь текста. Говорить об авторском тексте этих коллективно создававшихся памятников так же нельзя, как и об авторском тексте большинства фольклорных произведений — былин, сказок, исторических песен и т. д.

Так же различаются между собой термины «архетип» и «протограф»[2]. Правда, в некоторых работах последнего времени их иногда смешивают, но каких-либо закономерных различий в их употреблении между историками и литературоведами, как об этом пишет А. А. Зимин (стр. 133), думается, установить нельзя. В определении этих терминов следует считаться с теми исконными значениями, которые в той или иной мере интернациональны и отражены в текстологических работах всего мира. «Архетип» — это текст, к которому генетически восходят наличные тексты группы списков или редакции, виды и т. д. «Протограф» — это список или текст списка, с которого непосредственно сделан тот список, который изучает исследователь, это оригинал копии или оригинал переделки.

Терминологическое различие это очень важно, ибо можно спорить, существовал ли вообще архетип тех или иных сохранившихся списков, но не их протограф или протографы, если только перед нами не текст самого автора. Происхождение тех или иных дошедших до нас текстов может быть множественным. Текст может представлять собой компиляцию двух или нескольких текстов редакций, испытать на себе воздействие других памятников и т. д.[3], и тогда говорить об архетипе невозможно. Так, например, дело обстоит в летописании. Здесь редакции, виды, изводы летописей и тексты реально дошедших до нас летописей настолько перекрашиваются. что практически самое понятие архетипа в истории летописания почти не применимо. Существование же протографов во всех случаях не вызывает сомнений, так как даже в тех случаях, когда писец соединял одновременно текст двух или нескольких списков, все эти предшествующие списки-оригиналы должны быть названы протографами.

---

[1] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.-Л., 1955, стр. 438—461.

[2] А. А. Зимин употребляет все три термина альтернативно: «...восходить к авторскому тексту (протографу или, как говорят литературоведы, архетипу» (стр. 133), «восстановить архетипы (протографы)» (стр. 140), «восстановление протографа (архетипа)» (стр. 143).

[3] А. А. Шахматов писал по поводу работы С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»: «в истории литературы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений. Если следить только за одной из таких цепей, не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения вместо верного представления о действительных явлениях» (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Отчет о XI присуждении премий митр. Макария. СПб., 1910, стр. 84.

Архетип определяется на точке схождения рукописных традиций, генетически щих от реально дошедших текстов. Если этой общей точки схождения нет, нет рхетипа. В той или иной мере самый факт существования в каждом отдельном лае архетипа — гипотеза. Текст дошедших до нас списков мог получиться не в льтате расхождения единого первоначального текста, а в результате сведения дино разных текстов. Это не учитывали те старые исследователи, которые исхо- и из предположения, что единственно ценный авторский текст произведения за- «портится», дробится на редакции, виды и группы и что подлинная задача публи- ора — восстановление этого авторского текста. Вот почему необходимо самым езным образом прислушаться к той критике теории архетипов, которая раздает- ейчас в западноевропейских работах по текстологии. Если гипотетические вос- овления текстов сами основываются на гипотезе, что архетипы существовали во случаях, то это в значительной мере снижает их ценность, уверенность в их оверности.

Вводить новые термины «полная реконструкция» (реконструкция авторского та) и «первичная реконструкция» (реконструкция отдельных редакций «даже ков»)[1] и противопоставлять оба типа реконструкции друг другу представляется решительно нецелесообразным. Во-первых, реконструкция только одной редак- (даже поздней) может оказаться необходимее, чем реконструкция авторского та (это зависит от истории памятника). Получится, что «первичная» реконст- ция важнее, чем «полная»? Во-вторых, реконструкции отдельных списков не сле- отделять от реконструкций редакций; ведь каждая реконструкция (будь это онструкция текста редакции или авторского текста) есть реконструкция текста ой-то предполагаемой отдельной, конкретно существовавшей рукописи.

Следовательно, реконструкция текста редакции или авторского текста, или текста етипа не имеют принципиальных отличий, по которым их нужно было бы раз- ать и устанавливать для каждого вида особую терминологию, тем более, что слова вичная» и «полная» могут только внести путаницу. «Полная» может быть про- оставлена «неполной», но не «первичной», «первичная» же — «вторичной» или нчательной», но не «полной».

А. А. Зимин предполагает, очевидно, что реконструкции «авторского текста» жна предшествовать работа по реконструкции отдельных поздних его редакций. по тому, как описывается им работа по устранению из текста реконструируе- памятника «индивидуальных» чтений списков, работа по реконструкции пред- ляется А. А. Зимину в следующем виде: сперва путем устранения индивидуаль- чтений, отдельных «искажений» и «напластований», восстанавливаются етипы отдельных редакций (поэтому-то эти восстановления и названы А. А. Зи- ым «первичными»), а затем от отдельных восстановлений архетипов редакций, ем таких же устранений индивидуальных чтений в архетипах редакций, иска- ий и напластований, издатель переходит к восстановлению авторского текста. ино поэтому, говоря об издании М. О. Скрипилем архетипов первой и второй кций «Повести о Савве Грудцыне», А. А. Зимин пишет: «Перед нами, следова- но, еще первичная реконструкция, когда издаются лишь материалы для состав- я полной реконструкции авторского текста» (стр. 140). Но реальная история тов произведений сплошь и рядом опровергает попытки восстановить авторский т путем такого рода ступенчатой системы реконструкции[2]. Реальная история

[1] Не сомневаюсь, что А. А. Зимин всюду говорит не о списке самом по себе, а ксте списка. Задача составления как бы макета самого исчезнувшего списка — ке может стоять перед исследователем (см., например, работу И. Д. Дмитрие- Зельда «О восстановлении списков „Слова о полку Игореве"». Ученые записки кого гос. пед. ин-та, т. I, серия филологическая, вып. 1, Саранск, 1956).

[2] Напомню, что А. А. Шахматов начал с реконструкции древнейших сводов рус- о летописания (Начального и Новгородского свода 1050 г.), а потом уже пере- к реконструкции более позднего свода — Повести временных лет, и ее редакций.

текста бывает обычно гораздо сложнее, чем она представляется исследовател
Часть редакций, восстановление которых имеет очень большой самостоятельны
интерес, может вовсе не понадобиться для восстановления авторского текста, други
же могут привлекаться в совершенно различной степени; текст отдельных списко
может оказаться важнее для восстановления авторского текста, чем восстановленны
архетип редакции [1]; в более поздних редакциях воздействие авторского текста мож
оказаться более сильным, чем в более ранних, и т. д. Поэтому последовательност
которую предлагает А. А. Зимин, устанавливая свою терминологию «первичная реко
струкция» и «полная реконструкция», во многих случаях может быть нарушена сло
ной жизнью текста, перекрещивающимися влияниями текста списков и редакци

Насколько можно понять из статьи (соотносительно со сложностью затронут
в ней вопросов краткой и суммарной), А. А. Зимин недооценивает, как мне кажетс
двух моментов: 1) возможности отражения в новейших редакциях древнейших эт
пов развития текста, минуя какие-то конкретные (иногда сохранившиеся) редакц
текста, и 2) самостоятельной ценности, идейной целенаправленности, идейной и ст
листической цельности отдельных этапов развития текста (текстов редакций и те
стов списков). Именно поэтому, мне думается, А. А. Зимин считает возможны
«предварительную» реконструкцию, постепенное восхождение, «приближение» к а
торскому тексту путем «исправления» отдельных чтений, «элементы реконструкци
и т. д. Понятие текста, «приближенного» к авторскому путем отдельных исправлени
я считаю совершенно ложным для тех случаев, когда история памятника более и
менее длительна.

С этой недооценкой двух изложенных выше моментов связан, как мне предста
ляется, и тот вопрос, который А. А. Зимин задает в конце статьи: «Неясным остает
вопрос,— пишет А. А. Зимин,— следует ли реконструировать чтения, содержащ
филологические особенности (а не смысловые) памятника, и в какой мере мож
вводить в реконструкцию гипотетические чтения, отсутствующие в позднейш
списках памятника, и т. д.» (стр. 143). Сомнений для меня нет: реконструирова
отдельные этапы в истории текста памятника заранее ограничивая себя т о л ь
сохранившимися чтениями в реально дошедших до нас списках памятника, нев
можно. Ведь это значило бы возрождать старую болезнь издания «сводных тексто
«Сводные тексты» (И. И. Срезневского, Н. С. Тихонравова и др.) именно и были те
«приближенными» реконструкциями «авторского» текста, а по существу произво
ными компиляциями из различных чтений отдельных списков,— компиляций, кот
рые основываются на представлениях о том, что только «авторский текст» предста
ляет ценность, а все последующие этапы этой ценности не имеют [2], так как памятн
якобы претерпевает постепенную и механическую порчу отдельных чтен
в руках его последующих переписчиков, в связи с чем является возможность уд
лить эту порчу путем выбора из разных чтений «лучших» и отсеивания индивид
альных особенностей списков. С точки зрения составителей «сводных» текстов о
дельные этапы в истории текста памятника не дают ничего качественно ново
цельного и законченного, а потому можно текст позднейших списков «приблизит

---

[1] Например, когда авторский текст, минуя архетип редакции, влияет непосре
ственно на один из списков этой редакции.

[2] Одна из важнейших заслуг А. А. Шахматова было в том, что он показал зн
чение промежуточных этапов летописания как исторических источников. М. Д. Пр
селков показал значение как исторических источников последующего (не «авто
ского») текста ханских ярлыков, их собраний как полемического орудия прот
нестяжателей (М. Д. П р и с е л к о в. Ханские ярлыки русским митрополитам. П
1916). Л. В. Черепнин убедительно показал, что изучение всей судьбы докумен
в различных архивных собраниях вскрывает новую сторону документа как истор
ческого источника (см. об этом в нашей рецензии на тт. I и II «Русских феодальн
архивов» в «Известиях АН СССР. Серия истории и философии», 1952. т. IX, №
стр. 300—304).

вторскому тексту» путем отдельных выборок из других реально сохранившихся ков. В основе этих представлений лежало два убеждения: 1) текст архетипа весь иком по частям может быть собран из отдельных списков и 2) подлинность полуцегося в результате такого рода компиляции текста определяется подлинностью элементов, из которых она слагается. Оба убеждения, конечно, ложны, так как зое не учитывает возможности исчезнувших звеньев в истории текста, а второе овергается тем обстоятельством, что как бы ни были близки между собою льные списки, они обычно все же разновременны, дают разные самостоятельные ты, а отдельные их разночтения следует учитывать в их целом. Сумма подлин- частей еще не составляет подлинного целого. Поэтому всякого рода компиля- из подлинных элементов, внесение более ранних элементов в более поздние ты, соединения различных чтений из различных списков, разрушение цель- ги текста путем частичных восстановлений и улучшений текста отнюдь не иется реконструкцией. Издание реконструкции типа «сводных текстов» — тек- , представляющих собою выборку «древнейших» чтений из разных списков — ю пройденный этап в развитии русской науки.

Реконструкция должна быть реконструкцией, т. е. гипотетическим восстановле- м строго определенных и конкретных этапов в развитии текста. При всей гипо- чности таких реконструкций они по крайней мере пытаются представить, если еально дошедший до нас текст, то тот текст, который м о г реально существовать. и же пытаться создавать текст сводный — на основании различных чтений новременных текстов и при этом лишь «приближающий»[1] нас к авторскому сту в отдельных своих частях, а в других остающийся поздним, то это значит давать компилятивный текст, который a priori никогда не существовал и не мог ествовать, текст, смешивающий различные этапы в жизни памятника. Это зна- иными словами, придерживаться антиисторических принципов издания текста. почему для меня не существует того приведенного выше вопроса, который т перед А. А. Зиминым.

Создание текстов «приближенных» к авторскому путем исправления отдельных ний, невозможно не только потому, что реальное движение текста отнюдь не тепенно и равномерно, а совершается от редакции к редакции скачкообразно, чем на отдельных этапах развития текста отдельные чтения взаимосвязаны йными и художественными (если они есть) задачами переделывателя, но и ому еще, что на поздних этапах развития текста, как уже было сказано выше, ли отразиться самые древние и даже авторские чтения. Переписчики не только ли перед глазами один-единственный протограф (оригинал), они очень часто одили» различные тексты (отсюда летописные своды), соединяли старые и но- редакции, проверяли новые тексты по старым (в древней Руси известны даже циальные поиски «добрых» и «полных» летописцев, особенно ценившихся[2]). юда в отдельных чтениях (особенно «индивидуальных») новых текстов могли

---

[1] О реконструкции как о «приближении» к архетипу путем снятия отдельных ластований и искажений говорит А. А. Зимин и тогда, когда описывает свои оты по исправлению чтений Музейного списка сочинений И. Пересветова: «Так мались те напластования и искажения, которые были внесены составителями зейного извода, и читатель получил текст Полной редакции, по возможности и б л и ж е н н ы й (разрядка моя.— *Д. Л.*) к его архетипу» (стр. 141).

[2] См., например, в Новгородской второй летописи: «Новгородские летописи (так ываемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи)». СПб., 1879, VII. Правка переписчиком одного источника по другому отрицалась С. А. Буго- зским. См его работу: «Повесть временных лет. (Списки, редакции, первопечат- текст)» в сб. «Старинная русская повесть» (М.-Л., 1941, стр. 12—13). Следы льной сверки списка по списку другому см. в Архивном списке Псковской первойописи («Псковские летописи». вып. 1. Подготовил к печати А. Насонов. М.-Л., 1941. XXXVI).

отразиться чтения авторские, архетипные и т. д. Это обстоятельство постоянно учи тывается, например, историками русского летописания. Оно хорошо извест западноевропейским филологам, работающим с текстами классических и средн вековых памятников.

Для меня неясно, что такое «филологические» особенности памятника в их про тивопоставлении «смысловым». Мы уже приводили выше вопрос А. А. Зимина «Следует ли реконструировать чтения. содержащие филологические особенност (а не смысловые) памятника»? (стр. 143). Если речь идет о том, можно ли реко струировать текст XIV в. или более раннего времени на основании списков XVI XVII вв., не считаясь с теми изменениями, которые претерпел язык за истекши века. то я по тем же причинам. о которых говорил и выше, ответил бы на это вопрос с полной решительностью — нельзя. Реконструкция памятника XIV в. в фо мах языка XVI или XVII вв.— нелепость.

Реконструировать текст, не учитывая возможных его языковых особенносте свойственных тому времени, к которому исследователь его относит.— знач искусственно создавать текст, который заведомо не мог существовать. Между те конечно, реконструкция языка памятника или необходимость учитывать его язык вые изменения — самое трудное, что стоит перед каждым реконструктором.

Наконец, еще один термин нуждается в уточнении определения своего содерж ния — это термин «индивидуальные чтения» или «индивидуальные особенност списка. Согласно А. А. Зимину, «индивидуальные особенности» — это все те особе ности, которые присущи только данному списку и не встречаются в других. С эт определением можно было бы согласиться, если бы с понятием «индивидуальн особенностей» не соединялись и определенные представления об их происхожден как о чисто случайных, поздних и отсутствовавших в авторском тексте. Имен поэтому, очевидно, А. А. Зимин предлагает отбрасывать эти индивидуальные чт ния[1]. Между тем, сплошь и рядом бывает как раз так, что древнейшее чтение сохр няется в меньшинстве списков, или даже только в одном, а чтения более новые следовательно, отвечающие новым требованиям и вкусам, распространяются в бол шинстве списков. Эти древнейшие и редкие чтения отнюдь нельзя отбрасыва только потому, что они зарегистрированы всего лишь в одном списке, а остальн чтения сохранять, так как они завоевали себе большинство.

В текстологической практике более трудному чтению (lectio difficilior) прих дится обычно отдавать предпочтение, считая его более древним, так как естестве нее допустить образование легкого чтения из трудного, чем трудного из легко А раз так, то где гарантия, что трудное чтение в подавляющем большинстве списк не уступит место легкому? Именно на этом и потерпела провал старая практи отбрасывания «индивидуальных чтений» в критических изданиях западноевропе ских средневековых текстов.

С другой стороны, даже тогда, когда «индивидуальное чтение» является бол новым, оно могло возникнуть на основе сличения рукописи с более старым списк и отразить, таким образом, древнее чтение. Текстологическое правило, применяем

[1] А. А. Зимин пишет: «Замена чтения Троицкого списка другим производит в основном в двух случаях: во-первых, когда оно является индивидуальной особе ностью этого списка т. е. если все другие списки данной ветви да иное чтение (разрядка моя.— *Д. Л.*), к тому же совпадающее с чтением Пу кинско-археографической ветви...» (стр. 136); «индивидуальные варианты, а так явные описки, как правило, при публикации не учитывались» (стр. 141); «преж всего исправлялись все те чтения Музейного списка, которые являются инди дуальными особенностями его составителя и отсутствуют в других списках Муз ного извода» (там же). С другой стороны, А. А. Зимин признает авторским текст тот, который читается в большинстве списков: «Последние слова,— пишет А. А. З мин,— принадлежали самому Пересветову (ибо они встречаются во всех текстах, исключением Погодинских)» (там же).

ыбору основного списка «recentiores, non deteriores» (т. е. «более новый — не да более худший»), действительно и в отношении отдельных чтений.

Необходимо считаться и с тем, что «индивидуальные» чтения очень часто оказытся общими в результате открытия новых и новых списков [1]. Следовательно, дивидуальность» чтения может быть явлением вполне временным, зависящим ко от того, какие списки произведения случайно сохранились или обнаружены едователем.

Предпосылая своему обширному труду по текстологии «двенадцать заповедей» толога, Джорджио Паскуали [2] во многих из них предупреждает исследователей тив увлечения количественными показателями, простыми и наиболее распростраными чтениями. В «заповеди» седьмой он говорит о «предрассудке», согласно рому «передача текстов происходит исключительно по „вертикали"» — от более ой рукописи (оригинала) путем переписки к более новой (копии). Он отмечает, очень часто передача текста идет «поперек» или «горизонтально» — путем ки ранее переписанного текста с каким-то другим, иногда более старым. Этим м, как отмечает Д. Паскуали, «постоянно проникают в рукопись разночтения, они хорошие или плохие, а также и ошибки, которые нам казались бы очевиди» [3]. Д. Паскуали пишет («заповедь» 8), что «как в древности, так и в средние , из текстов, которые много читались, образовывалась „вульгата"», которая, как бывает с модой, продвигалась от центра к периферии, но не всегда до нее дохо» [4]. Поэтому в противовес «вульгате» именно редкие, «индивидуальные» чтения описей, распространенные чаще всего на периферии, больше всего могут иногда ранять нам авторский текст. Двенадцатая «заповедь» Д. Паскуали гласит следуе: «Изучение свидетельств древности и немногих папирусных автографов, ана исторических сочинений (или содержащих исторические данные), сохранився в разной форме в различных рукописях, сходство средневековых текстов, которых мы имеем традицию, современную авторам, особенно текстов Петрарки Боккаччио, оправдывают гипотезу, что разночтения даже самого особенного актера (очень интересную группу образуют разночтения в собственном смысле за, действительного или фиктивного), даже в античных сочинениях могут быть ведены к самим авторам. Эта гипотеза во всех случаях может быть доказана косительно» [5].

Наблюдения Д. Паскуали, частично являющиеся общим достоянием западноопейской текстологии, полностью оправдываются и на древнерусском материале. кдый, занимающийся древнерусскими рукописями, знает, какое количество встрется списков с поправками, некоторые из которых могли быть сделаны в поке сверки с другими рукописями, по большей части древнейшими, какое знане приобретали иногда индивидуальные чтения в деле восстановления архетипов, сложно переплетаются тексты, переписка которых велась одновременно по нельким рукописям, и какое значение имели исчезнувшие звенья в истории текста.

Для восстановления текста надо очень ясно представить себе авторов, редакв, переписчиков, их мировоззрение, их психологию, создаваемую исторической ствительностью. Необходимо учитывать требование «канцелярий», где эти тексты давались или переделывались, требования заказчиков (когда они были), возмож противоречия между заказчиком и исполнителем, противоречия, создаваемые им мировоззрением исполнителя, его политические идеи и бессознательные

---

[1] См. А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея ревнеславянском переводе, ч. I, Паримийный текст. Варшава, 1912, стр. 304.

[2] Giorgio Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo. 2-da edizione, nuove prefazione e aqqqiunta di tra appendici. Firenze, 1952, XXIV+525 p. Цитирую ереводах, любезно сделанных для меня Е. И. Бобровой.

[3] Там же, стр. XVII.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. XVIII.

устремления. Тот исследователь, который лучше других сумеет представить се все это на основе всего имеющегося конкретного материала, тот и будет иметь на большие шансы к самому убедительному восстановлению текста. Отсюда видно, ч в работе по восстановлению утраченных текстов искусство помогает науке. Эти и обусловливается отчасти то обстоятельство, что способов и видов реконструкци столько, сколько существует ученых, занимающихся ими. Это обстоятельство дост точно ясно, хотя бы из тех примеров реконструкций, которые приводятся А. А. З миным в его статье: среди них нет и двух схожих. Но разнообразие способов реко струкций зависит и от того, какими материалами обладает исследователь для свои реконструкций и какие конкретные задачи себе он ставит.

Наконец, не могу согласиться с еще одним положением А. А. Зимина, котор он, по-видимому, считает аксиомой и выдвигает как возражение против необход мости строго различать издание реконструкции от издания документа. А. А. Зими пишет: «Ведь мы издаем не тот или иной список для характеристики редакци а определенную редакцию памятника по списку» (стр. 134). В свете всего сказа ного выше я решительно возражаю против такого определения задач издания док ментов. Мы должны издавать именно реальный текст реального списка и не д характеристики редакции, а ввиду ценности его текста самого по себе как истор ческого документа. Документ издается не для «характеристики» того, что в су ности является только выводом исследователя, а должен сам быть основой для в водов — историческим источником. Поэтому, хотя всякому изданию докумен должно предшествовать его изучение, результаты этого исследования не мог навязываться читателю в виде реконструированных редакций и предполагаемы авторских текстов или сводных «приближенных реконструкций». Источник и в и данном виде должен оставаться источником, и свобода источниковедческой инте претации (отнесения его к той или иной редакции, к тому или иному време составления, автору и т. д.) должна быть в известной мере оставлена будуще исследователю. Издание должно давать возможность для более углубленной рабо последующих исследователей. Издание текста не закрывает собой изучение памя ника, а продуманно его открывает.

«Активное отношение» к источнику — это прежде всего критическое отношен к его содержанию, отсутствие «объективизма» в использовании его данных, деятел ные и трудолюбивые поиски всех его списков, полное источниковедческое испол зование всех этапов истории его текстов, а не одного только «авторского», и т. Я за активность, которая деятельно интерпретирует документ с марксистской точ зрения, но сохраняет его незыблемым, строго и уважительно отделяет текст докуме та от его интерпретации. Исследователь не должен сам для себя создавать текст документов. Иначе, где гарантия от предвзятости? Опасность реконструкций закл чается в том, что вступив на этот путь мы не только не будем иметь изданий дост верных текстов, но и сколько нибудь стабильных. Советская текстология в ее цел борется в настоящее время за объективность, устойчивость и стабильность дост гаемых результатов. Это крайне важно. Вопросы текстологии не могут решать одним способом в литературоведении и другим — в исторической науке.

В заключение своей статьи мне хочется сказать следующее: спор о реконстру циях, как и спор по любым вопросам текстологии, не может быть решен в одн или двух статьях. Он решится практикой издания документов, но, чтобы эта пра тика издания документов поднялась на более высокий уровень и способна бы помочь в разрешении теоретических вопросов, исследования по текстологии до жны непременно лежать в основе принципов изданий.

Если данная статья, не ставящая перед собой задачи разрешения всех сложне ших вопросов, связанных с проблемой реконструкции текстов, поможет все же в с вокупности со статьей А. А. Зимина уточнению некоторых из них, поможет уточни терминологию и напомнит о том, что проблема реконструкции текстов имеет в м ровой науке многовековую историю, опыт которой непременно должен учитывать во всей его полноте, то цель ее будет достигнута.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРУГЛОГО СТОЛА АРХИВОВ»

Г. А. БЕЛОВ

С 23 по 25 мая 1957 г. в г. Загребе (ФНРЮ) проходила III международная кон-нция «Круглого стола архивов».

Помимо делегации Советского Союза в конференции участвовали архивисты рии, Бельгии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Дании, Ита- Польской Народной Республики, Турции, Швейцарии, Швеции, Федеративной ублики Германии, Франции и Югославии, всего около 50 человек.

Так называемый «Круглый стол архивов» является международной организа- архивистов, существующей вне структуры Международного совета архивов А), но в тесной связи с ним и под его покровительством. Конференции «Круг- стола архивов» проводятся между официальными заседаниями конгрессов для ждения различных вопросов теории и практики архивного дела. По традиции их конференциях принимают участие директоры и видные деятели архивов, рые в свободной дискуссии обмениваются мнениями по заранее согласованным осам повестки дня.

Первая конференция «Круглого стола архивов» состоялась в 1954 г. в Париже. ждался вопрос «Архивы и просвещение», причем особое внимание уделялось льзованию документальных материалов для нужд высшего и среднего обра-ия. На Второй конференции «Круглого стола архивов» в Намюре (Бельгия) 5 г. стоял вопрос о контроле архивистов за документацией действующих учреж-й, организаций и предприятий, об учете и классификации этих материалов и имоотношениях между архивными и административными учреждениями.

Советские архивные учреждения, не являвшиеся в то время членами между-дных организаций архивистов, не принимали участия в работе этих конфе-ий.

апреле 1957 г. Главное архивное управление МВД СССР, а также архивные ления МВД УССР и БССР получили приглашение принять участие в органи-й исполкомом Международного совета архивов Третьей международной кон-ции «Круглого стола архивов» в Загребе.

читая, что работа советской делегации на конференции будет способствовать ейшему обмену опытом и установлению сотрудничества советских архивистов ивистами зарубежных стран, а также поможет значительно расширить наши е деловые контакты с виднейшими архивистами различных стран, советские ные учреждения сочли целесообразным принять участие в работе конфе-и.

оветский Союз на III международной конференции «Круглого стола архивов» тавляли руководители Главного архивного управления СССР, архивных управ-

лений УССР и БССР, Архивного управления МИД СССР, научные сотрудники ГА МВД СССР — всего семь человек.

21 мая делегация вылетела из Москвы в Белград; там она была тепло встречен на аэродроме архивистами Югославии. Уже в первые часы пребывания на юг славской земле делегаты почувствовали, с какой признательностью и любовью отн сится югославский народ к братскому советскому народу. Центральные газеты пом стили сообщения о приезде советской делегации в Белград как новом доказательст крепнущей дружбы между советским и югославским народами. Советскую делег цию тепло приветствовали также архивисты других стран, прибывшие в Загреб.

Один из организаторов конференции — секретарь Исполкома МСА Робер Бот (Франция) вручил членам делегации свой доклад «Роль и место архивов в госуда стве», который должен был обсуждаться на конференции. Большинство делегат имело возможность ознакомиться с докладом предварительно, но, к сожалени в Москве он был получен уже после отъезда делегации.

Доклад Р. Ботье был основан на ответах архивных учреждений 39 стран вопросы специальной анкеты, разосланной перед Конференцией. Основные вопро этой анкеты: к какому ведомству относятся архивы в той или другой стране, каку задачу ставят архивисты на первый план — обеспечение сохранности документа ных материалов или их использование, как происходит комплектование архив как обеспечивается архивами защита интересов государства и отдельных гражд как ведется научная работа в архивах, какова структура архивных органов в р личных странах, каковы возможности повышения квалификации архивистов и, конец, каковы материальные условия их работы?

Суть доклада Р. Ботье сводится к следующему:

В середине XIX в., когда архивы различных стран Западной Европы бы основаны или реорганизованы под большим влиянием «исторического романтизм главную роль играли исторические архивы: архивист был преимуществен историком. Затем, выполняя запросы различных учреждений, используя докум тальные материалы в политических, научных, культурных, хозяйственных и друг целях, архивистам все больше и больше пришлось сталкиваться с администрат выми задачами, для чего потребовалось устанавливать тесные связи с админист цией организаций, учреждений, предприятий.

Чтобы лучше обеспечить сохранность документов для историка, который бу над ними работать, архивист должен в то же время осуществлять контроль документами, которые предназначаются администрацией учреждения для переда в архив; следовательно, он должен более тесно сотрудничать с администраци передавать ей всё возрастающее число документов и информаций, в которых нуждается. Если некогда архивы были, как образно выражаются, исключител «свалкой истории», то теперь они имеют тенденцию к тому, чтобы соединит с государственной машиной и служить администрации. В некоторых странах, нап мер в США или Австралии, архивы были созданы для того, чтобы разгрузить ад нистрацию от хранения документов и их использования.

В чем же главная сторона деятельности архивов? В различных странах на чается три основных направления в этом вопросе:

1. В Австралии, а также в США считают, что главный долг архивиста — обс живать правительство и администрацию. Служба архивов является важным зве в государственной машине, как в вопросе управления документами различн ведомств, так и в организации сбора необходимых материалов для решения го дарственных задач. Остальные функции архивов являются второстепенными.

2. В Италии и ряде других стран архивисты занимают прямо противоположн позицию; по их мнению, роль архивов является преимущественно научной, ад нистративная же сторона в деятельности архивов является побочной.

3. Между этими двумя крайними точками зрения имеет место средняя конц ция с более или менее различными оттенками, которой и придерживаются ар висты большинства стран:

а) архивисты Швеции, Дании, Франции, Польши и большинства других стран полагают, что деятельность архивов должна развиваться в обоих указанных направлениях без глубокого противоречия между ними;

б) архивисты Бельгии, Испании и ряда других стран отводят научной деятельности архивов доминирующую роль, но отмечают быструю эволюцию архивного дела, которая может способствовать развитию их административного значения. Архивист должен прежде всего выполнять научную работу и, добиваясь обеспечения сохранности исторических материалов, вступать с этой целью в тесный контакт с администрацией.

По мнению большинства европейских архивистов, научная деятельность архивов является для них основной. Подготовка и публикация путеводителей, инвентарных описей, списков новых поступлений, обзоров и бюллетеней составляет основную часть работы большей части научных сотрудников архивов, не говоря уже о публикации документов, которая, как отметил Р. Ботье, является заброшенным участком работы в архивной деятельности многих капиталистических стран.

С конца второй мировой войны в архивах наметилась тенденция заменить старые традиционные инвентарные описи аналитическими или календарными инвентарными описями (предметно-тематическими каталогами).

В то же время архивисты, являясь хранителями документального сокровища страны, должны более полно обеспечивать использование этих документов в интересах государства.

В докладе был поставлен и такой вопрос: входит ли в обязанность государственных архивов временное хранение документов, предназначенных по истечению установленных сроков к изъятию?

В этом вопросе очень четко различаются два направления: в США и англо-саксонских странах, где архивы являются прямыми помощниками государственной администрации, положение таково, что в архивы поступают на хранение материалы как постоянного, так и временного хранения, поскольку здесь создаются для этого необходимые материально-организационные условия. Архивисты этих стран полагают, что возникновение архивов начинается с заведения дел в учреждениях и продолжается вплоть до их уничтожения или передачи в архивы; всякая же другая практика рассматривается как неправильная.

Другого мнения придерживаются архивисты большинства европейских стран, несмотря на различные нюансы в подходе к решению вопроса. В этих странах в архивы принимаются документы только на постоянное хранение, за исключением случаев поступления на хранение материалов ликвидированных учреждений.

Основная проблема для европейского архивиста, отметил Р. Ботье, заключается не в том, чтобы сохранять документы, не подлежащие постоянному хранению, а в том, чтобы осуществлять контроль за их отбором. Фактически все страны высказываются за контроль архивиста над отбором и систематизацией документов, который проводится в различных формах (что и осуществляется повсюду в какой-то степени на практике).

Большое место в докладе занял вопрос о гласности архивов и охране интересов государства и частных лиц.

В Швейцарии, Голландии, Греции и некоторых других странах архивисты считают, что каждый документ, хранящийся в государственном архиве, может предаваться гласности, за исключением некоторой категории документов, которые по тем или иным соображениям должны храниться в тайне. Вместе с тем почти во всех странах установлены определенные сроки публикаций этих документов, которые время от времени пересматриваются.

В большинстве европейских стран срок возможного опубликования документов установлен в 50 лет, а в отдельных странах — даже в 100 лет. Таким образом, каждый год новая годовая группа дел по прошествии 50 или 100 лет со дня их появления становится доступной для опубликования.

В других странах установлены постоянные ограничительные даты опубликова-

ния документов (в архивах Ватикана — 1846 г., в Италии — 1900 г., в Бразилии — 1880 г., в Турции — 1908 г., в Южно-Африканском союзе — 1910 г., в Западной Германии — ноябрь 1918 г. и т. д.). В нескольких странах установлены два срока: один для обычного опубликования, другой — для исключительного, на что должно быть получено специальное разрешение главного директора архивов (в Турции, например, 1908 и 1923 гг.).

Во всех государствах закон охраняет высшие интересы страны в том, что касается ее внутренней и внешней безопасности, национальной обороны и т. д. Охрана интересов частных лиц и их семей накладывает также ограничение на опубликование судебных архивов, некоторых финансовых документов, документов о расторжении браков, усыновлении и т. п.

В докладе был рассмотрен вопрос ведомственной принадлежности архивов. В настоящее время во многих странах архивы находятся в ведении Министерства культуры (или Министерства просвещения), в ряде других стран архивы подчиняются Министерству внутренних дел.

Многие архивисты Запада в то же время считают вопрос ведомственной подчиненности не имеющим особого значения. Важно, говорят они, лишь одно: должен существовать основной закон или общие правила, где ясно и точно определены задачи, компетенция, функции управления архивами и подчиненных учреждений, с тем чтобы архивы могли со всей полнотой выполнять свои обязанности во всех условиях и по отношению к любому органу.

Говорилось в докладе и о перспективах в работе архивиста. Выяснилось, что в большинстве стран, от которых были получены ответы, профессия архивиста в настоящее время носит узко специальный характер: повсюду область деятельности архивиста ограничена и перспективы перехода архивистов на другую работу становятся менее возможными, чем это даже имело место в прошлом. В ряде стран переход архивиста на работу в библиотеки и музеи (или наоборот) не разрешается по уставу или практически разрешается только в исключительных случаях (Австрия, Бельгия, Нидерланды, Италия, Дания, Швеция и др.). Переход архивиста в систему высшего образования затруднен и может иметь место лишь при наличии научных трудов и иногда в тех случаях, когда архивисты являются одновременно экстраординарными профессорами, да и то в области «дополнительных разделов истории». В трех странах — Австрии, Бельгии и Франции отмечено только восемь случаев такого совмещения.

Анкета Главного архивного управления МВД СССР своевременно не была получена Р. Ботье. Поэтому он не мог отразить в своем докладе вопросы о положении архивов и архивных работников в СССР.

Советская делегация сочла необходимым восполнить этот пробел выступлением Г. А. Белова, который подчеркнул большое значение, придаваемое Советским правительством сохранению и использованию архивов в интересах народа и государства.

По декрету 1 июня 1918 г., подписанному В. И. Лениным, ведомственные архивы были реорганизованы и централизованы. В настоящее время государственные архивы СССР располагают миллионом погонных метров полок (не считая стеллажей ведомственных и районных архивов). Особенно увеличилась роль архивов в общественной и культурной жизни народа в послевоенные годы. В частности, они оказали значительную помощь при сооружении электростанций и предприятий, при освоении целинных земель на востоке страны, при сооружении каналов и освоении месторождений полезных ископаемых. Кроме того, архивные документы широко использовались для восстановительных работ на разрушенных войной объектах и при реставрации памятников старины (шедевров Расстрели в Ленинграде, собора Василия Блаженного в Москве и др.).

Далее в выступлении было отмечено, что архивы являются как бы арсеналом общественных наук. В СССР делается очень много для издания исторических источников. Согласно перспективному плану на 1956—1960 гг., будет издано более

00 сборников документов и около 150 книг архивоведческого содержания. Доку-
ленты архивов широко используются институтами Академии Наук. В читальных
алах архивов занимаются десятки тысяч исследователей. Таким образом, советские
рхивы развивают свою деятельность как в плане выполнения практических задач,
тоящих перед народом и государством, так и в плане научной деятельности, по-
кольку они сами являются учреждениями научного характера. За последние годы
ерспективы научной работы архивов расширились. Положительным явлением
вляется организация широкого обмена копиями и микрофильмами документов
научными учреждениями многих стран: Австралии, Албании, ГДР, Италии, Мон-
олии, Польши, Румынии, Финляндии, Франции, Чехословакии и Югославии.

Советская делегация отметила, что подобные встречи архивистов различных
тран способствуют лучшему взаимопониманию и дружбе между народами.

Конференция прошла оживленно, и в прениях по докладу Р. Ботье выступали
редставители всех делегаций. Надо отметить несколько необычный характер рабо-
ы конференции: не было установлено никакого регламента, делегаты могли брать
лово по нескольку раз, обмениваться мыслями по ходу выступлений своих коллег;
е велось никакого официального протокола.

Обсуждая первый вопрос повестки дня — «Различные точки зрения на задачи
рхивов», многие делегаты подчеркивали, что основной задачей архивистов всех
тран является всемерное служение своему народу.

Речь шла о правильном сочетании научной и административной функций в ра-
оте архивов. Почти все делегаты заявили о том, что эти две функции архивов
еразрывно связаны, хотя первая, очевидно, должна преобладать; в то же время
рхивы должны быть максимально связаны с административными учреждениями,
ез чего не может быть гарантировано ни обеспечение сохранности документов, ни
х использование в интересах государства; необходим контроль архивных учреж-
ений за постановкой экспертизы документальных материалов в ведомственных
рхивах.

Главный инспектор архивов Италии Антонио Ломбардо привел в своем выступ-
ении факты, говорящие о том, что разрыв между научными и административными
ункциями архивов мешает их работе. Архивное законодательство в Италии раз-
абатывается не архивистами, а чиновниками и поэтому далеко не всегда отвечает
уждам архивных служб.

Естественно, что составлением любых законодательных актов, инструкций и
аспоряжений по архивному делу должны заниматься непосредственно архивные
рганы и прежде всего те архивисты, которые наиболее тесно связаны с архивами
своей повседневной работе.

Широкому обсуждению на конференции был подвергнут вопрос о публикации
сторических источников. Главный архивист Бельгии Э. Саббе рассказал, что в его
ране создана специальная комиссия, куда архивы передают для публикации все
одготовленные ими сборники документов. Такие археографические комиссии
льгийские архивисты стремятся создать в настоящее время в каждой провин-
ии.

На последнем съезде Союза архивистов Югославии также ставился вопрос
создании специальной археографической комиссии для публикации исторических
точников. Эта комиссия, по мнению югославских архивистов, должна состоять из
едставителей архивов, высших учебных заведений, общественных и политических
ятелей. Несомненно, что вопрос о деятельности Археографической комиссии заслу-
ивает внимания и в нашей стране.

Секретарь Исполнительного комитета МСА Р. Ботье отметил, что американские
рхивисты пришли к несколько своеобразному решению вопроса о публикации
рхивных документов. Издание сборников документальных материалов они стре-
ятся заменить продажей учреждениям и частным лицам микрофильмов интересую-
их их документов. В ходе дискуссии по этому вопросу все делегаты конференции
ришли к единодушному мнению, что такой подход к делу является слишком ути-

литарным. Особенно неправильным следует считать изготовление микрофильмов вместо издания древних исторических источников.

В ходе обсуждения этого вопроса выяснилось, что публикация документальных источников архивов в большинстве стран поставлена неудовлетворительно, издается очень мало сборников документов. Поэтому особенно большое впечатление на участников конференции произвело выступление представителя нашей делегации о больших масштабах публикаторской работы, проводимой в последнее время государственными архивами СССР.

Вторым обсуждался вопрос о месте архивов в системе государственного аппарата: какому министерству целесообразнее всего подчинить архивы? Высказывались самые различные точки зрения, но, пожалуй, самой большой поддержкой пользовалось следующее высказывание А. Ломбардо: «В конце концов нет существенной разницы в том, от какого министерства будут зависеть архивы, лишь бы соответствующее министерство давало достаточно кредитов на нужды архивных служб».

Выступления делегатов показали также, что в большинстве стран на практике пытаются по возможности централизовать управление всеми архивами страны. Эта централизация возлагается на «главного директора архивов», на «Центральное бюро государственных архивов» или на «Высший совет архивов». Однако архивисты капиталистических стран вынуждены признавать, что уровень централизации архивного дела в СССР для них пока еще остается недосягаемым.

Обсуждение этих двух больших вопросов заняло два заседания конференции. Последнее, третье заседание конференции по предложению югославских архивистов было проведено в небольшом местечке под Белградом — Кумровце, под председательством представителя Югославии И. Марьяновича.

Здесь, в помещении местной школы, делегаты собрались, чтобы обсудить вопрос об условиях работы архивистов в различных странах. Участники конференции как положительный факт отмечали, что в ряде стран архивисты иногда совмещают свою работу в архиве с преподавательской деятельностью. И. Марьянович приводил примеры того, что даже некоторые директоры югославских архивов уделяют большое внимание преподаванию истории и специальных архивоведческих дисциплин в высших учебных заведениях.

Архивист Бельгии Э. Саббе рассказал о другом виде тесного контакта архивистов с системой высшего образования. Бельгийские архивы нередко бесплатно предоставляют в распоряжение университетов и институтов микрофильмы документальных материалов для иллюстрации отдельных разделов учебной программы.

Немало дебатов вызвал вопрос о том, может ли архивист часть своего рабочего времени использовать для личной научной работы в архиве?

Большинство делегатов отмечало, что в период рабочего дня архивист должен заниматься лишь своей основной работой — составлением описей, инвентарей и т. д., что, кстати сказать, несомненно является научной работой.

«Если опись хорошо составлена,— сказал А. Ломбардо,— это уже научный труд». Он полагает, что архивист должен заниматься только архивами и иметь такие же планы на будущее. И. Марьянович считает эту точку зрения допустимой, но отметил ценность инициативы архивистов в организации научной работы, в изучении ими местной истории, тем более что во многих местах архивы являются единственными научными учреждениями.

В заключение конференции почетный председатель МСА Ш. Брэбан зачитал текст рекомендательной резолюции для архивистов Франции и Италии, который гласит:

«Изучив состояние архивного дела в различных странах, конференция «Круглого стола архивов» пришла к выводу, что:

архивы в первую очередь должны выполнять свои научные функции, не забывая в то же время о том, что их административные задачи имеют немаловажную роль;

архивы должны находиться в ведении министерства, выполняющего ту или

ную научную миссию, причем лучшим вариантом является Министерство культуры;

дирекция архивов должна быть независимым учреждением и подчиняться непосредственно министру».

В заключение Ш. Брэбан поблагодарил всех участников конференции за плодотворную дискуссию и в поддержку выступления советского представителя призвал всех архивистов внести максимальный вклад в дело защиты мира.

Значение конференции не исчерпывается обсуждением вопросов повестки дня на официальных заседаниях. В ее ходе советским делегатам удалось значительно расширить личные деловые контакты с представителями архивных учреждений зарубежных стран, установленные еще во время III международного конгресса архивистов. В беседах с иностранными архивистами были в духе взаимопонимания решены некоторые вопросы, интересующие советских и зарубежных архивистов. Так, в беседе с редактором журнала «Архивум» Р. Ботье была достигнута договоренность о присылке в ГАУ информации о внутреннем оборудовании архивохранилищ, имеющейся в распоряжении редакции. Директор Австрийского государственного архива Рат сообщил в беседе, что в архивах Австрии хранится значительное количество документальных материалов, имеющих серьезное значение для изучения истории народов СССР. Рат пригласил советских архивистов посетить Австрию для ознакомления с этими материалами.

По окончании конференции советская делегация по приглашению югославской стороны совершила поездку по стране и познакомилась с постановкой архивного дела в ФНРЮ. Делегаты посетили государственные архивы в городах Загреб, Риекка, Дубровник, Котор, Белград и Сремский Карловец.

Ознакомление с деятельностью югославских архивов показало, что югославские архивисты, несмотря на серьезные трудности, за послевоенные годы смогли добиться в своей работе значительных успехов.

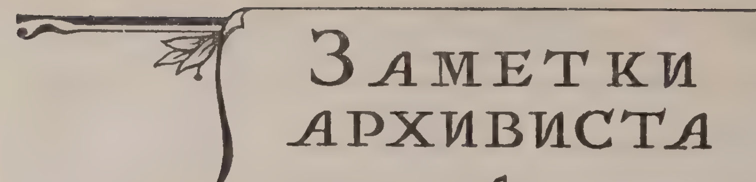
Архивы Югославии тяжело пострадали во время второй мировой войны. Большое количество ценных документальных материалов было уничтожено немецко-фашистской армией или вывезено в Германию. Однако за последнее время югославским архивистам удалось собрать в государственные архивы и частично систематизировать в прошлом разрозненные фонды. В настоящее время они уже приступили к изучению этих документальных материалов и к некоторым формам использования, прежде всего — к публикации исторических источников.

Между советскими делегатами и руководством ряда югославских архивов была достигнута договоренность о присылке в Главное архивное управление МВД СССР перечней таких документов и последующем изготовлении их фотокопий для нужд государственных архивов СССР.

Архивисты Югославии оказали советской делегации теплый товарищеский прием и приложили много усилий, чтобы ее пребывание было максимально плодотворным. Провожавшие нас югославские товарищи просили передать искренний, братский привет архивистам Советского Союза.

Участие советской делегации на III Международной конференции «Круглого стола архивов» в Загребе будет способствовать укреплению международного авторитета советского архивного дела и росту влияния архивных учреждений СССР в международных организациях архивистов, а также дальнейшему укреплению научных связей между архивистами Советского Союза и зарубежных стран.

ПИСЬМА ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА

В ноябре 1957 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося болгарского писателя и общественного деятеля, горячего поборника дружбы славянских народов Любена Каравелова.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится несколько писем Л. Каравелова за 1866—1869 гг., адресованных А. А. Хованскому — редактору-издателю журнала «Филологические записки» и газеты «Воронежский телеграф» и историку М. П. Погодину, с которыми Л. Каравелов завязал знакомство во время учебы в Москве

Письма сообщают о научно-литературной деятельности Л. Каравелова в этот период и отражают отношение автора к Московской этнографической выставке, организованной Обществом любителей естествознания летом 1867 г. В связи с созданием на выставке специального Славянского отдела, в Москву были приглашены делегации от славянских стран. Таким образом, одновременно с выставкой в Москве проходил и I Славянский съезд, который постановил регулярно, раз в два года созывать всеславянские съезды.

Л. Каравелов видит в этом событии нечто большее, чем выставку или даже съезд славян, он ратует за то, чтобы «эта выставка была сигналом любви, правды и братского славянского союза».

Ниже впервые публикуется два письма Л. Каравелова.

В. П. Коршунова, М. М. Ситковецкая

№ 1

Письмо Л. Каравелова А. А. Хованскому

Белград,
1867 г. февраль 11

Милостивый государь!

Вчера я воротился в Белград из Далмации, где прожил около месяца, и получил Ваше письмо, адресованное на имя Др. Милетича [1]), от 4 января. Кроме этого письма, я не получал от Вас ни строки; верно, потерялось первое Ваше письмо. Сегодня я принялся переписывать «Южно-славянскую демонологию» и только что ее окончу, то пошлю ее Вам тотчас же. Она выйдет около пяти листов печатных [2]). Что касается болгарских легенд, то, по моему мнению, нужно написать к ним небольшое исследование [3]). Обе эти статьи Вы получите не позже первого марта.

Адрес мой: Белград (в Сербии), профессору Стояну Бошковичу [4], с передачей Любену Станиславовичу [5] Каравелову.

Мне кажется, что Вы сделаете очень доброе дело, если пришлете один экземпляр Вашего журнала в Белградскую профессорскую библиотеку, а то Россия остается для сербов совершенно неведомая страна. Журнал пришлите мне, и я передам, куда следует.

В следующем письме я напишу Вам обширнее, а теперь простите, не могу поправиться еще с дороги.

Ваш Л. Каравелов

ЦГАЛИ, ф. 538, А. А. Хованский, оп. 1, д. 50, л. 2.— Автограф.

№ 2

Письмо Л. Каравелова М. П. Погодину

Милостивый государь Михал Петрович!

Простите меня, ради бога, что до сих пор не написал Вам ни строки. Приехав в Белград, я заболел и до сих пор не могу поправиться — климат, хоть и родной, но натура изменилась, ведь десять лет прожить в России — не шутка. Рекомендую Вам два серба — гг. Миланковича и Петровича [6]; они хорошие люди, адвокаты и желают ознакомиться с русскими мировыми учреждениями.

Пожалуйста, Михал Петрович, посоветуйте им, как достигнуть свои цели.

Что славянская выставка? Удовлетворит ли она ожидания южных славян? Дай бог, чтобы эта выставка была сигналом любви, правды и братского славянского союза. А этого сигнала дожидаются все наши братья: хорваты, сербы, болгары и пр. и пр. Но вот, что дурно. Почему это не выбраны депутатами со стороны Сербии Среткович [7], Бошкович, Драгошевич [8], как историк и этнограф; Олимпий Васильевич [9], Влайкович [10] и пр. как люди ученые и передовые; отчего, наконец, не выбран г. Димитрий Матич [11], человек известный и любимый всеми сербами и вообще всеми южными славянами? Из выбранных теперь депутатов только один г. Шафарик [12] достойным образом может занять место представителя, да и он не серб, а чех, и никак не может быть представителем Сербии, ибо, как говорят, он слабо знает Сербию и сербов и занимается только своими науками. Тут, мне кажется, нужны народные люди, публицисты, но они не имеют средства.

Что Ваша газета [13]? Если начали ее издавать, то не мешало бы послать один экземпляр сербской белградской народной читальне[1]. Пришлите объявление, и, может быть, найдем, если не более, то по крайней мере до десяти пронумерантов.

Добрый Михал Петрович, сделайте доброе дело и пошлите три номера Кирилло-мефодиевского сборника [14]. Один для Софийской библиотеки, другой для Филиппопольской читальни, а третий для г. Крагуевац. Если нельзя прислать без денег, то я напишу Скворцову [15], чтобы он Вам заплатил. Пришлите их через г. Петровича или через г. Миланковича.

Ваш покорный слуга
Л. Каравелов

1867, Белград,
апрель 27-го.

Адрес мой: Код Златного ангела, № 10.

ЦГАЛИ, ф. 373, М. П. Погодин, оп. 1, д. 164, л. 1.— Автограф.

---

[1] Подчеркнуто в тексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Милетич Др. Светозар (1826—1901) — политический деятель и писатель, один из основателей и активных участников газеты «Застава», где в 1867 г. сотрудничал и Л. Каравелов.
2) «Южно-славянская демонология» в «Филологических записках» опубликована не была.
3) По-видимому, речь идет о предисловии к «Болгарским песням», собранным Л. Каравеловым и впервые увидевшим свет только в 1905 г.
4) Бошкович Стоян (1833—1908) — сербский политический деятель и историк либерального направления.
5) Станиславович — русская интерпретация от настоящего отчества Каравелова — Стойкович.
6) Миленкович и Драгутин Петрович — адвокаты из Белграда, приехавшие в составе сербской делегации на этнографическую выставку в Москву в 1867 г.
7) Среткович Пантелеймон (1834—1903) — известный сербский историк-славист, профессор Белградского лицея.
8) Драгошевич Йован (1836—1915) — генерал, профессор артиллерийской школы, преподавал историю, географию, писал стихи и исторические повести.
9) Васильевич Олимпий (1831—1911) — политический деятель и ученый. В 1869 г. был профессором философии в «Великой школе», затем министром просвещения в Сербии.
10) Возможно, Каравелов имеет в виду Георгия Влайковича (1831—1883), члена одного из оппозиционно-националистических кружков Сербии.
11) Матич Димитрий (1821—1884) — политический деятель и ученый. Был адвокатом, потом профессором гражданского права, затем министром просвещения и заместителем министра иностранных дел Сербии.
12) Шафарик Ян (1812—1876) — доктор медицины, племянник крупнейшего слависта Павла-Иосифа Шафарика. Ян Шафарик занимался также археологией, нумизматикой, был членом археологического общества и общества русских врачей в Москве.
13) Речь идет о газете «Русский», издаваемой М. П. Погодиным в 1867—1868 гг.
14) «Кирилло-мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России» был издан М. П. Погодиным в 1865 г.
15) Скворцов Н. С.— редактор газеты «Русские ведомости» (с 1864 г.).

«ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СТАТИСТИЧЕСКИХ ТРУДАХ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ»

За 17 лет существования Министерства торговли и промышленности (1900—1917 гг.) в его фонде сконцентрировалось громадное количество статистических материалов, являющихся важнейшим источником для изучения экономической истории послереформенной России. Архивный фонд Министерства торговли и промышленности (МТиП), содержащий эти материалы, хранится в ЦГИАЛ и постоянно привлекает к себе исследователей.

Недавно в нем была обнаружена не известная до настоящего времени «Историческая справка о статистических трудах Министерства торговли и промышленности»[1], составленная в 1916 г. В. П Семеновым-Тянь-Шанским, сыном выдающегося ученого П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

В начале «Исторической справки» автор ее делает краткий обзор статистической деятельности Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов за все время его существования (1864—1900), особо останавливаясь на характеристике осуществленных Департаментом статистических изданий. Далее излагаются те орга-

[1] ЦГИАЛ, ф. 23, Министерство торговли и промышленности, оп. 27, д. 853.

ационные изменения, которые претерпела статистическая часть данного департамента при преобразовании его сперва в Центральное управление по части торговли и промышленности, а затем — в самостоятельное министерство. Как сообщает В. П. Семенов, статистическое отделение уже в самом начале указанных преобразований было ограничено в своей компетенции лишь вопросами общеэкономического характера. Между тем круг статистических проблем, интересующих вновь созданное ведомство, становится все шире и шире. Так, например, впервые в России создается специальная статистика по рабочему вопросу и рабочему движению, разрабатывается ряд важных вопросов в области статистики отдельных производств, профессионального образования, торгового мореплавания, движения цен и т. п.

В связи с этим разработка отдельных отраслей статистики возлагается на самые различные части Министерства (Отделение страхования от несчастных случаев Отдела промышленности, Таможенно-тарифное отделение того же отдела, Акционерное отделение Отдела торговли, Геологический комитет, 3-е отделение отделов торгового мореплавания и портов и др.).

Затем В. П. Семенов приступает к тематическому обзору статистических трудов МТиП, осуществленных в течение 1900—1916 гг., сопровождая приводимые им фактические данные ценными критическими замечаниями относительно организации, полноты и качества выполненных работ.

«Справка» В. П. Семенова существенно восполняет пробел в библиографии по дореволюционной экономике России: в одном из приложений к «Справке» дается полный список изданий МТиП по статистике, выпущенных в свет с 1900 по 1917 г. Наряду с этим указанное приложение содержит исчерпывающие сведения о всех статистических изданиях МТиП, которые в 1916 г. находились еще в состоянии подготовки, но так и не увидели света («Свод товарных цен на главнейших русских и иностранных рынках за 1916 г.», «Торговля и промышленность Российской империи по районам за 1910 г.», «Сведения о положении промышленности в связи с войной» и др.).

Большой интерес представляет и другое приложение, которым снабдил В. П. Семенов свою «Историческую справку» — список «Главнейших основных источников, служивших для работ МТиП по статистике», содержащий названия 34 групп источников, среди которых преобладают архивные материалы различных структурных частей фонда этого Министерства.

Таким образом, «Историческая справка о статистических трудах Министерства торговли и промышленности», составленная В. П. Семеновым-Тянь-Шанским, является не только ценным источником для изучения истории русской социально-экономической статистики предоктябрьского периода, но и может служить существенным пособием для советских исследователей, обращающихся в своей работе к обширному, чрезвычайно богатому, но все еще мало использованному архивному фонду Министерства торговли и промышленности.

В. В. Бедин, Г. М. Горфейн

ДВА НЕДОРАЗУМЕНИЯ

(О документах однофамильца М. И. Кутузова)

Несколько лет тому назад в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина поступил новый документ — патент на производство Михаила Голенищева-Кутузова в чин секунд-майора [1]. Он привлек к себе внимание, так как мог дополнить сведения в биографии М. И. Кутузова. Ранее были известны лишь даты

[1] «Записки отдела рукописей», вып. XII, М., 1951, стр. 120.

производства М. И. Кутузова в капитаны (1762 г.) и премьер-майоры (1770 г.) Обнаруженный в ЦГВИА СССР подлинный формулярный список М. И. Кутузов составленный в 1791 г. и подписанный им самим, также подтверждает эти данные

Между тем патент на производство Кутузова в чин секунд-майора был датиро ван 27 августа 1764 г. Подписанный Екатериной II и генералом Захаром Чернышё вым, он гласил, что Михайла Голенищев-Кутузов 1 октября 1763 г. «для его оказа ной к службе нашей ревности и прилежности» пожалован в секунд-майоры. Каза лось, что патент восполняет пробел в биографии М. И. Кутузова, устанавлива время получения промежуточного чина между капитаном и премьер-майором, о ко тором не было никакого упоминания в формулярных списках полководца. Одна содержание патента противоречило другим документам, указывающим, что в 1764 и даже позднее М. И. Кутузов оставался в чине капитана, получив в 1770 г. чи премьер-майора, минуя младший чин секунд-майора.

В 1955 г. в Отделе рукописей Государственной библиотеки УССР в Киеве бы обнаружен еще один документ, о котором сообщалось, что он является подлинны рапортом премьер-майора Нижегородского карабинерного полка Михаила Голенищ ва-Кутузова от 15 декабря 1765 г., адресованным генерал-аншефу П. А. Румянцеву На основании этого документа авторы сообщения сделали вывод, что 15 декабр 1765 г. М. И. Кутузов был премьер-майором, а не капитаном, как об этом было ук зано в сборнике «М. И. Кутузов» (т. I), и что поэтому сведения о пребывании Кут зова в чине капитана до 1770 г., следует считать ошибочными.

Налицо были явно противоречивые показания источников. После сличения по черков подписей на рапорте М. Кутузова от 15 декабря 1765 г. (по присланной Киева фотокопии) с подписями подлинных документов М. И. Кутузова, хранящихс в ЦГВИА, все недоуменные вопросы были сразу сняты. Хотя рапорт от 15 декабр 1765 г. действительно был подписан Михаилом Голенищевым-Кутузовым, но всяки кто изучал автографы великого полководца, сразу бы определил, что подпись при надлежала другому лицу. В то же время не было никаких оснований предполагат наличие подделки. Вернее было предположить, что существовал однофамилец и те ка М. И. Кутузова, одновременно с ним служивший в армии, и что именно докуме ты этого однофамильца и ввели в заблуждение исследователей.

Поиски сведений, подтверждающих эту версию, увенчались успехом. Была на дена подлинная челобитная Михаила Голенищева-Кутузова от 6 февраля 1769 и установлена идентичность подписи автора челобитной с подписью на рапорт 1765 г. Упомянутая в челобитной дата производства его в секунд-майоры (1 октябр 1763 г.) совпадала с датой, указанной в патенте. Не оставалось сомнений, что и па тент 1764 г., и рапорт 1765 г. принадлежали этому забытому русскому офицеру.

Стало также известно, что звали его Михаилом Тимофеевичем, что родился о в 1726 г., учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, участвовал в Сем летней войне — в сражениях при Гроссегерсдорфе (1757 г.), под Пальцигом, Фран фуртом (1759 г.) и при взятии Берлина в 1760 г. Во время военных действий в 1768 под Краковым он упал с лошади, которая сильно помяла его. В феврале 1769 г. был отставлен от службы с чином подполковника [4].

Таким образом, удалось установить подлинное авторство двух документов, кот рые ошибочно были отнесены к документам М. И. Кутузова, и устранить сомнен относительно даты производства М. И. Кутузова в чин премьер-майора.

Р. Е. Альтшулл

---

[1] Сборник «М. И. Кутузов», т. 1, М., 1950, стр. 2—5.
[2] ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7016, лл. 560—561.
[3] Вiсник Академiї наук УРСР, 1955, № 8, стр. 70—71.
[4] ЦГВИА, ф. 4, оп. 11/30, д. 236, лл. 17—26.

Критика Библиография

ИСТОРИЯ ЗАВОДА В ДОКУМЕНТАХ

ышел из печати сборник документов иатериалов по истории Харьковского овозостроительного завода[1]. За послед- годы это первый сборник, в котором ематически подобраны документы, щающие историю промышленного приятия в неразрывной связи с раз- ием и ростом рабочего движения.

ачение научной истории заводов вы- ет из той роли, которую играет про- риат наиболее крупных предприятий тории страны. Н. К. Крупская в пре- овии к одной из первых книг по исто- заводов писала: «В заводе, как в але, отражается экономика страны, совая структура общества, взаимоот- ения между различными борющимися сами, степень сознательности, органи- нности каждого класса, отражается стический уклад страны, политика в твии»[2].

бота по созданию истории заводов развернута в 30-е годы после высту- ия М. Горького в «Правде» 7 сентяб- 931 г. и Постановления ЦК ВКП(б)) октября 1931 г. Одобряя предложе- М. Горького, Постановление ЦК (б) отмечало, что сборники по исто- заводов «должны дать картину раз- я старых и возникновения новых дов, их роль в экономике страны, по- ние рабочих до революции, формы и ды эксплуатации на старых заводах, бу рабочих с предпринимателями, бы- е условия, возникновение револю- ных организаций и роль каждого да в революционном движении, роль да и изменение отношений на заво- осле революции, изменение типа ра- бочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства в последние годы»[3].

В те годы архивы страны провели значительную работу по ознакомлению широкой общественности с документальными материалами по истории наиболее крупных заводов[4], но работа эта не была доведена до конца. Поэтому-то сборник документальных материалов по истории Харьковского паровозостроительного завода, подготовленный Государственным архивом Харьковской области, радует нас, так как говорит о возобновлении этой работы. Документы сборника расположены в хронологическом порядке и разбиты на шесть разделов по периодам.

Сборник знакомит с историей возникновения завода, его производственной мощностью, характером выпускаемой продукции, влиянием рыночной конъюнктуры на масштабы производства и ассортимент выпускаемой продукции. Ряд документов показывает зависимость русской промышленности от правительственных заказов и участие иностранного капитала в эксплуатации природных богатств России (док. №№ 1, 5, 12).

В 1896 г. были построены основные объекты завода (док. № 12), а в 1902 г. на заводе уже работало 3425 человек, которые выпускали продукции на сумму 6 940 392 руб. в год (док. № 32).

О влиянии мирового промышленного кризиса 1899—1903 гг. и падении произ-

---

[1] История Харьковского паровозострои- ного завода. 1895—1917 гг. Сборник до- нтов и материалов. Харьковское стное издательство, 1956, 379 стр.

[2] І. П. Паялин. Завод имени Ленина. 933, стр. V.

[3] «Правда» № 281 (5086) от 11 октября 1931 г. Недавно «Правда» в редакционной статье вновь поднимала вопрос о необходимости развернуть работу по созданию истории заводов, а также по истории сел, колхозов и совхозов. См. «Правда», № 291 (14320) от 18 октября 1957 г.

[4] См. об этом сборники «Архивное дело Московской области», 1932, № 2—3, стр. 52 и «Ленинградский архивист», вып. II, Л., 1934, стр. 72.

водства накануне I-й мировой войны рассказывают документы второго и четвертого разделов.

В пятом разделе сборника исследователь найдет материалы, характеризующие рост производства, вызванный увеличением правительственных военных заказов. Если перед войной завод выпускал продукции менее, чем на 6 млн. руб. в год, то в первые же годы войны его производительность поднялась почти до 14,5 млн. руб., а прибыли акционеров составили колоссальную сумму — 2 936 639 руб. Число рабочих за первые два года войны возросло почти вдвое: с 3622 чел. к началу войны до 6017 чел. в 1916 г. (док. №№ 197, 211, 219 и др.).

Документы сборника показывают хищническую природу буржуазного предпринимательства, преступное отношение к нуждам рабочих. Вложив в строительство завода свыше 4 млн. руб., правление РП и МО не сочло возможным выделить 450 тыс. руб. на строительство домов для рабочих и ассигновало только 100 тыс. руб. на постройку «лишь самых необходимых помещений в виде теплых бараков», да и то решило провести ее «хозяйственным способом, по возможно дешевому типу, для помещения возможно большего числа рабочих» (док. № 11).

Документы раскрывают картину бессовестного ограбления рабочих, их бесправное положение на заводе. Даже начальник Харьковского губернского жандармского управления вынужден был признать, что на паровозостроительном заводе «материальное обеспечение рабочих в смысле заработной платы совершенно неустойчиво, не подчинено никакой регламентации и всецело находится в руках цеховых мастеров» (док. № 24).

Широко представлены материалы о развитии революционного движения на заводе. Начиная со второго раздела сборника, документы показывают как постепенно развертывается борьба рабочих за человеческие условия жизни, растет революционное сознание рабочих. Создание в 1900 г. в Харькове комитета РСДРП поднимает эту борьбу на новую ступень (док. №№ 25, 26).

По признанию харьковского губернатора, деятельность революционных кружков на заводе была «далеко не безрезультатной» (док. № 41).

Наиболее полно в сборнике представлены документы, характеризующие участие рабочих ХПЗ в первой русской буржуазно-демократической революции. Этот раздел занимает третью часть всего сборника. 29 января 1905 г. ХПЗ забастовал в знак протеста против кровавой расправы царского правительства над петербургскими рабочими 9 января. «Рабочие единогласно мне заявили,— телеграфировал директор ХПЗ председателю правления РП и МО,— что причина их забастовки заключается, во-первых, в сочувствии петербургским товарищам, во-вторых, требо вания их суть общероссийские требовани и, в-третьих, они просят освободить аре ствованных товарищей» (док. № 54).

Всего в течение 1905 г. завод бастова восемь раз, и все забастовки отличалис высокой организованностью и сознател ностью бастующих.

Документы сборника показывают веду щую роль большевистской партии в орга низации политических выступлений и во оруженного восстания харьковского про летариата, показывают деятельность руко водителя харьковской организации РСДР т. Артема на заводе. Большевистская ор ганизация Харькова во главе с т. Арте мом пользовалась безраздельным автори тетом среди паровозостроителей. Большевики не случайно избрали своей опоро рабочих ХПЗ; из 16 тыс. фабрично-завод ских рабочих Харькова около одной пято приходилось на долю этого завода (до №№ 41, 91, 92).

Шаг за шагом документы раскрываю процесс роста классового революционно го сознания рабочих ХПЗ в ходе револю ционной борьбы, рост пролетарской соли дарности и организованности. От эконо мических требований первых забастово (док. № 24) рабочие переходят к общепо литическим требованиям (док. № 58), о неорганизованных выступлений первы лет (док. № 33) к политическим стачка и вооруженной борьбе (док. №№ 54, 10 101, 103 и др.).

Документы освещают организацию по мощи безработным и семьям погибших вооруженных восстаниях (док. №№ 10 114, 121), создание забастовочного фонд для борьбы с объединенными силами бу жуазии (док. № 73). На конкретном мате риале раскрывается все значение ленин ских слов о том, что в революционны эпохи «классовое самосознание растет отчеканивается бесконечно быстрее, че в эпохи застоя или так называемого ми ного прогресса» [1].

В четвертом разделе сборника исследо ватель найдет интересный материал борьбе харьковских паровозостроителей эпоху наступления реакции, начиная сообщения о забастовке в январе 1907 в память о «кровавом воскресени (док. №№ 133, 134). Забастовки на заво имели место и в последующие год В ряде документов рассказывается о тре месячной забастовке в 1912 г., о котор В. И. Ленин писал: «Чрезвычайным упо ством отличалась вспыхнувшая в нояб в Харькове стачка 2000 рабочих паровоз строительного завода. Завод имел сро ные казенные заказы и нес „крупны убытки от простоя"» [2].

Последний, шестой раздел сборни посвящен участию харьковских паровоз строителей в подготовке Великой Октяб

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 178.
[2] Там же, т. 19, стр. 289.

ой социалистической революции. Это, жалуй, один из интереснейших раздев. Рассказывая о первых шагах рабого класса по установлению контроля над ятельностью заводской администрации, поддержке заводским коллективом льшевистских требований о передаче ей власти в стране Советам рабочих, крельянских и солдатских депутатов, докунты раздела показывают на примере бочего коллектива одного предприятия степенное развитие буржуазно-демократической революции в социалистическую, казывают ограниченность буржуазномократической революции, антинародй характер учреждений буржуазной спублики, стоящей на страже частнобственнических интересов.

Документы свидетельствуют о росте ассового сознания пролетариата, о раущей самодеятельности рабочих ХПЗ. 22 марта рабочие явочным порядком ели 8-часовой рабочий день (док. №№ 5, 226), организовали профсоюз, установили контроль за деятельностью заводоравления (док. №№ 224, 227, 228 и др.). первых дней революции рабочие ХПЗ али прочной опорой большевистской организации, выступая в поддержку требоний большевиков о передаче всей влаи Советам, о заключении немедленного ра без аннексий и контрибуций, решиьно протестуя против контрреволюциных мероприятий Временного правиьства (док. №№ 230, 240, 246 и др.).

На три четверти сборник состоит из доментов правительственных учреждений администрации завода. Здесь донесения, порты, сообщения начальника Харьковрго охранного отделения, начальника бернского жандармского управления, лицмейстера, губернатора, а также обирная документация дирекции завода и авления РП и МО. Такой состав объясется тем, что документы лагеря революи (рабочих организаций), материалы ртийной печати и т. д. сохранились в ень ограниченном количестве.

К сожалению, составители сборника отзались от какой бы то ни было критики нденциозной официальной документации не снабдили публикуемые источники мментариями, которые правильно бы лковали содержащиеся в них сведения. Например, док. № 148).

Подстрочные примечания касаются шь самых необходимых фактических равок. А между тем, целый ряд докунтов нуждается в таких комментариях. пример, в сборнике помещено донесее начальника Харьковского губернского ндармского управления директору Де735ртамента полиции о необходимости тупок рабочим со стороны администраи завода в отношении поденной платы расценок на сдельные работы (док. 153). При чтении этого документа мот создаться впечатление, что начальк жандармского управления в интересах рабочих выступает в качестве арбитра между ними и предпринимателями. Комментарий должен был бы объяснить истинные цели рекомендаций жандармского полковника, так же как и цели, которые преследовал губернатор, обращаясь к министру внутренних дел с просьбой предоставить казенный заказ заводу (док. № 41). Тем не менее и в первом, и во втором случаях, документы идут без примечаний.

Не подвергнут критике и документ № 207, говорящий о повышении заработной платы рабочим в 1916 г., тогда как комментарий должен был бы показать рост стоимости жизни, снижение реальной заработной платы в годы первой мировой войны, и тогда этот документ свидетельствовал бы не об «уступчивости» администрации в «повышении» зарплаты, а лишь о частичном возмещении тех убытков, которые несли рабочие в результате повышения цен на продукты первой необходимости и квартирную плату.

В сборнике совершенно отсутствуют взаимные ссылки на документы, которые могли бы облегчить знакомство с материалом.

Следует отметить в целом хорошее качество археографической обработки документов сборника. Заголовки составлены лаконично, отсутствует разнобой в их оформлении, но следует отметить, что они не всегда полностью удовлетворяют читателя: иногда не указывается автор источника (док. №№ 32, 270 и др.), причем иногда автора трудно установить и из самого текста (док. №№ 74, 172). В заголовках документов, представляющих собой газетные сообщения, не отмечается, что сообщение взято из газеты (док. №№ 33, 66, 67, 75, 94, 100 и др.). Не следовало опускать в заголовках фамилии корреспондентов и адресатов, ограничиваясь только указанием их должностей. Это затрудняет научную работу над материалами сборника, тем более, что составителями сняты и все подписи под документами.

Легенды содержат все необходимые исковые данные, однако следовало бы дать не только номера фондов, но и их названия (или приложить список использованных фондов с их номерами).

Очень много документов (73 из 275) помещено в извлечениях, причем опущенные части текста никак не оговорены, если не считать общей фразы во введении, что «в некоторых документах опущены части текста, которые не имеют прямого отношения к их основному содержанию». Необходимо в каждом случае оговаривать, что именно опущено составителями.

Сборник снабжен предметным, географическим и именным указателями, но хотелось бы, чтобы именной и географический указатели были более подробны. Так, например, глухой именной указатель не дает никаких сведений о лицах.

Введение «От составителей» хотелось бы видеть более обстоятельным; в нем ничего не говорится о принципах отбора документов, не характеризуются использованные архивные фонды и ничего не сказано о существовании других материалов по истории ХПЗ, не вошедших в сборник.

Вводная статья К. К. Шияна содержательна и во многом дополняет материалы сборника, помогает в изучении истории завода, но полностью задач, стоящих перед вводной статьей к сборнику, она не выполняет. В статье не дается анализа состава документов с точки зрения их происхождения, классовой направленности и достоверности; ничего не говорится о значении документов и их ценности для создания научной истории завода. Статья напоминает скорее исследование, написанное на базе документов сборника, чем введение к нему.

В целом же рецензируемый сборник является ценным начинанием коллектива Государственного архива Харьковской области.

В настоящее время ряд архивов страны готовит сборники, посвященные истории отдельных предприятий. Так, например, Государственный архив Ворошиловградской области готовит сборник документов «История Луганского паровозостроительного завода», Государственный архив Крымской области готовит сборник документов из истории Керченского металлургического завода им. Войкова.

Учитывая политическое значение выходящих сборников хотелось бы увидеть их хорошо иллюстрированными. Можно поместить в сборниках фотографии заводов, революционеров, вышедших из рабочей среды, фотокопии наиболее интересных документов.

Сборники по истории отдельных предприятий должны стать главным подспорьем заводских агитаторов в борьбе за честь предприятия, за достоинство рабочего коллектива, за новые успехи в повышении производительности труда и улучшении быта трудящихся. Показывая развитие классового революционного самосознания пролетариата в условиях капиталистического государства, они научат новые поколения трудящихся ценить и укреплять революционные завоевания рабочего класса, станут острым оружием в политическом воспитании молодежи нашей страны.

А. Т. Павлов

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФ. С. Н. ВАЛКА

В декабре 1957 г. исполнилось 70 лет известному историку, члену редколлегии журнала «Исторический архив», доктору исторических наук профессору Сигизмунду Натановичу Валку.

Особенно большой вклад внес С. Н. Валк в изучение вспомогательных исторических дисциплин. Крупный историк-археограф, он известен как автор монографии «Советская археография», а также ряда статей, опубликованных в журнале «Архивное дело», в сборнике «Проблемы источниковедения» и других изданиях.

С. Н. Валк является редактором многих изданий документальных материалов, среди которых особенно следует отметить «Декреты Советской власти», опубликованные к 40-летию Октября.

Поздравляя Сигизмунда Натановича с его семидесятилетием, редакция журнала «Исторический архив» желает ему доброго здоровья, многих лет жизни и дальнейших успехов в развитии советской исторической науки.

Хроника

О РАБОТЕ ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ СО СТАРЫМИ БОЛЬШЕВИКАМИ В СВЯЗИ С 40-ЛЕТИЕМ ОКТЯБРЯ

обилейном 1957 г. Центральный пар-
ий архив ИМЛ при ЦК КПСС и об-
ые партархивы провели серьезную
у по сбору воспоминаний старейших
унистов — ветеранов революции.
е в апреле 1956 г. ЦПА ИМЛ разо-
всем местным партийным архивам
альное письмо об организации рабо-
о выявлению активных участников
рьской революции и сбора их воспо-
ий. С этого времени партийные ар-
начали устанавливать тесную связь
тивными участниками Октябрьской
оции и собирать воспоминания, до-
ты (в том числе и фотографии) и
е материалы. Вместе с обкомами
комами) партии многие партийные
ы организовали совещания и встре-
старыми большевиками — участни-
борьбы за установление и упрочение
ской власти. Такие совещания про-
и в Ярославле, Чкалове и отдельных
ах Чкаловской области, в Мичурин-
амбове, Воронеже, Туле, Орле, Улья-
, Калинине, Челябинске, Верхне-
ске, Ижевске и других городах и
ах.
ПА ИМЛ при непосредственном уча-
ряда обкомов КПСС состоялись сове-
с ветеранами Октября и граждан-
ойны, ранее работавшими в разных
иях: Калужской (21—22 января
; присутствовало 85 чел.), Симбир-
(1 марта 1957 г.; 65 чел.), Тверской
рта 1957 г.; около 70 чел.), Самар-
5 апреля 1957 г. — около 150 чел.);
те—июле 1957 г. прошли совещания
большевиков, работавших в Турк-
на Дальнем Востоке, в Челябин-
Уфимской, Тамбовской, Нижегород-
Орловской губерниях, в Омске.
воих докладах представители обко-
артии ознакомили участников со-
ий с развитием промышленности,
ого хозяйства и культурного строи-
за в областях. С сообщениями о подготовке сборников документов и воспоминаний, издаваемых к 40-летию Октября, и об участии в этой работе старых большевиков на совещаниях выступали заведующие партийными архивами обкомов партии.

В совещаниях приняли участие секретари и члены бюро обкомов КПСС, члены дирекции и сотрудники ИМЛ и ЦПА, представители местных госархивов, музеев, издательств и редакций газет.

В ЦПА ИМЛ проходили также встречи заведующих и научных сотрудников партийных архивов со старыми большевиками, проживающими в Москве. В ноябре 1956 — январе 1957 г. собирались участники революционных событий в Оренбургской губернии, старые большевики — ижевцы, смоляне, брянцы и проскуровцы.

В своих выступлениях на совещаниях и встречах старые большевики делились воспоминаниями о революционной работе, выражали удовлетворение по поводу созыва совещаний и высказывали пожелания относительно организации работы по написанию воспоминаний и дальнейшему упрочению связей с ИМЛ, партийными архивами и обкомами партии.

Товарищи И. В. Лычев, Н. И. Корицкий, Ю. К. Милонов (самарцы), М. П. Артемов и Н. В. Борисов (калужане) и многие другие горячо откликнулись на призыв о представлении в партийные архивы записей своих воспоминаний, а также сохранившихся у некоторых товарищей документов, фотографий, газет и других материалов революционных лет.

В интересах правдивого отражения в воспоминаниях исторических фактов и событий участники совещания тт. М. М. Константинов (работавший в Твери), А. В. Анцишкин (Брянск) и другие говорили о необходимости работать в архивах и библиотеках, не полагаясь на память. В целях взаимопроверки и дополнения друг друга товарищи предлагали коллек-

тивные формы работы при написании и обсуждении уже подготовленных воспоминаний.

Рассказы отдельных товарищей были застенографированы (воспоминания чапаевцев, активных участников Октябрьской революции в Тверской губернии и др.).

В настоящее время при обкомах и партархивах действуют инициативные группы или комиссии содействия партийным архивам. Практика показывает, что эти инициативные группы оказывают большую помощь в организации и поддержании связей со всеми участниками революционных событий, проживающими теперь в Москве.

Заслуживают одобрения и поддержки многочисленные предложения участников совещаний относительно широкого привлечения их к пропагандистской и воспитательной работе. Тов Н. П. Зверев, работавший в Симбирске, М. Д. Горчаев (Самара) и многие другие рассказывали о своих выступлениях перед молодежью и взрослым населением и выражали желание поехать на заводы и в другие места, где они раньше работали, и выступить там с воспоминаниями.

Многие участники совещаний в св выступлениях правильно указывали необходимость установления мемориа ных досок в исторических местах, где ходили революционные события, об у новлении памятников или бюстов отд ным выдающимся деятелям револю незаслуженно забытым впоследствии.

ЦПА ИМЛ направляет работу мест партийных архивов с участниками р люционных событий и оказывает им мощь в проведении совещаний и вст со старыми большевиками, предостав свои документальные фонды и библиот для пользования, оказывает методичес помощь в подготовке к изданию сбор ков документов, воспоминаний и дру работ.

За 1956—1957 гг. в партийные архивы ступило большое количество воспоми ний, отдельных документов, фотограф газет и других материалов революцион лет. Это имеет огромное значение, так в партийных архивах не всегда хор сохранились документы периода рево ции и первых лет Советской власти.

И. М. Мирон

К 250-летию ЛЕНИНГРАДА

(Научная конференция архивистов)

В дни празднования 250-летия Ленинграда 11—12 июня 1957 г. ленинградские архивы совместно с научной общественностью города провели научную конференцию, на которой были заслушаны следующие доклады, основанные, как правило, на значительном количестве архивных материалов: «250 лет Ленинграда» (докладчик — доктор исторических наук А. В. Предтеченский), «Ленинград — город трех революций» (В. Е. Бондаревский), «Ленинград — важнейший культурный и научный центр страны» (И. Ф. Петровская), «К истории развития основных отраслей промышленности Петербурга — Петрограда» (А. И. Давиденко), «К истории организации и развития социалистической промышленности» (М. В. Киселева), «Ленинград — город-порт, город военно-морской славы» (В. Е. Надводский), «Ленинград — город-герой» (Ф. И. Сирота), В. Н. Шумилов сделал сообщение о документах ЦГАДА, говорящих об основании Петербурга.

Материалы конференции будут опубликованы в специальном сборнике, посвященном юбилею.

В день открытия конференции была открыта выставка документов, графических материалов и фотографий по истории города за 250 лет, представленных ленинградскими архивами.

Экспозиция выставки включала след щие разделы: революционное движе в Петербурге—Петрограде; Ленингра крупный промышленный центр; Лен град — город-порт, город морской сла Ленинград — важнейший научный и ку турный центр; Ленинград — город ар тектурных ансамблей.

На выставке экспонировались мате лы разных исторических эпох и са различного характера. Участники ко ренции познакомились здесь с доку тами Петра I и его сподвижников о ст тельстве морских кораблей на верфях вой столицы и первых победах моло Балтийского флота, материалами о па отической деятельности М. В. Ломонос о ссылке в Сибирь А. Н. Радищева, стании Семеновского полка в 1820 г. Б шое количество материалов посвящ рабочему движению на петербург предприятиях, революционным событ 1905—1907 гг.

На выставке представлено большое ло уникальных документов, говорящи жизни города — крупнейшего центра ской и мировой культуры: пис П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Ко кова, И. Е. Репина, А. Г. Венецианова, сторженные отзывы иностранных ху ников и критиков о картине К. П. Бр лова «Последний день Помпеи» (1833

о о службе в государственных театрах менитой балерины А. М. Павловой.

ледует отметить документы об М. Горьком: приветствие Выборгского ета депутатов писателю в связи с пятитилетием со дня рождения, стенормма его лекции «О знании» (1920), ная карточка А. М. Горького — члена совета XIV созыва (1934 г.). На стен- и витринах помещены редкие фотомки А. М. Горького, А. К. Глазунова, В. Верещагина, С. С. Прокофьева, П. Корчагиной-Александровской и т. д.

собенный интерес представляют докуты, относящиеся к истории подготовки роведения Великой Октябрьской социатической революции и истории Петрода-Ленинграда в годы советской власти. сь: телеграмма Центробалта команде йсера «Аврора» с предписанием испольь приказы Военно-революционного коета, донесение о прибытии в Петрод сводного отряда кронштадтских моков для участия в штурме Зимнего двор- малоизвестные фотографии В. И. Леа, Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинго, М. И. Калинина, Н. И. Подвойского, А. Антонова-Овсеенко, Н. Г. Крыленко, С. Урицкого, М. М. Володарского и др. д документов отражает установление очего контроля на петроградских предятиях, национализацию фабрик и заво-, рабочее управление ими, организацию деятельность Петроградского Совета одного хозяйства, Северо-Западного промышленного бюро и Ленинградского областного совнархоза (1918—1928 гг.).

Экспонированные архивные материалы отражают развитие ленинградской промышленности в период индустриализации. Здесь, например, представлен обзор истории тракторостроения на заводе «Красный Путиловец» в 1926—1928 гг., выставлены фотографии и отчеты о выпуске первых советских тракторов и турбогенераторов. Другая группа документов рассказывает о героической борьбе и самоотверженном труде ленинградцев в годы Великой Отечественной войны. На выставке экспонируется обращение К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и П. С. Попкова «Ко всем трудящимся города Ленина» от 21 августа 1941 г. в связи с началом блокады города, имеются материалы о строительстве оборонительных рубежей, сборе средств в фонд обороны страны и сборе теплых вещей для Красной Армии, о борьбе с пожарами, противовоздушной обороне, работе сандружинниц, отчет о работе промышленности и транспорта города в 1941—1942 гг. и др. Здесь же выставлено приветствие мэра Лондона населению Ленинграда, посланное в связи с прорывом блокады (1943 г.), с выражением восхищения героизмом и мужеством ленинградцев.

Выставка архивных документов вызвала большой интерес у посетителей.

А. Х. Горфункель, А. Б. Голдовская, Э. С. Паина

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Москве создан Центральный государственный архив РСФСР, в хранилищах которого будут собраны документальные материалы, образовавшиеся период после 1923 г. на территории ссийской Федерации в процессе деяьности высших органов государственй власти РСФСР, высших исполнительх органов государственного управления спублики, органов суда и прокуратуры спублики; государственных, общественх и кооперативных учреждений, оргазаций и предприятий республиканского ачения; научных, учебных, культурных технических учреждений, организаций предприятий республиканского значея; профессиональных союзов и входяих в их ведение учреждений и предприий республиканского значения; государвенных и общественных деятелей ресблики; деятелей науки, техники и выдаихся представителей социалистического уда.

В ЦГА РСФСР войдут также и печатные материалы, относящиеся к его профилю и необходимые для научно-справочной работы сотрудников архива и исследователей.

В настоящее время в ЦГА РСФСР поступают документальные материалы министерств РСФСР, ликвидированных на основании Закона «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (министерства: Местной промышленности, Легкой, Текстильной промышленности, Городского и сельского строительства, Рыбной, Топливной промышленности, Промышленности строительных материалов и др.).

В ближайшие годы в ЦГА РСФСР предполагается сконцентрировать более двух миллионов дел. Эти документы будут предоставлены в широкий научный оборот.

И. Д. Анашкин

НАВСТРЕЧУ 40-летию СОВЕТСКОЙ АРМИИ

После длительного перерыва возобновил свою работу Научный совет Центрального государственного архива Красной Армии СССР, во вновь сформированный состав которого вошли представители 18 научно-исследовательских учреждений и военно-учебных заведений г. Москвы.

На заседании совета, обсуждавшего перспективный план публикации исторических источников и план работы совета на второе полугодие 1957 г., присутствовало много гостей: представители военных организаций и учебных заведений, историки, писатели, сотрудники архивов, научно-исследовательских и учебных заведений, ветераны гражданской и отечественной войн, в том числе бывший член РВС Республики С. И. Аралов, командующий Дальневосточной армией Г. Х. Эйхе, комиссар бригады Котовского П. А. Борисов, начальник штаба бригады подполковник К. Ф. Юцевич, политработник той же бригады генерал-майор В. Л. Цетлин, помощник командира 4-го Советского Нежинского полка 1-й Советской Украинской дивизии Щорса П. И. Точеный, выпускник I Советских пулеметных Кремлевских курсов, ныне член оргбюро землячества кремлевцев генерал-майор И. П. Еремин, командир полка XI армии генерал-лейтенант И. А. Хижняк, генерал-майор И. Ф. Нефтерев и многие другие.

Начальник ЦГАКА *А. Ф. Горленко* в своем докладе отметил, что в последние годы Архив Красной Армии провел большую работу по концентрации, фондированию и научно-технической обработке документальных материалов, по созданию и усовершенствованию научно-справочного аппарата, а также ряд других мероприятий по обеспечению сохранности и лучшему использованию архивных фондов.

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. архивом осуществлен ряд мероприятий, в том числе передача на общее хранение документальных материалов, ранее необоснованно засекреченных. Расширилась работа по использованию архивных документов в научных целях. Устранены имевшиеся до этого ненужные формальности при допуске исследователей в читальный зал, упрощен порядок допуска, в соответствии с пожеланиями читателей изменен распорядок занятий, созданы все необходимые условия для исследователей в работе над документами.

В целях популяризации состава и значения документальных материалов в 1956—1957 гг. ЦГАКА и другие центральные государственные архивы организовали встречи с писателями и художниками г. Москвы.

Значительно оживилась научно-публи
каторская деятельность архива. Издан
сборники документов «Г. И. Котовский
«Боевые подвиги частей Красной Арми
в 1918—1922 гг.», сдан в печать сборни
документов «Борьба Советского народ
против иностранной военной интервенци
и белогвардейщины на Советском Севе
в 1918—1920 гг.», заканчивается подгото
ка сборника «Боевое содружество народ
Советской России с трудящимися зар
бежных стран в 1918—1922 гг.». Готовит
юбилейный сборник к 40-летию Советск
Армии «Организация и формирование Р
боче-Крестьянской Красной Армии» и ря
других сборников и публикаций.

В сборниках будут представлены док
менты о роли Коммунистической партии
мобилизации советского народа на ра
гром врагов, о героизме бойцов, команд
ров и политработников. Подготовку к и
данию документальных сборников Арх
Красной Армии осуществляет вместе
другими архивами и научными учрежд
ниями.

В докладе А. Ф. Горленко и выступл
ниях участников заседания отмечалос
что публикация документов по истор
Советской Армии должна стать централ
ной задачей архива. Незаслуженно забыт
важнейшие и самые напряженные соб
тия периода гражданской войны, масс
вый героизм советских людей. О славны
боевых делах многих частей и соединени
Советской Армии, ее командиров сове
ские люди не знают. О героях гражда
ской войны Киквидзе, Степине, Азин
Блинове, Батурине, Крапивянском наш
молодежь знает очень мало. Выступивши
член Союза советских писател
И. Л. Кремлев заявил, что советские пис
тели могут и должны сыграть решающ
роль в популяризации героев гражданско
войны.

С большим вниманием было заслушан
выступление б. члена РВС Республик
С. И. Аралова, который справедливо упр
кал Архив Красной Армии в том, что
сего времени не выпущен сборник док
ментов о роли В. И. Ленина в создани
Красной Армии, ее строительстве и укре
лении; в таком сборнике давно нуждает
общественность.

На заседании выступили также ветер
ны гражданской войны *И. А. Хижня
И. П. Еремин, В. Л. Цетлин, П. И. Точ
ный* и другие.

Принято решение о мероприятиях п
улучшению использования документал
ных материалов ЦГАКА.

Н. И. Выходце

ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ М. И. КАЛИНИНА

оме Союзов состоялся вечер, посвя-
й памяти М. И. Калинина. На вечер
и соратники М. И. Калинина: Г. И.
ский, Е. Д. Стасова, П. И. Воево-
. А. Словатинская, участники поез-
И. Калинина с поездом «Октябрь-
еволюция» — П. И. Воеводин, зав.
ым складом агитпоезда С. Г. Орлова,
анцелярией поезда Е. С. Лепешин-
одные и близкие, работники Прием-
езидиума Верховного Совета СССР,
авители общественности Москвы.
р открыл директор Музея М. И. Ка-
В. А. Петросян. Заведующий отде-
узея *Б. М. Рудяк* прочел доклад о
и деятельности М. И. Калинина.
споминаниями о нем выступил ряд
щей.
И. Воеводин рассказал о своих по-
с Михаилом Ивановичем Калини-
фронтам гражданской войны. Агит-
«Октябрьская революция» бывал на
опасных участках фронта. Не раз
Калинин выступал перед бойцами,
зывая им о текущем моменте и при-
к победе над врагом.
І. Воеводин отметил, что его всегда
ала простая и доходчивая форма вы-
ний М. И. Калинина, особенно пе-
естьянами. По свидетельству П. И.
дина, В. И. Ленин подробно интере-
я работой агитпоезда и придавал ей
ое значение.
честве политкома поезда «Октябрь-
еволюция» ездил и Г. И. Петров-
Впервые он встретился с М. И. Ка-
ым в 1912 г.
воих воспоминаниях *Г. И. Петров-*
оворил о большой государственной
М. И. Калинина, о его непримири-
рьбе с врагами Советского государ-
троцкистами и зиновьевцами.
. Петровский рассказал о приезде

М. И. Калинина на Украину в марте 1920 г. и об его участии в коммунистическом субботнике по расчистке железнодорожных путей в Харькове. «Работая председателем ЦИК УССР, я часто обращался за советом к Михаилу Ивановичу, я всегда учился у М. И. Калинина»,— сказал Г. И. Петровский.

Заведующий Приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР *П. А. Савельев* работал с М. И. Калининым 18 лет. «Удивительное обстоятельство,— рассказывал П. А. Савельев,— что посетители, которые приходили к Михаилу Ивановичу, через несколько минут чувствовали себя свободно».

Выступая перед работниками Приемной, М. И. Калинин указывал, что дела надо рассматривать не формально, а по существу, по совести. «Поменьше отправляйте дела на места,— говорил он. Лучше отказать, когда вопрос ясен, чем заниматься отсылкой. Не бойтесь отказывать в глаза.

Конечно, когда откажешь, человек уйдет от вас взбешенный, но потом он подумает и скажет, что было место, где ему прямо в лицо сказали, чего ему ждать. Наши ведомства обычно страдают тем, что отсылают людей от Понтия к Пилату. И не отказывают, и не удовлетворяют. Это самая отвратительная бюрократическая волокита. Вы видите, что сделать ничего нельзя,— тогда отказывайте. Зачем зря морочить человеку голову?».

Е. И. Калинина — жена М. И. Калинина — поделилась воспоминаниями о поездке в мятежный Кронштадт зимой 1921 г.

В заключение вечера собравшиеся с большим вниманием просмотрели документальные кинофильмы, посвященные деятельности М. И. Калинина.

В. И. Сокова

НОВОЕ АРХИВНОЕ ЗДАНИЕ В МОСКВЕ

кущем году введено в эксплуатацию
здание для Центрального государ-
ого архива литературы и искусства
которое размещено в парковой зоне
ы — поселке Никольском. Объем
здания составляет 13 200 $м^3$ и про-
ность стеллажных полок в архиво-
ищах — 12 249 *м.* Здание — пяти-
е, с цокольным этажом, построено
естойких материалов. В первом эта-
мещены служебные помещения для
страции и научных сотрудников
, а также читальный зал для едино-
нной работы в нем 25 человек.
ние этажи здания заняты под архи-
илища. В центре каждого этажа —
я комната ответственных хранитe-
ндов, площадью по 20 *кв. м.*
ании имеется грузопассажирский
Хранилища оборудованы воздуш-
оплением, совмещенным с венти-

ляцией, с расчетом поддержания в них температуры в зимнее время 14—16°С. Эти помещения окрашены в светлые тона и в сочетании с полом, который сделан из цветного линолеума, создают необходимые условия для поддержания санитарно-гигиенического порядка в них.

Высота этажа архивохранилищ — 2,4 *м.* Участок застройки огорожен металлическим забором. Подъезды к зданию заасфальтированы, на остальной части двора разбиты газоны.

Ввод этого здания в эксплуатацию является реальным воплощением огромной программы строительства архивохранилищ в нашей стране, предусмотренной Постановлением Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г.

И. Д. Воронин.

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ЗА 1957 ГОД

ДОКУМЕНТЫ

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА

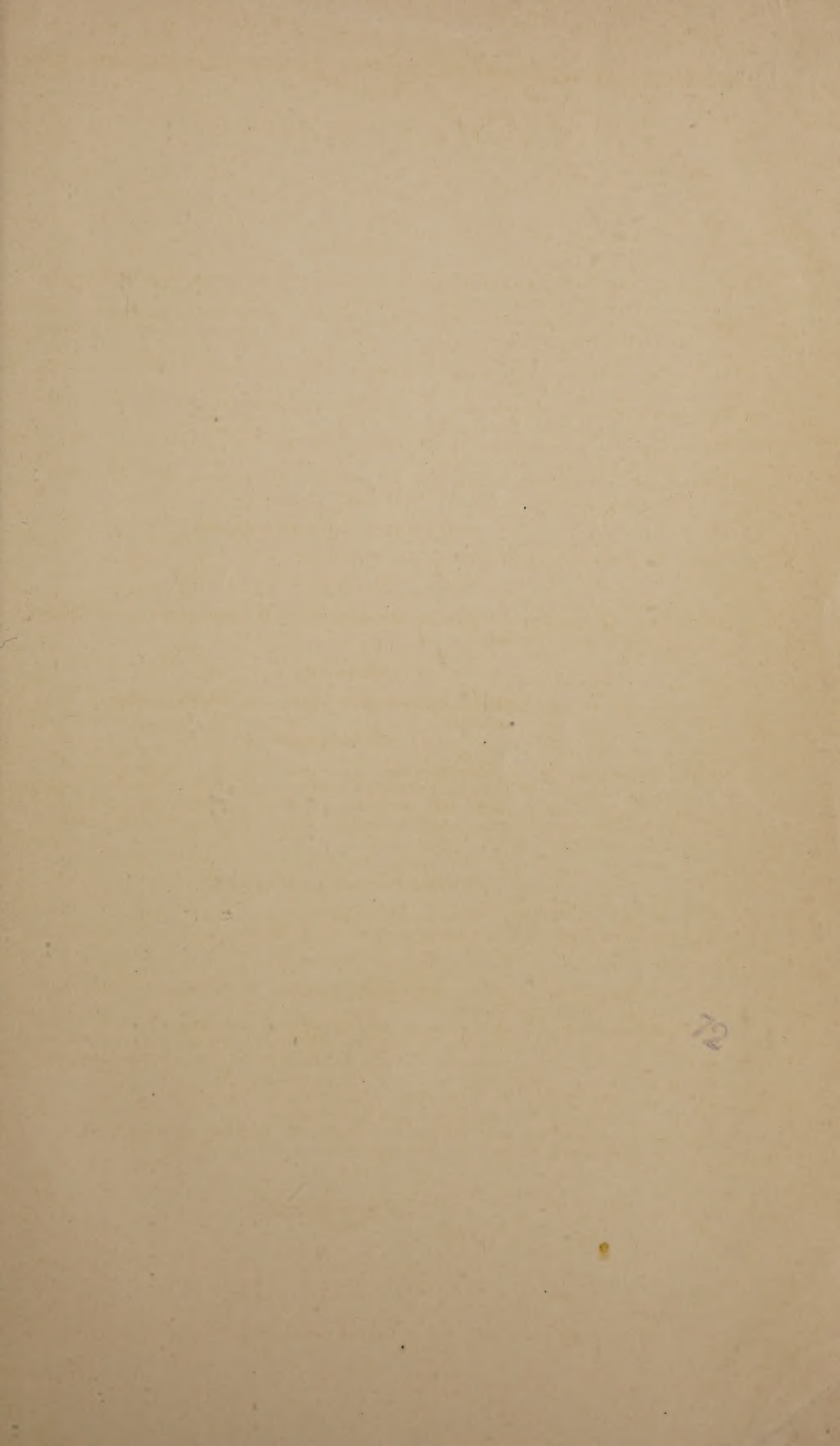
Содержание

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. Б-8-81-42

Т-10859 Подписано к печати 4.XII.1957 г. Печ. л. 16,44 Уч. изд. л. 18,4
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6 Заказ 2084 Тираж 440

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

72

15 руб.